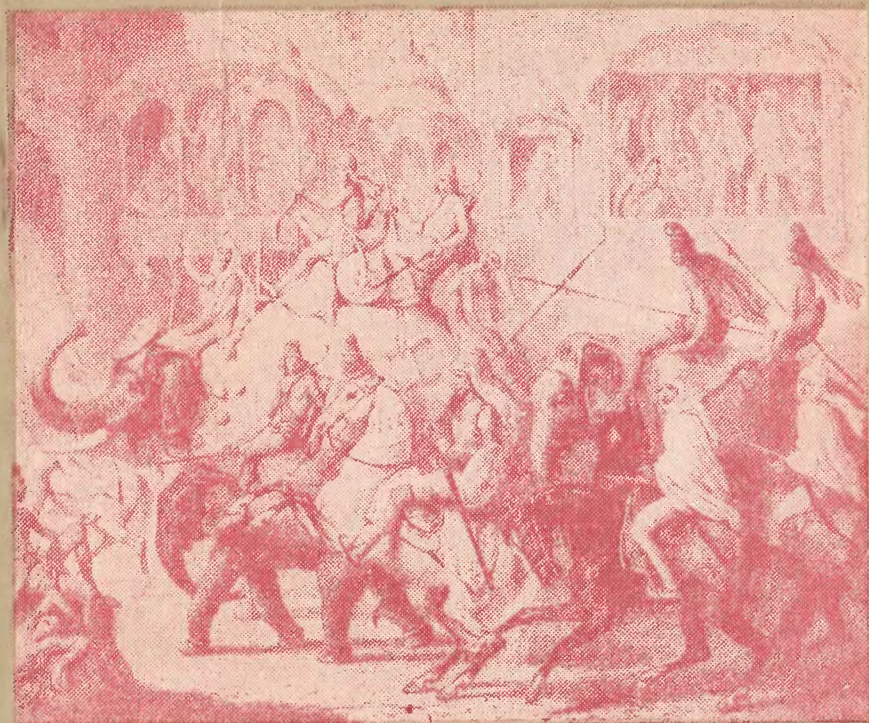

А.Д.Салтыков

ПИСЬМА ОБ ИНДИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.Д.Салтыков

ПИСЬМА ОБ ИНДИИ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОСКВА 1985

Редакционная коллегия

*К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев,
А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский,
Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

Ответственный редактор и автор предисловия

Л. Б. АЛАЕВ

Составление

Т. Н. ЗАГОРОДНИКОВОЙ

Салтыков А. Д.

С 16 Письма об Индии. Предисл. Л. Б. Алаева.
Сост. Т. Н. Загородникова. М.: Главная редакция
восточной литературы издательства «Наука», 1985

176 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга — личные воспоминания русского путешественника А. Д. Салтыкова, дважды побывавшего в Индии в середине XIX в. Он посетил Шри Ланку, пересек Индию с юга на север и с востока на запад и дал подробные зарисовки своих впечатлений о нравах и обычаях, растительном и животном мире полуострова Индостан. Книга поможет советскому читателю узнать прошлое Индии, познакомиться с отношением передовой русской интеллигенции современников автора — к этой стране и ее народу.

С 1905020000-178
013(02)-85 207-85

ББК л 8

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Князь Алексей Дмитриевич Салтыков (1806—1859), приехав в Индию в 1841 г., еще не носил прозвища «Индеец», но уже был известен экстравагантностью образа жизни и нестандартностью образа мыслей. Он родился в Петербурге, имел 3500 душ во Владимирской губернии, и жизнь его сначала развивалась по сценарию, разработанному поколениями Салтыковых. Восемнадцать лет он поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел, через пять лет уехал за границу — сначала в Константинополь, потом в Афины, Лондон, Флоренцию, Рим, Тегеран, снова в Лондон.

В Персии он окончательно понял, что больше всего в жизни любит не официальные бумаги и рауты, а живопись и путешествия, что его влечет Индия, а не карьера дипломата. В 34 года в чине надворного советника он вышел в отставку, поселился в Париже, запланировал и осуществил путешествия по Индии и по Европе, серьезно занялся рисунком.

Несколько необычный быт — восточный костюм, уклонение от светских приемов, что рассматривалось многими как отшельничество, превращение квартиры в музей восточных редкостей — не сделал его «чужаком», посмешищем среди знакомых. Современники успели заметить и оценить его открытый, мягкий характер, отсутствие зазнайства и княжеской фанаберии. А. Д. Салтыков был плоть от плоти российской интеллигенции, его гуманизм, пылливость, интерес к чужой культуре были частью мировоззрения передовых людей того времени. Сохранились свидетельства его дружбы с поэтом П. А. Вяземским и композитором М. И. Глинкой.

Путешествие в Индию, предпринятое А. Д. Салтыковым, было явлением выдающимся само по себе. В то время, чтобы только добраться до Индии, требовалось несколько месяцев. Внутри страны не было современных средств сообщения. Правда, это не значило, что путешественник обязан был идти пешком. Основным средством передвижения европейцев был паланкин — шесть пар чужих босых ног. Путешествовать надо было ночью, когда спадала жара. А. Д. Салтыков с юмором описывает, как носильщики несколько раз за ночь роняли его на дорогу. Это не больно, но приходилось просыпаться.

До А. Д. Салтыкова подобный маршрут совершил только Виктор Жакмон в 1829—1832 гг.¹ Русский путешественник в 1841—1843 гг. сразу, еще на корабле, попал в «английскую» Индию, но больше его интересовала «туземная». Он был на приеме у Великого Могола Бахадур-шаха II в Дели, бесславно доживавшего свой век, еще не знавшего, что ему суждено навеки остаться в истории, сыграть заметную роль в 1857 г., когда он, скорее всего подчиняясь обстоятельствам, возглавил Синайское восстание. Он был в Пенджабе в смутное время, когда создатель этого государства Ранджит Сингх умер, а достойного наследника у него не нашлось, и до присоединения Пенджаба к английским владениям оставалось несколько лет. При нем шла Первая англо-афганская война, закончившаяся бесславным поражением англичан. Он непосредственно наблюдал процесс аннексии Синда. Другими словами, его письма и рисунки — это важнейший документ, источник по истории Индии XIX в.

Завершение британского завоевания Индии, приходящееся на 1840-е годы, было лишь одним из процессов, знаменовавших особый период индийской истории, называемый по-научному периодом эксплуатации методами промышленного капитала. Другими словами, англичане стали наводить Индию своими товарами и выдвигали свою задачу в том, чтобы продавать их как можно больше. А для этого надо было расширять внутренний рынок. Это означало, в свою очередь, уничтожение феодальной вольницы и анархии, сметание внутренних политических и таможенных границ, новые захваты, приобщение индийцев к ценностям и вкусам европейцев, в конечном счете — ломку традиционной социальной культуры. В английской администрации и, если можно так выразиться, в «колонизаторской мысли» верх взяли люди, считавшие, что все европейское заведомо выше азиатского, что в древней и средневековой истории Индии не было ничего положительного, что задача белого человека в Индии — цивилизовать эту страну путем европеизации и решительного отбрасывания всего традиционного. Их называли утилитаристами или евангелистами.

Не так уж много разрушили и преобразовали «прогрессивные» колонизаторы в первой половине XIX в., но сделали это так грубо и неумело, с таким явным высокомерным презрением ко всему индийскому, настолько не заботясь о том, как все это воспринимается в массах, что вызвали волну ненависти, захлестнувшую в 1857 г. всю Северную Индию и почти на год вышвырнувшую их из этих районов.

Восстание англичанам удалось подавить, но они извлекли из него уроки, в частности излечились от евангелических иллюзий. У них было два пути — продолжать социальные преобразования, опи-

¹ См.: Каплан А. Б. Путешествие в историю. Французы в Индии. 2-е изд. дополненное. М., 1979, с. 230—279.

раясь на передовые слои индийского народа, которые к тому времени уже оформились, или же отказаться от преобразований ради спокойствия в своих владениях и опереться на реакционную часть индийского общества. Они избрали второй путь.

Таким образом, Салтыков застал наиболее «прогрессивный» колониализм, настолько прогрессивный, насколько он вообще может быть таковым. В 1829 г. англичане запретили *сати* — обычай сжигать вдову на погребальном костре мужа, бытовавший среди ряда высших каст. Был запрещен и жестко преследовался другой варварский обычай — убийства новорожденных девочек в семьях раджпутов (воинская каста). В 1843 г. между двумя путешествиями А. Д. Салтыкова в Британской Индии было запрещено рабство. В 1793—1833 гг. были введены земельно-налоговые системы, приведшие к середине XIX в. к торжеству частной собственности на землю. Все эти преобразования и составили отмеченную К. Марксом «единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией»².

Однако вблизи эта революция выглядела совсем иначе. Проводимая сверху, безразличными господами, старавшимися как можно меньше общаться с теми, кого они в собственных интересах «благодетельствовали», она ассоциировалась не с прогрессом, а с произволом и подчинением. Прогрессивные мероприятия воспринимались как сравнительно мелкие детали общей политики, в которую входили разрешение христианской миссионерской пропаганды (1813 г.), аннексия вассальных княжеств под любыми предлогами, упразднение титулов, роспуск феодальных дружин, отмена традиционных привилегий феодальных землевладельцев — одним словом, унижение людей, которые считались гордостью и цветом страны, полное пренебрежение обычаями и общественным мнением.

А. Д. Салтыков, казалось бы (учитывая его происхождение и воспитание), должен был воспринять как должное британский снобизм и отстранение от народа. Напротив, стремление к социальным реформам, если бы он его заметил, могло бы неприятно поразить князя. Нет, мы видим совершенно обратное. Колониальная социальная революция не похожа на революцию в независимой стране. Никакого «революционного энтузиазма», меньше всего правители заняты мыслями о благе подданных, зато презрение, неуважение, безразличность по отношению к управляемым поражают даже русского аристократа.

К. Маркс, внимательно изучая Индию и британскую колониальную политику, ценил А. Д. Салтыкова как трезвого, точного и яркого свидетеля. В одной из статей К. Маркс показывает, что так назы-

² Маркс К. Британское владычество в Индии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9, с. 135.

ваемые «туземные государства» в Индии попали в полную зависимость от англичан, а власть их правителей эфемерна. «Возьмите, например, Великого Могола, потомка Тимура-Тамерлана. Ему назначено содержание в 120.000 ф. ст. в год. Его власть не простирается дальше стен его дворца, внутри которого впавшие в идиотизм отпрыски царского рода, предоставленные самим себе, размножаются как кролики. Даже полиция в Дели изъята англичанами из-под его контроля. Сидит он на своем троне, сморщенный желтый старичок, в расшитом золотом театральном наряде, напоминающем костюм индостанских танцовщиц. В торжественные для государства дни эта позолоченная кукла выходит порадовать сердца своих верноподданных. Чтобы попасть к нему на прием, иностранцы должны вносить плату в виде нескольких гиней, как за вход на публичное представление какого-нибудь *saltimbanque* (скомороха), а он, в свою очередь, преподносит гостям тюрбаны, алмазы и т. п. При ближайшем рассмотрении эти королевские алмазы оказываются обыкновенными размаляванными стекляшками, весьма топорно подделанными под драгоценные камни и так скверно обработанными, что они рассыпаются в руках, как имбирный пряник»³. Ссылки К. Маркс в данном случае не дает, но нет сомнения, что он взял все эти красочные подробности из описания Салтыковым своей аудиенции у Могола.

В другой статье К. Маркс дает прямую ссылку на «Письма об Индии» русского князя-художника, аргументируя мысль о том, что индийский народ чрезвычайно талантлив. На основании других данных он сначала отмечал, что индийцы «обладают особой способностью применяться к совершенно новым видам труда и усваивать знания, необходимые для того, чтобы управлять машиной»⁴. Далее он цитировал английского администратора Дж. Кэмпбелла, признававшего деловую хватку и математические способности индийцев. Продолжая ту же мысль, К. Маркс писал: «Во всяком случае мы с уверенностью можем ожидать в более или менее отдаленном будущем возрождения этой великой и интересной страны, благородные жители которой даже в своих самых низших классах, по выражению князя Салтыкова, „*sont plus fins et plus adroits que les italiens*“ (являются более утонченными и более искусными, чем итальянцы)»⁵.

А. Д. Салтыков приезжает в Индию как гость англичан — и рекомендательные письма у него к английским губернаторам, и общие знакомые, и постоянные приглашения он получает на чисто английские или чисто колониальные увеселения. Но вместе с тем мы видим, как постепенно возникает, растет и увеличивается непонимание меж-

³ Маркс К. Русско-турецкие осложнения...— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9, с. 207.

⁴ Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии.— Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 9, с. 228.

⁵ Там же, с. 229.

ду английской колониальной администрацией и одиноким путешественником, как растет охлаждение и как сокращается расстояние между А. Д. Салтыковым и индийским народом. Это настолько ясно, когда читаешь письмо за письмом, что приходят на память даже какие-то современные назидательные исторические романы, где положительный герой обязан проделать именно эту эволюцию. Салтыков начинает уклоняться от приглашений жить в английских домах — на Англию он посмотрится в Англии! — заводит друзей на делийском базаре, в его речи все чаще попадают слова на хинди. Индия настоящая, Индия улицы и деревни, навсегда остается в его сердце. Доказательством служит хотя бы то, что в 1845—1846 гг. он совершает второе путешествие в Индию и на Цейлон, имея ясный план как можно больше зафиксировать на бумаге карандашом и красками, а в Европе устраивает свой быт так, что получает прозвище «Индеец».

«Путешествие в Персию», которое А. Д. Салтыков издал в 1849 г. в Москве, было встречено сочувственно и с интересом⁶, но особой сенсации не произвело. «Письма об Индии» ожидала другая судьба. Их приняли восторженно⁷. Сыграли свою роль как большой интерес российского читателя к стране, где, по словам персонажа более поздней оперы, «не счесть алмазов пламенных в пещерах, не счесть жемчужин в море полуденном», так и художественные достоинства писем. Они писались с дороги родным и друзьям, не предназначались для печати и, хотя и были отредактированы, сохранили непосредственность впечатлений, давали «эффект присутствия». Они отличались простотой, безыскусственностью, в них много от личности автора, они в хорошем смысле субъективны. А такая проза ценилась тогда так же, как ценится и теперь.

Салтыков писал по-французски. Он, правда, опубликовал несколько писем в переводе на русский в «Москвитянине», но первое полное издание всех писем в виде книги вышло на языке оригинала в Париже и стало событием во французской литературе. В 1853 г. второе французское издание составило три тома. В него было включено много иллюстраций — авторских гравюр и акварелей. Отдельно вышел альбом рисунков большого формата, части которого сохранились в хранилищах Русского музея в Ленинграде, Исторического музея и Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. В переводе на русский язык «Письма об Индии» без иллюстраций вышли в 1850 г. и вторым изданием в 1851 г.⁸

Для данного издания составитель и редактор взяли за основу

⁶ Москвитянин. № 24, Кн. 2, 1849, с. 79; Отечественные записки. Т. 68, 1850, с. 1—10.

⁷ Библиотека для чтения. Т. 108, 1851, с. 39—60; Москвитянин. Ч. 3, № 9—10, 1851, с. 121—128.

⁸ Салтыков А. Д. Письма об Индии. М., 1851.

это последнее издание. Кому принадлежит перевод, насколько он авторизован — неизвестно, но переводить письма сейчас заново было бы неправильно. Нет никакой надобности заменять русский язык середины XIX в. на современный — пропадет необходимая дистанция между автором и современным читателем. Мы простим автору неточность терминологии. Мы поймем, что для тогдашнего переводчика было безразлично, назвать ли правителя «царь» или «король», а его супругу «царицей» или «королевой». Мы не станем корить его за употребляемое им слово «туземцы», которое в его устах не имеет никакого одиозного оттенка, а значит лишь то, что в нем было заключено буквально: «жители тех земель».

Перевод сверен с французским оригиналом, что позволило выправить ряд мест, уточнить адресаты писем, снять несколько явных несообразностей. Вставки редактора и составителя заключены в скобки [], купюры отмечены отточием также в скобках [...]. Отобрано для издания и несколько гравюр автора. Они дополняют представление о том, какой ему показалась Индия. Надеемся, что третье издание «Писем об Индии» А. Д. Салтыкова будет встречено с интересом как индологами, занимающимися историей XIX в., так и специалистами по истории культуры России того же периода, как и всеми любителями интересного чтения.

Л. Б. Алаев

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

[Князю Петру Салтыкову]

Мальта, 2(14) февраля 1841

С борта парохода Берениса в Черном [Красном] море

Я выехал из Суэца вчера вечером, преодолев за двое суток путь из Александрии в Каир по Нилу на маленьком пароходе и, переправившись через пустыню, из Каира в Суэц в два с половиной дня, верхом, в сопровождении трех верблюдов с моими пожитками. Весь этот переход из Александрии в Суэц прекрасно устроен англичанами. В александрийской английской гостинице снаряжают путешественников в Каир, или в Суэц, освобождая их от всех забот и хлопот: как по волшебству являются лошади, верблюды, пароходы, даже повозки, крытые полотном и запряженные верблюдами, маленькие, наскоро сделанные *татерваны*, то есть носилки на длинных шестах, прикрепленных между двумя ослами, и также крытые от солнца и ветра; но ветра нет вовсе. Везде предлагают портер, английское пиво (*эль*), содовую воду, свежее мясо, кофе, чай, разные овощи и даже шампанское. Пустыня, отделяющая Каир от Суэца, имеет 120 верст расстояния и семь привалов, в Суэце восьмой. Эти маленькие, построенные англичанами домики, в которых пьют, едят и спят, очень привольны; за все по прибытии в Суэц платится 15 фунтов стерлингов с особы и по 7,5 за каждого служителя; выбор упомянутых экипажей предоставлен на долю путников. И вот я обретаюсь в Черном море, на прекрасном пароходе английской Компании. Продовольствие очень хорошее, каюты не душны и порядочно освещены, прислуга исправна. Весь экипаж состоит из индийцев, гебров¹, нубийцев и прочих.

Общество бесподобно: англичане, молодые люди,

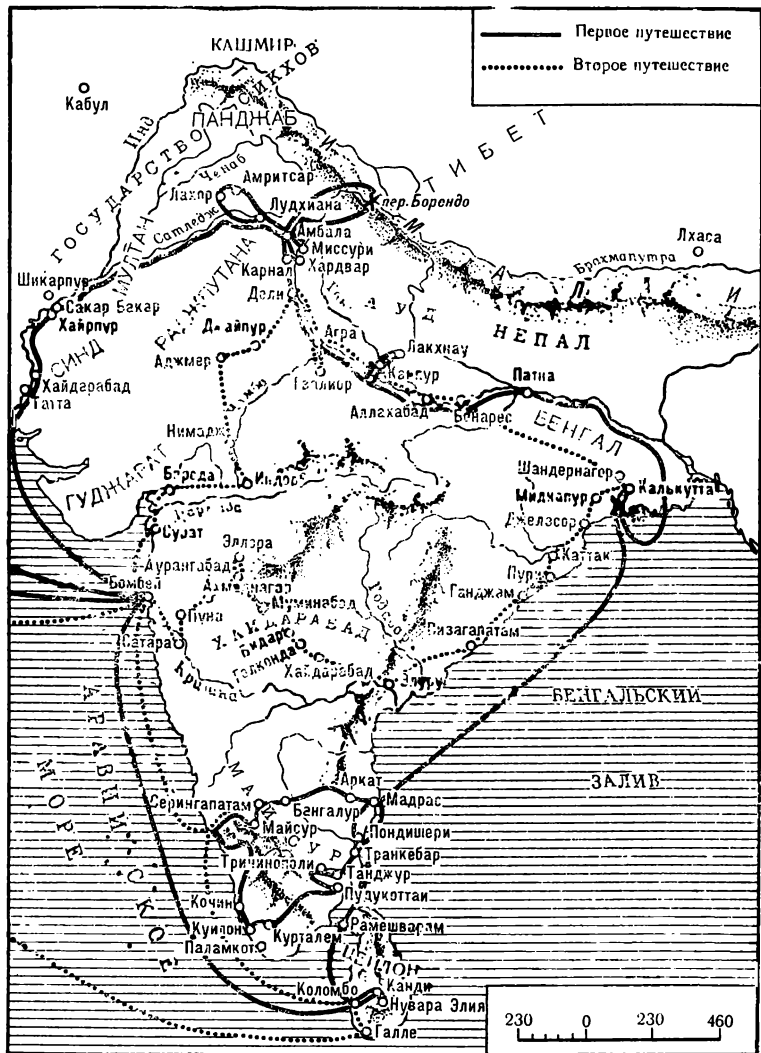
очень приличные и несколько не натянутые; купцы, промысляющие кофе; несколько молодых девиц очень милых, веселых, без жеманства; несколько английских военных, старцев, любящих пожить. Все это общество, сбросив ледяную оболочку приличий, становится обходительным с пристойной воздержностью и обязательно без докучливости. Одно только неприятно, как египетская язва: это тьма кокроаков², огромных, черных насекомых, которые обитают на всех индийских судах, и нет никакого средства от них избавиться, потому что они зарождаются и живут в дереве.

Я направляюсь в Бомбей и там решу мои распоряжения впредь. Этот переезд утомительно длинен, до восемнадцати дней, а иногда даже до двадцати и двадцати двух, я имею в виду от самого Суэца, дрянного местечка, за исключением порядочной английской гостиницы. Море спокойно, мы идем без малейшей качки и не вышли еще из Суэцкого залива. Я взглянул на термометр: 20° в тени по Реомюру и 60° по Фаренгейту³, под чистым небом и почти без ветра.

Александрия довольно любопытное место; английская гостиница «Хилл», впрочем довольно плохая, расположена у пальмовой рощи. Арабы народ очень смывленный и услужливый; они уже несколько говорят по-английски и по-итальянски. По дороге из Александрии в Каир, сначала по каналу, а далее по Нилу, вид берегов однообразен, только изредка встречаются селения, мечети и пальмовые рощи. Пароход идет так близко от берега, что можно разглядеть, как нельзя лучше, жителей.

Каир великолепен и превзошел мое ожидание; к несчастью, мне надо было торопиться с выездом в Суэц, чтобы успеть к отплытию парохода, и едва я ступил на борт, как колеса начали работать. Если бы я опоздал на несколько минут, мне надо было бы прождать целый месяц до отправления другого парохода в Бомбей, что и случилось с некоторыми нашими спутниками и спутницами (из Саутхемптона), которые не могли, подобно нам, воспользоваться маленьким пароходом, предоставленным пашой Мехмет Али⁴ в распоряжение сэра Кэмпбелла⁵, на Ниле. Сетуя об их участи, мы, однако, скоро утешились, потому что и без них было слишком тесно.

Таким образом, мне удалось провести в Каире не более семи часов; срок едва достаточный для того, чтобы посетить баню, увидаться с банкиром, пробежать наскоро верхом на осле улицы и базары и сделать не-

сколько незначительных покупок. Однако, несмотря на этот поверхностный обзор, все впечатления глубоко врезались в память. Толпа, сквозь которую я проехал, ни с чем не может сравниться, до того, что я с трудом верил собственным глазам. Вообще Египет сохранил в себе настолько свой первообраз и неприкосновенность в породе людей, одежде и обычаях, что воображение невольно уносится на три тысячи лет назад. Я не имел достаточно времени, чтобы научиться распознавать племена, которые встречались мне: черные, смуглые и краснокожие люди мелькали передо мной; одни с длинными бородами, другие с совершенно гладким подбородком, и все настолько отличны друг от друга по цвету и по чертам лица, что кажется, будто природа собрала здесь в одно место типы всех главных племен. Я зашел на рынок невольниц, где видел непонятное зрелище: черных и смуглых женщин, выставленных на продажу в темном и зловонном сарае, вроде хлева.

На обратном пути с трудом мог я пробраться сквозь странные скопища народа по лабиринту узких улиц до гостиницы Вагхорна, где ожидало меня явление другого рода. Толпа англичан и англичанок, старых и молодых, дурных и красивых, с детьми всех возрастов, суежилась вокруг чемоданов и наскоро утоляла голод сэндвичами, портером и пивом, а хозяин распоряжался стадом верблюдов, ослов и арабских полудиких лошадей. Проворно взваливали на верблюдов огромные выюки с надписями: в Бомбей, в Мадрас и Калькутту; запрягали в разнородные кареты и повозки ослов, верблюдов и лошадей. Казалось, Каир и его диковинки не существовали для этого народа, торопящегося в Индию. Влекомый общим движением, и я выбрал себе лошадь, доверил свои пожитки Вагхорну, отсчитал ему десятка три фунтов стерлингов, и мы отправились в пустыню.

Нас было до сорока европейцев, до восьмидесяти верблюдов и целая орда черного и смуглого народа — арабов, абиссинцев, нубийцев, нагих или облаченных в одежды особенного покроя и в живописные складки тканей. Все это с поспешностью переходило пустыню, сбившись в кучу из предосторожности против бедуинов. Когда я отставал на некоторое расстояние, чтобы полюбоваться общим видом, это зрелище казалось мне чудным сном вроде диких охот (*die wilde Jagd*) из германских средних веков. Особенно на утренней и вечерней заре эта картина представляла что-то таинственное.

Выйдя из стен Каира, мы миновали обширный лагерь войск Ибрагим Паши⁶, которые возвратились из Сирии после войны против султана. Далее мы встретили несколько других отрядов этой армии. Бедные солдаты имели жалкий, болезненный вид и сидели по двое на верблюде. Вся дорога от Каира до Суэца усеяна трупами лошадей и верблюдов, от которых каждые пять минут мы были вынуждены закрывать нос платками. Войска Ибрагима посеяли эти трупы, между которыми мы видели трех солдат, раздетых донага и положенных рядом; они, казалось, принадлежали племени нубийцев или абиссинцев и походили друг на друга, как братья. Черты лица их не были еще обезображены: они лежали тут, вероятно, не более суток. Изнеможенных усталостью, бросили их и отдали последний долг, уложив рядом.

Приближаясь к Суэцу до восхода солнца, проводники верблюдов и стража Паши, которую мы имели с собой, объявили нам, что мы подходим к самому опасному месту пустыни, самому удобному для набега бедуинов. В самом деле, с первыми лучами солнца мы увидели, что степь переменяла вид свой. Бесплодные, нагие горы обступили дорогу, и мы стали подходить к теснине. Тут все, кто только был вооружен огнестрельным оружием, стали прислушиваться, приостанавливаться, держа ружья наготове; однако ни один наездник не показался.

Только одна бедуинка пристала к нашему каравану, куря трубку и догоняя наших лошадей и верблюдов. Она шла к Суэцу и, казалось, не хотела отстать от нашего отряда, опасаясь, может быть, попасть в руки арабов, враждующих с ее племенем. Она была молода, но изнурена усталостью. От времени до времени она бросалась на несколько секунд на песок и лежала как мертвая, собираясь с духом; потом снова догоняла нас. Я дал ей апельсин и монету в два пиастра; дар небогатый, но со мной не было ничего больше. Один из наших спутников, англичанин, обронил пистолет и, вероятно, потерял бы его, но скороходка нашла и подала ему, за что и получила незначительную награду, которую она приняла, однако, без всякого выражения благодарности; эта странность обычна, как я заметил, на Востоке.

Прерываю письмо по случаю обеденной трапезы, на которой отведал индийских плодов и блюд, совершенно для меня незнакомых. Несколько служителей, которых я

еще не видывал, явились при столе в белой индийской одежде и в чалмах формы также мне неведомой. Бóльшая часть из них были гебры, живущие в Индии, особенно в Бомбее, с тех пор, как их богослужение изгнано из Персии. Море стоит как зеркало, и зной чувствительно увеличивается. Бóльшая часть пассажиров, в том числе и я, спит на палубе под открытым небом. Впрочем, это лучшая сторона моего странствия; а вот и обратная. У меня осталось всего до тридцати фунтов стерлингов в кармане и кредитное письмо Штиглица из С.-Петербурга на 28 тысяч франков на имя Гармана в Лондоне.

Это письмо адресовано Гарманом в Мальту на имя банкира Белла. Банкир Белл адресовал его в Александрию, александрийский же банкир переслал в Каир; но ни в Мальте, ни в Александрии, ни в Каире не находится ни одного банкира, имеющего денежные сношения с Бомбеем. Выезжая из Лондона, я не располагал посетить этот город и только дорогой допустил спутникам увлечь меня этой поездкой, столь неожиданно, что по кратковременности моего пребывания в Александрии и Каире не успел от местного банкира снабдить себя достаточным числом денег для совершения пути из Суэца в Бомбей, на что требовалось 80 фунтов стерлингов лично для меня и по 20 на каждого из двух моих людей.

Один из моих товарищей по странствию, некто Вильер, меньшой сын лорда Джерси и адъютант генерала сэра Кэмпбелла, заплатил за мой переезд и предложил в случае нужды поручительство в кредитном письме моем у английских банкиров Бомбея. Вот что могут сделать люди совершенно незнакомые, которых случайно встречаешь на дороге. Каирский банкир, несмотря на свой отказ перевести мое письмо в Бомбей, не имея там корреспондента, уверял меня, однако, так же как и сопутствующие мне английские негоцианты, что я не встречу никакого затруднения в получении 28 тысяч франков, предъявив громкие имена Штиглица и Гармана, особенно последнего, пользующегося обширным кредитом в Индии.

Видишь, милый друг, в какие я попал хлопоты. Несмотря на все уверения, я не могу быть спокойным. Это письмо отправится из Адена, принадлежащего англичанам; тут у них склад каменного угля. Представь себе, что завтра или послезавтра мы достигнем вершин Джеды [Джидды], которая отстоит не более суток езды от Мекки. Говорят, несколько англичан пытались проник-

нуть туда из Джебды, но это им не удалось. Арабский фанатизм воспрепятствовал их намерению. Мы пройдем мимо маленького городка Мока [Моха], известного своим кофе. На таком же расстоянии в Средиземном море я видел Алжир. Он показался мне несколько сходным с Неаполем, со стороны квартала Санта-Лучиа или Пуччуоли; только Алжир втрое обширнее, и в окрестностях его видны были французские загородные дома, белые под плоскими кровлями, на зеленых склонах холмов.

Пишу к управителю о высылке мне еще около 20 тысяч франков через Штиглица и Гармана в Бомбей, откуда мне будет легко их получить везде. Если же осуществится отказ бомбейских банкиров выдать мне следующую по кредитному письму сумму, я буду вынужден возвратиться тем же путем в Египет, подвергая себя опасности умереть от зноя, скуки и досады и занимая там и сям по сотне фунтов стерлингов, что, впрочем, очень возможно, или, выбирая из двух зол, могу решиться жить за счет своих спутников; пересылка письма или векселя в Бомбей не потребует много времени через банки Гармана или Ротшильда. Из Петербурга в Лондон восемь дней, из Лондона в Александрию 15, из Александрии в Бомбей 23 или 25 — всего дней 50, не более.

По собранным мною сведениям оказывается, что жизнь в Индии дешевле, нежели во Франции и в Англии. 28 тысяч франков, если я получу их, достаточно мне на полгода. Цены на пароходе чудовищны; еда порядочна, зато напитки не смеют называться вином. Нам подают их под всеми фирмами — шампанского, бордо, хереса, портвейна; но все это, увы, постыдный подлог, горькая насмешка. Я начинаю более и более удоставляться, что живу не на корабле, а в обширном гнезде кокроаков, которые отравляют все мои минуты, особенно ночью. Передо мною еще до пятнадцати или шестнадцати дней постоянного сожительства с этими насекомыми; вероятно, по приезде в Бомбей от меня останется один скелет.

4 марта

Мы все еще в Черном море, в настоящую минуту против Моки, но, несмотря на то что все видят город как нельзя яснее, я ничего не вижу, хотя и хвастаюсь хорошим зрением. Сегодня ввечеру мы пройдем пролив Баб-

эль-Мандеб и завтра будем в Адене; оттуда, как говорят, 12 дней пути в Бомбей. Ветер усиливается, дует с Индийского океана и приносит некоторую прохладу; зато все эти дни жар стоял до удушья, особенно в соединении с чадом, который доносил до нас противный ветер. Дамы падали в обморок одна за другой, несмотря на то что это были англичанки и, следовательно, женщины выносливые. Жаль было смотреть на этих свеженьких, молоденьких девушек, бледневших со дня на день, увядая под атмосферой тропического зноя и угольного угара. С каждым днем лица их более и более подходили под мертвенный цвет лиц всех европейцев в Индии, и, без сомнения, этот цвет останется на целую жизнь.

[Ему же]

Бомбей, 18 марта 1841

Как видишь, я в Индии. 40 дней от Лондона, 39 от Саутхемптона, и из них два на сухом пути; говорят, что это скоро. Может быть, но мне дорога показалась и длинной и скучной. И как подумаешь, что такая же мука ожидает меня через год, дрожь пронимает... Раньше году я не могу возвратиться; тебя я найду, конечно, в Петербурге. Не правда ли?.. Здесь я уж несколько дней, но все странно в этом новом мире. Никак не соберу мысли, чтобы написать тебе обо всем, о чем бы хотелось; чувствую потребность писать, но нет сил передать вполне мои ощущения.

Обширный город Бомбей расположен посреди пальмового леса. 280 тысяч индийцев и гебров населяют его... Перед вами — люди полунагие, в белых полостях, с медяным цветом лица, с разрисованными плечами и руками, в чалмах белых, алых, желтых или зеленых. Перед вами — женщины, также едва облаченные в разноцветные, прозрачные, как паутина, ткани, разукрашенные золотыми и серебряными ожерельями, кольцами, подвесками на шее, на руках, на ногах, серьгами в ушах, в ноздрях, раздушенные благовонными цветами, вплетенными в волосы...

Окинув беглым взором этот роящийся народ, вы топчитесь взглянуть на странные капища, уставленные бесчисленным множеством исуکانов: тут толпы факиров, увечных, иссохших, худых, как оглоданные кости, с

длинными, крючковатыми ногтями на руках и ногах; тут безобразные старухи, волосы растрепаны, взоры дики. Тут обширные пруды с каменной набережной — в них обмывают покойников. Далее безмолвные часовни гебров, шумные пагоды индийцев, — тяжелый запах мускуса от множества мускусных крыс, живущих под землею, разлит по воздуху; странные звуки неумолкающей музыки... Вот что с первого раза овладеет вниманием путешественника.

Проходя по улицам, часто видишь решетчатые здания, в которых горит тьма свечей: это храмы индийцев, где совершают обряды свадьбы: женят десяти- или двенадцатилетних мальчиков на пяти- или шестилетних девочках. Жених и невеста почти нагие, но обвешанные кольцами, ожерельями, обмазанные желтой краской, окруженные множеством народа. Их то обмывают, то окрашивают снова, и это продолжается беспрестанно три или четыре дня, при громе барабанов и скрипок, день и ночь, и превосходит всякое описание.

Здесь все — игрушка, кроме пальмовых лесов. В городе и в окрестностях, по всем направлениям и по всему острову проведены превосходные шоссе; впрочем, остров невелик. Выезжая в коляске за город и видя разбросанные кругом красивые дачи англичан, выстроенные в итальянском вкусе, можно подумать, что находишься в Палермо; но посмотришь на этих голых, длинноволосых людей, выделяющихся на фоне светлой зелени бананов, темных листьев кокосовых пальм и стройных арековых, и тотчас же переносишься воображением в Южную Америку.

Губернатор Бомбея живет в великолепном дворце, выстроенном посреди роскошного сада и называемом «Парел». На лестнице сидят индийцы, одетые в английские ливреи. Вы входите в огромный и высокий зал; во всю его длину висит опахало, подвешенное посреди потолка: это деревянный щит с полотняной бахромой, беспрестанно приводимый в движение. Окна закрываются шторами, сплетенными из благовонных трав, постоянно смачиваемых. В комнатах, несмотря на постоянный душливый зной, всегда прохладно. Губернатор сэра Джеймса Карнака⁷ в настоящее время оставил этот дворец и живет на взморье в прелестном загородном доме, выстроенном на возвышенности, называемой Малабар-Пойнт. Дом окружен пальмами, постоянно колеблемыми свежим морским ветерком. Сэр Д. Карнак почтил меня

ласковым приемом и пригласил на праздник, делаемый им по случаю прибытия сэра Колина Кэмпбелла. Он предлагал мне даже поселиться у него в Пареле; но мне хотелось жить в городе, и я отказался. Непростительный промах, за который я потом дорого расплатился, вынося долгую пытку от страшного жара и различных наскоков.

Сегодня у губернатора бал. По словам сэра Карнака, в числе гостей будут индийцы и гебры. Английское общество в Бомбе очень многочисленно. Здесь нет хороших гостиниц, и поэтому я занимаю верхнее жилье одного выморочного гебрского дома; внизу поместился барон Леве-Веймар: мы наняли дом пополам. Дом наш состоит из огромных ветхих покоев, без дверей, без окон, с несколькими террасами. Птицы летают по моим комнатам как ни в чем не бывало и, кажется, не намерсны для меня оставить своих привычек. Рядом с нами празднуют свадьбу: барабаны и скрипки гудят день и ночь. Мисс Эмма Робертс в своем занимательном сочинении⁸ справедливо замечает, что в Бомбее круглый год праздник: точно — праздник, но преварварский.

Вечером бывают у меня обыкновенно странные сцены: пляски баядерок, за которыми можно посылать в любое время. Баядерки составляют особую касту, касту очень многочисленную; единственные их занятия — пляска, пение и жевание бетеля, вяжущих рот листьев, которые, говорят, очень полезны для желудка и от которых сильно краснеют губы. Эти плясуньи ловки и милы; платья на них из белой, розовой или малиновой дымки с золотыми и серебряными узорами, на обнаженных их ногах навешены металлические кольца и цепи, которые во время пляски производят звук, похожий на бряцание шпор, только несколько серебристее. Приемы баядерок так отличны от всего, что я раньше видел, так восхитительно свободны, так своеобразны, песни так плачевны и дики, движения так сладострастны, мягки и живы, сопровождающая их музыка так «раздирательна», что трудно обо всем этом дать приблизительное понятие.

С баядерками обыкновенно ходят мужчины сурового вида, которые во время пляски следят за плясуньями, как тени, трезвоня на своих инструментах и беспрестанно топая ногами. Невольно задумаешься о таинствах чудесной Индии при мысли, что эта пляска, значение которой утрачено, вероятно, восходит к самой глубокой древности и что плясуньи повторяют ее бессознательно в про-

должение тысячелетий. Баядерки занимают целые улицы; дома их высоки, легкой постройки и напоминают китайскую архитектуру. Вечером они освещены, в них гремит музыка; вход свободен для всякого. Но англичане не умеют ценить этих индийских терпсихор. Вчера у меня во время пляски англичане схватили этих нежных дев и начали с ними кружить вальс. Это так их обидело, что они бросились на землю, расплакались, долго не соглашались плясать и хотели уйти.

Слишком занятые положительными интересами, англичане нисколько не наслаждаются тем, что составляет роскошь, изящество и очарование Индии. Для них все это кажется пошлым и обыкновенным. Вообще они презирают все, что несходно с привычными им понятиями. Тщетно раскрывается перед ними природа Индии, пленительная, простодушная и вместе с тем дикая и величественная: в отношении «сени» они допускают только парки. Близ английских зданий все отстранено, что напоминает Азию.

Первая забота при разведении садов и парков состоит в том, чтобы истребить пальмы и всю прочую растительность Индии, посадить [...] — дерево, похожее на северную сосну, и наделать поляны, которые содержатся с необыкновенной тщательностью. Вот до какой крайности доходит патриотизм англичан. Чем это объяснить — тоской по родине? Эти люди, которые даже чувствуют по непреложным, установленным правилам, пренебрегают природой, изумительной в своей первобытной простоте, в бесконечно разнообразном сочетании цветов и линий, — предметом неистощимого наслаждения художника. Грация туземцев — для англичан еврейская грамота: простота не нравится уму, привыкшему к вычурности. А между тем что может быть плачевнее смешных нарядов, безобразящих наших дам, в сравнении с чудной первобытной одеждой индианок, скроенной и прилаженной самой природой!

Представьте себе, что мне делают честь заботливо показывать доки, монетный двор, паровые машины и даже крепостные строения. Не правда ли как любопытно смотреть на эти европейские редкости в Индии?

Здесьнее правительство — в полном смысле *patronizing*⁹. Туземцам, магометанам и гебрам, остается только заботиться о своих удовольствиях и религиозных обрядах: о безопасности их печется превосходно составленная полиция.

Послезавтра я еду на Цейлон. Путешествие (я еду морем) продолжится 10 дней. На Цейлоне думаю пробыть недолго, может быть месяц. Оттуда проеду в Калькутту, через Мадрас, и тоже морем. Переезд между Цейлоном и Калькуттой может продолжаться 13, 14 дней. Из Калькутты я отправляюсь по Гангу на пароходе в Агру, на это положим 15 дней, а из Агры — в Дели. Из Дели в Бомбей сухим путем — месяц, недель шесть, много два месяца, смотря как поедешь — в паланкине, на лошади или на верблюде. Из Бомбея я могу возвратиться под родимый кров или через Персию, или прежним путем, или Басрой, Багдадом, Дамаском, Бейрутом и Средиземным морем.

Вот какие поездки задумал я по совету многих странствователей. Боюсь только, чтобы вместо путешествия не пришлось мне забраться на какую-нибудь гору во избежание страшной жары. Только что успел я сюда приехать, получил непродолжительную холеру, которая все-таки потрепала меня. Но так как она прошла, мне еще остается маленькое утешение — именно то, что и прочие мои спутники поплатились тем же, один за другим. Ночи бывают иногда удушливы: ни струйки ветерка. Говорят, в Калькутте еще душнее, но зато тамошние дома расположены со всевозможным удобством для избежания губительной индийской духоты. Притом я постараюсь выбрать время.

Теперь меня занимает одно предположение, хотя это еще только воздушный замок: хочется по прибытии в Дели отправиться в Лагор [Лахор] и еще далее в Кашемир [Кашмир]. Это верх моих желаний. День и ночь преследует меня мысль — разоблачить непроницаемую тайну, покрывающую эту страну, так мало исследованную. Вот в чем дело: я узнал, что англичане посылают войска в Лагор и Кашемир*, и мне кажется, что в подобных обстоятельствах легко может представиться случай съездить туда. Тогда мое путешествие продлится еще год, только вряд ли достанет у меня на это духу. Вероятно, и мной овладеет тоска по родине. Желание скорее увидиться с тобой и с некоторыми из моих знакомых, наконец, невозможность устроить свои денежные дела — все это может расстроить мои предположения. Подумай, мой друг, о моем положении и помоги, если можешь. Прощай.

* Слухи были ложны. (Здесь и далее примеч. авт.)

Р. С. Я ничего не писал тебе об Адене. Это место довольно своеобразное, дикое и пустынное, посещаемое шайками африканцев и арабов, совершенно первобытных. Англичане устроили там складочные магазины каменного угля, пересылаемого из Англии через мыс Доброй Надежды. Оттого-то уголь чрезвычайно дорог, так же как переезд из Суэца в Индию. Слава богу, бомбейский банкир принял мои верящие письма, и я спокоен, по крайней мере на некоторое время.

[Ему же]

На корабле, между Бомбеем и Цейлоном,
28 марта 1841

Мы уже несколько дней, сколько именно не знаю, на купеческом корабле; все держимся Малабарского берега при постоянном штиле. Вот уже два дня не можем потерять из виду клочка земли, называемого Мангалор [Мангалуру]. Духота нестерпимая; спим на палубе, почти раздетые. Днем из приличия и уважения к дамам надеваем платье баснословной легкости, какую можно встретить только в Индии: панталоны, рубашки и жилет белые из *grass-cloth*, род батиста; все это прозрачно, как только может позволить приличие (европейское). Впрочем, очень хорошо, что так жарко (27° по Реомюру в тени и 57° на солнце)¹⁰, хорошо, потому что каюты битком набиты огромнейшими кокроаками. Наш капитан, очень достойный человек, оказывает нам всевозможное уважение и вдоволь угощает портером и пивом. Мое общество уменьшилось; нет никого, кроме сэра Колина Кэмпбелла, его детей и свиты, людей крайне порядочных и любезных. Очень мне жалко барона Лева-Веймара, который остался в Бомбее в надежде сесть на корабль, отправляющийся в Басру или Багдад.

По рассказам, Цейлон — прелюбопытный остров, покрыт горами и непроходимыми лесами; диких слонов на нем развелось неисчислимое множество. Говорят, что тамошний климат, особенно в столице острова Канди, лучший во всей Индии. Мне бы не следовало говорить с тобой о Цейлоне, не выдавши его, но что делать: *far niente* [праздность] заставляет болтать. Говорят также, что на Цейлоне много крокодилов, жаб и, кажется, ихневмонов, не считая уже тысячи пород змей, что не-

множко неприятно. Сегодня я видел довольно большого морского змея и, первый раз в жизни, кита и еще какую-то чудовищную рыбу, название забыл. У нас на борту маленькая обезьяна, пойманная в Бомбее, маленькая черспаха и хорек, которого держат для крыс, расплодившихся в страшном множестве по всем каютам. Ко мне это не относится, потому что с каютами у меня ничего нет общего (по крайней мере ночью); схожу я вниз только завтракать и обедать. Я в Бомбее купил складную кровать с кисейной занавеской от комаров и расположился на палубе. Теперь пишу тебе из моего уголка, а мои спутники сидят за своим «ланчем», вторым завтраком, состоящим из бисквита, хереса и водки. Англичане никогда не изменяют заведенному порядку: та же ветчина, тот же фаршированный гусь, те же копченые сельди, кайенский перец, сливовый пудинг, сыр, орехи и водка. Оттого они только и делают, что принимают лекарства: «английскую соль» и т. п. У каждого есть *medicine-chest* [«походная аптечка»], начиная с капитана, а капитан — толстый двадцатипятилетний парень, который постоянно наедается старой ветчиной и салом и вслед за тем неизменно принимает содовые порошки в вине.

Читаю Сенанкурова «Обермана»¹¹, который мне очень нравится. Но более всего занимают меня мои замыслы, довольно обширные. Не могу удержаться, чтобы не поговорить о них с тобой. Но прошу тебя, пожалуйста, не разрушай в своих письмах моих воздушных замков, не говори мне, что мои предположения безрассудны, бесполезны и невозможны. Речь идет о путешествии в Калькутту, по Гангу в Бенарес, потом в Агру, Дели, Лагор и Кашемир. Последнее слово заставляет меня трепетать от радости, но вместе с тем я боюсь, что мои мечты — химера, за которую я ухватился от нечего делать. Это меня и смущает, и приводит в отчаяние. Как бы то ни было, мне очень хочется осуществить мою мечту. Не правда ли, чудесно увидеть себя наяву, а не во сне в этом Кашемире, в этой таинственной долине Гималаев, отчужденной от остального мира и почти неизвестной. В этом есть неодолимое обаяние. Из Кашемира я возвращусь по Инду в Бомбей, а оттуда поеду старой дорогой — Египтом или Персидским заливом — и в таком случае возвращусь в Россию через Шираз и Исфагань или, наконец, посмотрев на тот и другой, сверну опять к Египту и поеду в Петербург. Все это будет

очень много зависеть от твоих предложений и советов. Но я боюсь, что ты запишешь меня в отчаянные туристы.

Конечно, правда: много ребяческого тщеславия во всем моем бродяжничестве и в моих рассказах. Меня очень тешит мысль, что ты будешь знать о моем местопребывании, будешь мне желать исполнения моих желаний и счастливого возврата. Я знаю, что ты человек снисходительный и не сдунешь моих карточных домиков. Если и есть во мне донкихотство, ты, который столько видел и переувоспитывал в своей жизни, ты понимаешь, что, освободившись от этого донкихотства, человек гасит в себе последние искры воображаемого счастья и юных грез. Я храню этот огонь, как гебр, боюсь того мрака и той пустоты, в которые со временем должна погрязнуть моя душа, а может быть, уже и погрязла, хотя мне страшно сознаться в этом самому себе... Я в этом случае похож на умирающего, который хочет разуверить самого себя, что последняя его минута близка. Но в сторону эти вечные и скучные повторения одного и того же, и подождем того времени, когда я буду в состоянии написать тебе о чем-нибудь позанимательнее...

31 марта

Опять обращаюсь к тебе, любезный друг. Пожалей меня: я чувствую в Индии ужасную пустоту; о музыке здесь и помину нет; нет даже людей, которые ее понимают. В этом отношении целый мир ощущений закрыт для англичан. Правда, у бомбейского губернатора бывала за обедом военная музыка; но — увы! — это было слабое подобие музыки, и даже было бы лучше, если б ее совсем не было. Нынешней ночью безотрадный сон перенес меня в страну, где есть музыка и где живут те, к которым я так привык и так привязан. Во многом я отказал себе, чтобы посмотреть на Индию... Мы все еще у Малабарского берега. Проезжали мимо многих городов, мимо Гоа, Мангалора, Кананора, Каликута [Кожикод], Котчина [Коччи] и ни одного не видали. Прибрежные индийцы подъезжают к нам на своих утлых лодочках для продажи рыбы, раков, плодов, овощей и домашней птицы. Разумеется, чем они вежливее и покорнее, тем прерзательнее и грубее обходятся с ними наши матросы.

4 или 5 апреля 1841

Числа хорошенько не помню, знаю, только что уже 16 дней я на корабле, да и 16-й день близок к концу.

Говорят, что мы в 15 верстах от Цейлона, но заштило*; жара доходит до 29° по Реомюру в тени и до 40° на солнце. Меня это нисколько не беспокоит; я, напротив, нахожу, что жар очень приятен и здоров. Мои спутники, англичане, готовят мундиры для торжественного входа в Коломбо, куда мы пристанем. Это придает мне надежду и оживляет меня: подумай, какая скука — быть невольным зрителем виста, которого я не понимаю, но который тянется 16 дней непрерывно. К нашему кораблю пристают суда удивительно легкие и необыкновенной постройки: они идут из Цейлона. Гребцы мне неизвестной породы, о которой я ничего не могу сказать.

[Ему же]

Цейлон, Коломбо, 14 апреля 1841

Коломбо, главный город Цейлона, более похож на пространный лес или огромный сад. Он населен синглами, малабарами¹², малайцами и маврами¹³, которые живут в хижинах под густым навесом кокосовых, арековых и других деревьев. Взор европейца невольно поражается всей этой природой, с необычайными ее растениями, и ему кажется, что он видит ботанический сад огромного объема.

Вчера, между 5 и 7 часами, я катался с моим лакеем, малайцем, в закрытой карете, запряженной одной лошадью; возле лошади бежал кучер-сингал, весь голый, как дикарь, с длинными распущенными волосами. Я видел трех слонов: два стояли под зеленым навесом пальм, третий купался в пруду. Сингалы охотно провели их несколько раз возле меня, и я нарисовал с них маленький этюд. Воздух был тяжел; небо искрасна-сероватого цвета; часто сверкала молния; вдали гремел гром. Я продолжал прогулку, несмотря на накрапывавший дождь, который, впрочем, освежил удушливый воздух. Малаец немного болтал по-английски, и я спросил у него, стоит ли осмотреть что-нибудь в видневшемся вдали лесе, который казался мне мрачнее всего окружающего. Он мне отвечал, что это так называемые *jungle* [джунгли], что

* Мы простояли еще 6 дней до прибытия в Коломбо, главный морской город Цейлона. Таким образом, из Бомбея в Коломбо мы прибыли в 23 дня. Говорят, что в благоприятную погоду этот путь можно бы сделать в восемь-десять дней.

там людей нет, а есть тигры и гиены; слонов также нет: они водятся внутри острова.

Увидев далее пустынную и таинственную дорогу, я спросил, куда она ведет. Малаец сказал, что это дорога в Канди, [бывшую] столицу Цейлона; но он не советовал мне туда ехать, потому что это северная, очень холодная страна и сингалы там менее образованны, носят большие бороды и длинные нечесанные волосы. Было уже поздно; возвращаясь по другой дороге, я спросил, что за огоньки мелькают тут и там между деревьями. Это были деревенские храмы Будды, сделанные из бамбука и кокосовых листьев. Приблизившись к одному из этих зданий, я увидел при свете лампы из кокосового ореха грубый истукан Шакьямуни, называемого здесь Буддой. Я помню, что наши астраханские калмыки называют «Шакьямуни» такое же изображение. Другой истукан был со слоновьим хоботом¹⁴. Возле меня стояли два или три сингала, которые казались очень довольными тем, что я рассматриваю их храм, но, может быть, не позволили бы мне войти в него. Впрочем, может быть, это были и не сингалы. Я до сих пор еще не привык различать ни пород, ни религий этой страны.

Сейчас прервал мое письмо малаец, принесший циновки и различные плетения из соломы. Малайцы приходят ко мне часто: здесь все открыто для чистоты воздуха, и поэтому вход свободен для всякого. Принесли мой завтрак: рис, ананасы, бананы (немного пресноватые, но здоровые и вкусные плоды) и всегда темно-зеленые апельсины, даже в самой зрелости. Есть еще огромные апельсины, величиной с небольшой арбуз, красноватые внутри, немного кисло-сладкие, но вкусом они хуже маленьких апельсинов. Этот плод называется «помело»¹⁵. Здесь бесчисленное множество других плодов, и пресноватых, и сладких; все они, разумеется, растут в диком состоянии, как ананас, который служит потравой кабанам. Чтобы иметь здесь огурцы и капусту, нужно завести не теплицы, а «холодницы».

Англичане недавно проникли вовнутрь острова, и это стоило им много трудов: леса непроходимы и затканы паутиной, так что англичанам приходилось продвигаться вперед шаг за шагом и постоянно быть настороже от сингалов, всегда готовых напасть врасплох и перерезать смелых путешественников. Прибегли к помощи малайцев, нарочно вывезенных из Явы, и те проползли лесные чащи, как дикие звери, перебили множество сингалов сво-

ими ядовитыми крысами (оружие) и покорили англичанам внутренность Цейлона¹⁶. С тех пор были образованы малайские полки. Все эти сведения я получил от моего малайца; мне положительно известно то, что сингалы очень боятся малайцев.

Прогулка моя не кончилась, и по временам сквозь ветки деревьев, одетые мраком, я видел огни: это поселяне жгли навоз. Но огонь ночью, и притом в лесу, всегда чарует воображение, думаю потому, что невольно при этом приходит в голову мысль о разбойниках, волшебниках, бродячих цыганах и т. д. Часть города, в которой я живу, имеет характер чисто голландский, и немудрено, потому что Коломбо принадлежал прежде Голландии. Возвратясь домой, я пошел обедать к новому цейлонскому губернатору, с которым я приехал и который принимает меня как родного. После обеда я отправился с несколькими приятелями в казармы английского полка, и там один офицер рассказывал мне, что на одной из охот в окрестностях Канди ему случилось убить сорок слонов*. Истребление этих животных очень полезно, потому что они опустошают поля и опасны по своему огромному числу, превышающему народонаселение острова, не только путешественникам, но и поселянам. Статистические данные о Цейлоне до того неверны, что иные полагают народонаселение до 1,5, а другие до 5 миллионов жителей. Первая цифра более принята¹⁷.

На другой день вечером я отправился на взморье, под пальмы, в индийскую хижину, жилище четырех индианок, из которых одна была недурна. Она была еще молода, еще полна жизни, врожденной грации, но в приемах ее было что-то обезьянье, на всей на ней лежала печать тупоумия и раннего отцветания. Мужчины-сингалы женоподобнее самих женщин. С поясницы до ног они окутаны в белые или узорчатые ткани, которые так плотно прилегают к телу, что связывают движения. Грудь и спина иногда обнажены, а иногда на плечи накидывается белая тонкая куртка: по ее уродливости я догадываюсь, что это голландское нововведение. Всякое смешение европейской одежды с индийской — безобразно и отли-

* Впоследствии я узнал, что один из английских чиновников, знаменитый охотник, проводивший большую часть времени в джунглях, убил в течение нескольких лет до 700 слонов. Когда я четыре года спустя встретил его на Цейлоне, в списках его уже стоял 1001 убитый слон. Говорят, он порядочно выручил денег за клыки, посылаемые в Англию. Пара хороших клыков продается по 60 фунтов стерлингов. Зубы тоже в цене.

чается отсутствием изящества. Иной раз сингалы надевают платочек, как европейки, но на голую грудь. Длинные их волосы собраны на затылке под один, а иногда под два гребня, высокие, красиво выделанные из черепахи. Это очень смешно, особенно в английских домах, где все слуги одеты или в голландские ливреи с высокой талией с узкими фалдами вроде ласточкина хвоста, с эполетами, или в старые голландские камзолы. Но весь этот костюм и даже китайская прическа—принадлежности образованных сингалов и преимущественно в Коломбо. В других местах они пускают свои длинные волосы на ветер и ходят почти нагие. Сингалы, обитающие в глубине острова, пробирают волосы на лбу [спереди расчесывают волосы на пробор], а сзади сплетают в косы или просто откидывают на спину: это довольно красиво.

Бенгальские факиры, находящиеся на Цейлоне, заворачивают свои волосы на голове в виде чалмы. Молодые малайцы покрывают голову платком, свитым чалмой, а по вискам их сбегает пряди волос, курчавых и черных, как вороново крыло [...]. Старики малайцы отвратительны; их губы, язык, десны, зубы словно окровавлены от беспрестанного жевания бетеля. Эта несчастная привычка влечет за собой еще то неудобство, что от нее крошатся зубы и красный их цвет со временем обращается в черный. Редко можно встретить молодую девушку, лет 18 и более, у которой зубы не были бы испорчены бетелем. На севере Индии другое дело; там употребление бетеля реже, потому что бетель—растение тропическое.

Бедные туземцы и дети, приносящие свои рукоделия из словоной кости, черного дерева и финиковых листьев, свободно входят в комнаты, не подозревая в этом никакого неприличия, и бывают очень изумлены, когда слуги выгоняют их вон. Ты понимаешь, что я, со своей стороны, стараюсь принимать их как можно ласковее. Мне жалко, когда их выгоняют: по их лицам разлиты такое простодушие и кротость, они так тихи, спокойны и покорны. Мне кажется всегда, что эти бедные дети природы, удаляясь медленными шагами от негостеприимного порога, думают, какого труда стоила им работа и как мало оценили этот труд.. И возвращаются они в свою хижину, под пальмы и ареки, к бедной своей семье, у которой нет куска хлеба: у них только и есть что ананасы. Поэтому, после многих лет терпения и надежды на сострадание ближнего, туземцы изменяются, взгляд их

становится беспокойным и тускнеет [...], бетель портит им зубы, и становятся они отвратительны своим безобразием, и истребляется в их душе всякое сострадание к другим людям. Человек везде один и тот же!

Один из моих спутников, на чье общество я более всего рассчитывал, приходит в совершенное отчаяние. Что за страна! Ни висту, ни скачек, ни клубов, ни порядочных домов! Да еще и задыхаешься от жары! Собственно, для меня все эти лишения нипочем, как ты и сам догадываешься [...].

[Ему же]

Цейлон, Коломбо, 20 апреля 1841

На днях, прогуливаясь по лесу, я заметил малабарскую женщину приятной наружности. Она была в красной одежде и стояла подле хижины с несколькими мужчинами. Привлеченный этой живой картиной, обрамленной в зелень, я подошел к ним. В хижине подле открытого сундука стоял человек на коленях и вытаскивал из него как будто на пересмотр кучу различных украшений из цветных камней и стекла — бус, нанизок, нашивок на золоченых или раскрашенных пластинках, разной формы странных головных уборов, масок, поручней, оплечий, ожерелий, огромных серег и прочего. Это — хижина одной малабарской баядерки с ее трупной комедиантов. Первая мысль, которая пришла мне в голову, — заказать на другой же день к вечеру представление комедии за 10 рупий.

Таким образом, на другой же день, стоически отказавшись от приглашения губернатора к обеду, я явился в 7 часов вечера к хижине баядерки и нашел, что место представления было уже освещено лампами из кокосовых орехов, расставленных на бамбуковых подставках. Меня пригласили сесть на пень кокосового дерева. Двое из полуобнаженных, со светильниками в руках, растянули передо мной белый полог, за которым собрались действующие лица представления. Барабан забарабанил, колокольчики зазвенели, и весь лес, до того мирный и безмолвный, вдруг оживился толпами [местных жителей], подкрававшихся со всех сторон, — взглянуть на любопытное зрелище. Бесчисленное множество ребят и женщин расположилось вокруг на циновках, а между деревь-

ев выставились медные, суровые лица нагих, длинноволосых мужчин, освещаемые гробовыми светильниками. Изумленный взор еще блуждал по этим привидениям, появившимся во мраке леса, как вдруг занавес упал, и я с новым изумлением был поражен блеском, роскошью одежд, украшений, чудными, странными положениями открывшейся передо мной труппы новых лиц.

Главным лицом был древний индийский раджа, или царь, великолепно разряженный, с раскрашенным лицом, подобно индийским божествам. В руках его был крис [кривой нож], которым он производил различные мановения. Подле была царица, вся в золоте и в цветных камнях, делала странные быстрые движения руками, ногами и всем гибким станом. Она была очень худошавая, но приятной наружности и пела визгливым голосом, который несколько не согласовывался с хором. Тут же был старый вельможа, также с крисом в руках, и шут с длинной бородой и огромным брюхом; потом еще мужчина, богато разряженный и представлявший супругу вельможи; наконец, молодой человек в фантастическом наряде, также сходном с облачением индийских божеств. Все эти лица разыгрывали мифологическую индийскую драму.

Вся группа плясала; телодвижения великого раджи походили на подергивания и очень мало соответствовали его сановной длинной одежде. Черты его лица были яркие и блестящи; лицо было расписано желтой краской, в означение высокого сана; речь его дышала важностью, глаза блистали, и он потрясал в руках крисом из золоченого дерева. Вдруг выбежало на сцену несколько обнаженных человек с деревянными крисами. Вслед за ними явился раджа-неприятель со своей ратью, точно так же блестяще облаченный, с той разницей, что за его спиной был раскинут павлиний хвост, а в руках его были павлиньи перья, которыми он махал как иступленный. Началось сражение. Пришелец победил, сорвал венец с побежденного и воссел на его трон на витых ножках. Началось поклонение победителю. Потом явился чародей в остроконечной шапке, полуобнаженный, огромный ростом, с огромными длинными ниспадающими волосами, с широкими ожерельями до пояса; лицо исписано таинственными знаками желтой краской. Неистовые песни и пляски продолжались еще, когда я отправился домой, где меня ожидал скромный ужин из остатков утки и курицы. Описанное мною зрелище происходило верстах в 7 или 8 от Коломбо.

Я — в 35 милях от Канди, в уединенном доме; лежу на кровати, тщательно закрытой занавеской; по высокой, обширной комнате пробегает ветерок; шторы еле-еле пропускают дневной свет. В моем уединении царствует унылая тишина, изредка прерываемая жужжанием насекомых, криком попугаев и обезьян. Кругом на далекое пространство раскинулись тенистые леса кокосов, бамбука, ареки, джагар, зонтичной пальчатки, кофейных деревьев, коричных лавров и различных ползучих растений... Страшно носиться думой по этим вечно зеленым, мрачным лабиринтам, где бродят бесчисленные стада слонов, где свирепые тигры рыскают по влажным джунглям и где змеи скользят в ананасовых кустарниках.

В этом тенистом острове сумрак воздуха полон электричества. Блистание молнии необыкновенно часто; оно поминутно освещает вершины гор и глубины пропастей, поросших густыми, непроходимыми лесами. Безмолвие прерывается отдаленными раскатами грома, с приближением равноденственных бурь, и унылой стукотней тамтама, раздающейся в чаще лесов, потому что нередко в самой неприступной густоте их сокрыты таинственные храмы, где отправляется первобытный буддизм во всей своей странности.

Если воображение повлечет вас по сырой тропе, под навесом ветвей, сквозь которые никогда не проникает солнце, к одному из таких сельских храмов, вас встретят там степенные, приветливые жрецы в желтых хламидах, с бритой головой и бородой и введут под кров. Здесь запах редчайших цветов наполняет атмосферу, и мерцание лампады с теплящимся кокосовым маслом освещает огромного Будду, высеченного в скале и раскрашенного яркими красками, предпочтительно оранжевой или желтой. Будда, стоя или лежа, занимает всю высоту или всю длину храма. Эти жрецы, одушевленные доброхотным, простосердечным гостеприимством, тотчас же предлагают чисто изготовленную трапезу, состоящую из растительных припасов. Дети, воспитанные при храмах, окружают с ребяческим любопытством чужака. Одни веют на него опахалами и предлагают студеной воды, другие зажигают огонь и наскоро готовят сигаретки из нарванных в саду листьев или потчуют бетелем, сахар-

ным тростником или какими-нибудь чудовищными плодами, которые, кажется, могут только присниться. Один из них, заметив, что прядь моих волос ниспала на глаза, тихонько вынул из-за пояса гребешок и предложил мне его очень серьезно и не говоря ни слова. (Сингалы обращают большое внимание на волосы, которые носят очень длинными.) Угощение совершается с безмолвной почтительностью...

Эти лесные священнодействователи внушают ученикам своим благосклонность и кротость, образуя из них спокойных и добрых людей. Этими свойствами отличаются сингалы — уроженцы Цейлона, которые проводят жизнь добродетельно и однообразно. Люди, живущие в этой чудо-прекрасной стране, счастливо созданы: черты лица их благородны, выражение кротко и простодушно; они отличаются статностью, высоким ростом, приятностью телодвижений, роскошью длинных черных волос, которые ниспадают волнистыми прядями или заплетенными косами на темно-медяные плечи. Простая одежда их состоит из белой, красной или пестрой ткани, которая красиво облегает поясицу.

Иногда ввечеру необычайный грохот поражает изумленного чужестранца; нестройный звук грубых орудий потрясает воздух и оглашает леса. Гнусливый голос тибетского факота терзает слух, но блеск зажженных факелов освещает процессию торжественного переезда на слонах останков Будды из одного храма в другой. Смоляные факелы распространяют запах похоронного фимиама. Это фантастическое шествие при барабанном бое, которому слабо вторят колокольчики, украшающие упряжь чудовищных животных, и строгое выражение лиц, озаренных пламенем горящей смолы, представляет фантазмагорию, которая, с удалением этого поезда, кажется сновидением.

Совершив свой узаконенный круг, процессия возвращается обратно в храмы, и первый слон входит на ступени, где с него снимают священную ношу. В это время жрецы охотно показывают сокровища храма, перечисляя странные имена раджей, обогативших его своими приношениями. Массы золота покрывают знаменитый зуб Будды, обладание которым означает обладание сингалами Цейлона. Теперь этот зуб находится во власти англичан, под крепкой малайской стражей, готовой осыпать ядовитыми стрелами каждого, кто пожелает изъять поклонение священному зубу на слишком близком рас-

стоянии. Жрецы принимают в благосклонное расположение иностранца, с уважением рассматривающего их святыню. Они хотели оказать мне особенное уважение, предложив воссесть на слона, едва освобожденного от бремени Будды: поместили меня на спину животного и повезли по одной из улиц Канди. Корнак¹⁸ вооружен тяжелым железным зубцом, потому что слон предательское и хитрое животное, у которого ничего не прочтешь на лбу, всегда мрачном, как цейлонские леса. Со временем я должен привыкнуть к слону, как карете, потому что в северных провинциях редко представляется другой способ перемещения. Перейдем теперь к предметам более занимательным, хотя и более плачевным событиям.

В джунглях живут полудикие женщины, почти нагие, дети, старики, целые семейства изгнанников, которым со времен жестоких кандийских царей единственным кровом служат пальмовые леса. Это поколение падших вельмож подвергнуто проклятию, но, несмотря на свое унижение, сохранило и красоту, и пышность форм. Английское правосудие приняло теперь этих несчастных под свое покровительство. В своих прогулках я часто встречал одну из женщин этого класса. Она обыкновенно выбегала из кустарников, просила у меня денег, и каждый раз я отдавал все, что было при мне: так велико было ее обаяние и так она была бедна. Однажды эта женщина, которой облик, пленительные движения и блестящий взгляд и теперь еще передо мной, повела меня в свою хижину, взяла у меня все деньги и стала просить еще. Я с важным видом объяснил ей, что передал ей все мое состояние и сам сделался бедняком. Тогда она, бросив на меня пытливый взгляд, вышла из хижины и воротилась с пригоршней серебряных монет. Не правда ли, эта простодушная, легковверная доброта трогательна? Я хотел было возвратить ей ее сокровище, но три ее мужа, мать и отец вырвали у меня деньги из рук; я был один, и о сопротивлении нечего было и думать. Впрочем, мужья не только не ревнивы, но даже навязывают своих жен желающим. Отцы и матери точно так же поступают с дочерьми.

Пленительная красота и таинственность этого волшебного острова чаруют воображение и погружают душу в сладостные грезы, а между тем мысль беспрестанно улетает в холодную страну, в сосновый бор, в знаемые города, однообразные деревни, в страну мне доро-

гую, потому что в ней в первый раз забилося мое сердце дружкой, благодарностью, любовью и горем.

[Князю Петру Салтыкову]

На море, между Цейлоном и Мадрасом,

8 июня 1841

Я сторговался с одним португальцем, владельцем маленького судна в 37 тонн: за 40 фунтов стерлингов он обязался доставить меня из Коломбо в Мадрас и по дороге останавливаться везде, где я захочу. Я устроил себе на палубе кровать собственного изобретения: она защищала и от солнца, и от ветра, и от дождя. В каюте страшное множество кокроаков, несмотря на обязательство капитана истребить их всех до одного.

Цейлон мне пригляделся, и я решился сесть на корабль, который огибает весь Коромандельский берег.

Два дня не сходил я с постели, пригвожденный к ней страшной бурей, которая не редкость в этом [...] океане. Впрочем, теперь самая пора ураганов и дождей. Мы бросили якорь перед мавританской деревушкой Каликари, возложив всю надежду на якорные веревки, что было не совсем безопасно. Высокие пальмы, раскинутые по песчаному берегу, заманили меня под свою сень; но на берегу, особенно в полдень, было так жарко, что у меня замирало сердце и кружилась голова. Я поспешил на борт. Сильный ветер едва не сорвал наш якорь, и бедный лоцман после тщетных двухдневных попыток с трудом успел вывести корабль из гряды маленьких прибрежных скал. Я пристал к небольшому острову, который лежит между Цейлоном и Индийским полуостровом и называется Рамиссерам [Рамешварам]. Мне хотелось посетить здешний знаменитый храм¹⁹. Вступив на берег в селении Помбэн [Памбан], я был очень ласково принят двумя английскими офицерами и одной англичанкой, которые имеют здесь постоянное местопребывание. Меня накормили, приютили и доставили все удобства для поездки в храм, находящийся милях в 10 от селения. Я отправился туда на другой день утром в паланкине. Дорога, вымощенная каменными плитами, тянется по песчаной почве, поросшей колючим кустарником. Местами попадаются приюты, устроенные для отдохновения богомольцев,—пизенькие террасы, подпертые столбами, и четырехугольные пруды с каменными спусками.

Приближаясь к серым стенам храма, я заметил стоявшего на дороге слона и несколько далее — другого. Они двинулись нам навстречу в сопровождении толпы туземцев, предводимых браминами и баядерками, которые, приближаясь, приплясывали под звуки труб и цимбал. При встрече нас осыпали пучками и венками из благоуханных цветов. Народ, музыканты, баядерки, брамины и слоны вдвинулись вместе с нами под великолепную колоннаду, образованную из мифологических чудовищ, которых в это мгновение озарило вечернее солнце огненным, будто подземным, светом.

Двери храмовой сокровищницы распахнулись перед нами. Головные уборы, запястья, литые массы золота, грубо отчеканенные, представились нам в бесчисленном множестве. Однако не все тайники раскрылись перед нами: в этих мрачных убежищах мелькали огоньки; время от времени скрывалась туда храмовая плясунья или выходила оттуда тихой, мерной поступью, и до нашего слуха долетали глухие звуки священной трубы.

Три дня я прожил здесь, бродя по обширным подземельям и перебегая по бесконечным кровлям храма. Глядя с этих кровель на храмовые здания, на разбросанные пагоды, на купы кокосовых пальм, невольно поражаешься своеобразностью вида: так и веет Индией! Когда я первый раз ступил на храмовую кровлю, кругом меня поднялась целая туча зеленых попугаев и шумно перенеслась в ближайший пальмовый лесок. Я шел по белым плитам, озаренный лучами вечернего солнца; странные куполы пагод, подымавшиеся в уровень со мною, отливали золотом, и я мечтал, что, может быть, также буду прогуливаться по висячим садам Лагора [Лахора]. Передо мной возвышалась мрачная, посеребрившая башня, которая резко отделялась от светлых, веселеньких пагод и садов и повивалась сумраками ночи. Я направился к этой башне; мои шаги гулко раздавались по пыльным ступеням маститой лестницы и переполошили летучих мышей и сов, которые роились над моей головой. Сойдя опять на кровлю, я спустился по маленькой лестнице в храм: там было все мрак и безмолвие. Изредка в темноте мелькала одна из девушек, посвященная храму и разврату браминов, и терялась в глубине крытых переходов...

На другой день я был на свадьбе. Жених и все его родственники, взрослые и дети, старики и молодые, взгромодились на одного слона. Меня ввели в дом, Же-

ниму казалось на вид лет 20; невеста, девушка лет 18, очень недурная собой, но чересчур смуглая, была на сносях. Это удивило одного меня, потому что здешние обычаи, кажется, позволяют жениху вступать в свои права до брака.

Оставив с сожалением Рамиссерам, я видел мельком остров Яффну [Джафну], на Коромандельском берегу город Негапатам [Нагапаттинам], принадлежащий англичанам, и в местечке Ннгуре мавританскую часовню с высокими минаретами. На все это любовался я с борта моего корабля. Потом мы подплыли к датскому городу Транквебару [Транкебар]; увидев издали правильно выровненные крашенные дома, я не принял на себя труда сойти на берег... Вот наконец и Пондишери [Путтучери]: здесь мы бросаем якорь ²⁰.

Пондишери — хорошенький город, более похожий на итальянский, нежели на французский. Я представился губернатору; почтенному старику, и имел честь у него обедать; за столом было человек 20 французов, по большей части — уроженцев Африки и Индии... Остановился я в очень порядочной харчевне... Цветное народонаселение Пондишери чрезвычайно красиво. Здешние индианки отличаются живописной небрежностью одежд и причесок, осанкой и пленительной естественностью обращения. На всех их манерах лежит печать простодушия и достоинства; их лица озарены грустно-обворожительным выражением, неизвестным в Европе. Появляясь в темной зелени пальм и бананов, они кажутся сверхъестественным явлением, вызванным чарами древних волшебников. Кроме индианок я видел в Пондишери португалок и голландок: они носят европейские одежды, но все без исключения смуглы, все уроженки Индии и говорят только по-индийски [по-тамильски].

[Ему же]

Велор [Велуру], 26 июня 1841 года

Велор — древняя индийская крепость, верстах в 100 от Мадраса. В этой крепости содержатся жены и дети Типу Султана и остатки семейства его отца, Хайдара Али ²¹.

Эти несчастливцы томятся в неволе лет 40, и женщины, разумеется, не первой молодости. В крепости заклю-

чены еще и другие индийские семейства, и в том числе семейство последнего цейлонского царька ²², который был пленен лет 20 назад и умер здесь. Его сын, хорошенький пятнадцатилетний мальчик, в своем парадном одеянии очень похож на трюфелевого короля... Вообрази, что крепость окружена глубоким рвом, в котором кишмя кишат крокодилы! Нынче утром видел я несколько штук: выползли из воды и греются на солнце, огромные, уродливые, а другие возятся в траве. Как тебе нравится эта идея? Чтобы пленники не спаслись вплавь и не имели ни с кем сообщения, приставили к ним сторожами — крокодилов!.. Я посетил заключенных вместе с моим хозяином, комендантом крепости, полковником Нэпиром, который многим из несчастливцев нес радостные вести. Одной очень набожной старухе, у которой в носу было продето огромное кольцо с висячей жемчужиной, Нэпир объявил, что ей дозволено избрать местом жительства храм Джагарнат ²³, около Калькутты. По словам Нэпира, эта старуха, принадлежащая к одной из знатнейших фамилий, недавно оплакала единственную дочь, которая добровольно сожгла себя на погребальном костре своего мужа ²⁴.

Жены и наложницы Типу Султана не слишком привлекательны, а племянницы и двоюродные сестры Хайдара Али еще менее: вот почему они не прячутся от любопытных взоров, несмотря на то что они магометанки и что [...] Типу и Хайдар были мусульманами. Сами евнухи этих [дам] провели нас к ним. Тем, которые были помоложе, комендант при мне разрешил выйти из темницы и вступить в замужество по их благоусмотрению. Старухи тут же приступили к коменданту с просьбами об увеличении жалованья. Впрочем, с пленниками обходятся человеколюбиво. Маленькому кандийскому царьку дано позволение идти на все четыре стороны; но он не хочет оставить крепость, потому что здесь его содержат хорошо, а идти ему некуда. Он мог бы вернуться на Цейлон, но об этом нечего и думать: его отец был страшный тиран и даже в темнице обращался со своими людьми бесчеловечно жестоко.

После этих утренних посещений я набросал на бумаге несколько [этюдов] и укрылся от жару в красивом и покойном доме коменданта. С балкона вид прекрасный, по вечерам на лужайке перед домом играет стройная полковая музыка: странным стечением обстоятельств сюда заброшен превосходный капельмейстер. Представь

себе, я слушаю «Лучию ди Ламмермур»! Понимаешь, какое впечатление произвели на человека, так давно лишенного музыки, эти чудные звуки?

Я пробыл здесь два дня; сегодня вечером собираюсь в дорогу.

Так-то я провожу здесь время. По ночам меня несут в паланкине, потому что днем это было бы слишком тяжело и для носильщиков, и для меня. Добрые индийцы окружают меня истинно материнскими заботами: предупреждают малейшие мои желания.

Вообще индийцы являются более утонченными и более искусными, чем итальянцы. Европейцам, как всемошным своим повелителям, индийцы покорны безусловно; но самая их покорность проникнута каким-то спокойным благородством. Поэтому-то здешние англичане отдают полную справедливость [услужливости], честности и толковитости туземцев [...]. Несмотря, однако, на врожденную тихость нрава, индийцы, из которых набраны здесь полки, поражают своей безукоризненной храбростью. Все здешние солдаты вступили в военную службу охотой, принадлежат к лучшим кастам и очень довольны своим званием. Но ежели их подвергают наказаниям, которые могут обесчестить их в глазах соотчичей, могут послужить поводом к изгнанию из касты, индийцы нередко лишают себя жизни.

Впрочем, самоубийства случаются у индусов нередко, даже женщины, увлеченные несчастной страстью, очень часто налагают на себя руки. Не знаю, до какой степени верны эти подробности; они основаны на личных наблюдениях неопытного путешественника, плохо ознакомленного с языком страны, и на рассказах особ, заслуживающих [доверия].

В Аркоте [Аркате], между Мадрасом и Велором, я присутствовал на учении полка конных сипаев. Мне показалось, что они исполняли свою обязанность почти так же хорошо, как наши гвардейские гусары — разумеется, менее отчетливости, менее красоты в движениях. Они вели правильную атаку в величайшем порядке и без малейшего замешательства.

Не помню, писал ли я тебе о Мадрасе. Это обширный, многолюдный, но не слишком занимательный город. Англичане называют «черный» город Мадрас «городом хижин» — *the city of huts*, и действительно: Мадрас — огромное сборище шалашей. Правда, есть несколько пагод, но пагоды гораздо величественнее в уединен-

ном месте в лесу. Завтра я собираюсь осмотреть одну из пагод. Англичане живут в превосходных загородных домах, разбросанных далеко один от другого: вероятно, им нужно побольше воздуха, свободы и уединения. Чтобы сделать два-три визита, надо проехать верст 10 или 15, что отнимает много времени. Я, со своей стороны, не поеду с визитами, тем более что здесь у меня нет почти знакомых.

Поселился я у здешнего губернатора лорда Элфинстона²⁵. Это в высшей степени порядочный и добрый человек: не будучи со мной знаком, он принял меня как нельзя радушнее и вежливее и предоставил в полное мое распоряжение лучшие покои своего дворца, в котором царствует невозмутимая тишина. Слышится только плеск воды, которой смачивают плетеные шторы, не пропускающие ни солнечного луча, ни знойного ветра. Комнаты освещены слабо, и порой до меня долетает струйка ветерка, освеженного водой и пропитанного благоуханием душистых трав: пахнет и кипарисом, и сандалом, и только что скошенным сеном.

Все губернаторские адъютанты и секретари находятся в его доме; иные отдыхают, измученные страшной жарой, другие занимаются делом. Многочисленные индийские служители, босоногие, одетые в тонкую кисею, снуют взад и вперед по обширным залам. По всем углам солдаты веют опахалами из пальмовых листьев; огромные щиты, укрепленные посреди потолка, движутся незримой силой (по стенам протянуты шнуры, и этими-то шнурами щиты и приводятся в действие). Кажется, что само одеяние индийцев, волнистое, белое как снег, способствует освежению воздуха в этом уединенном жилище, где царствуют порядок и безмолвие.

Поездка из Мадраса наводит меня на мысль предпринять другую поездку, и я в нерешительности — отправиться ли мне на днях в Калькутту или продолжить мое пребывание на юге. Может быть, характер здешней местности совершенно отличен от всего того, что придется мне увидеть, и мне будет досадно, что я не изучил его основательно. В Калькутте я надеюсь найти твои письма; ты знаешь, что они будут первыми, которые я получу из Европы.

В теперешнюю мою 8- или 10-дневную поездку я пустился один. Франциск и Федор остались в Мадрасе, в губернаторском доме; впрочем, внимательные индийцы заставляют меня забывать отсутствие моих слуг. Для

каждого европейского слуги нужен паланкин и, следовательно, те же издержки, как и для барина. Желаящие могут путешествовать в почтовом паланкине, то есть перемещая носильщиков каждый час: это путешествие наполовину так же скоро, как езда в почтовой карете. В паланкине можно спать, открывая или закрывая его дверцы или окошечки, по усмотрению. Я заметил, что расход на паланкин обходится каждую версту в рубль ассигнациями, а каждую английскую милю в один шиллинг. Паланкин несут шестеро носильщиков; другие шестеро бегут по сторонам, для смены. Ночью прибавляется еще один носильщик с факелом; итак, путешественник имеет в своем распоряжении 12 человек днем и 13 ночью. Через каждые 12 верст носильщики меняются все без исключения; разумеется, все это относится к почтовым паланкинам.

Но очень часто, если путешествие непродолжительно, носильщиков не меняют, а нанимают на все время путешествия, в таком случае носильщики делают в день верст до 40 и более, особенно если путешествовать ночью, избегая палящего дневного зноя. От этих тружеников никогда не услышишь ни одной жалобы: они исполняют свою обязанность неизменно охотно и ободряют друг друга таинственными словами и однообразными песнями. Эти трудолюбивые, мирные люди, согласные как братья, довольны своим ремеслом, потому что оно — принадлежность их касты, обычное занятие, переходящее с незапамятных времен от отца к сыну. Ни за что на свете они не решатся приняться за другое дело иначе сама религия заклеймит их бесчестьем. Их простая и легкая пища состоит из рису, нескольких плодов, овощей и сахарных тростей. Закон касты позволяет им употребление баранины; но я еще не видал, чтоб они ели мясо, хотя я даю им довольно прибавочных денег.

Индийская жара похожа на русский мороз: у нас можно отморозить себе нос, руки, ноги и, наконец, совсем замерзнуть; здешняя жара так же опасна, только наоборот — можно изжариться, а не замерзнуть; но и здесь, как у нас в России, умеют принимать предосторожности.

Обращаюсь опять к крокодилам, или аллигаторам. Мне рассказывали, что давно поймали одно из этих чудовищ, связали, надели ему на морду кольцо и бросили опять в воду: 40 лет спустя он еще прогуливался с кольцом. Другой крокодил схватил недавно ребенка; в эту

гадину успели выстрелить и убить наповал, но уже было поздно: ребенок был проглочен. Бросили невод, вытащили аллигатора, разрезали ему живот и нашли в его желудке мертвого ребенка, несколько запястий и колец, носимых индианками на ногах. Было ясно, что чудовище растерзало несколько женщин, когда именно и случайно ли или вследствие жестокости прежних властителей Велорской крепости — разумеется, это осталось тайной.

Нынешний комендант Велора, полковник Нэпир, не способен [кормить] крокодилов подобной [пищей]. Если бы я не побоялся подвергать себя дневной жаре, я мог бы видеть много этих отвратительных пресмыкающихся, потому что днем они преимущественно плавают на поверхности воды и выползают на берег. Сегодня утром мы с одним английским офицером рассматривали из-за зубцов стены одно из этих страшилищ, которое грелось на солнце и растянулось перед нами во всю длину. Англичанин велел принести утку и потихоньку бросил ее крокодилу; но шум, произведенный упавшей уткой, испугал пресмыкающееся, и оно, не обратив внимания на лакомый кусок, скользнуло в воду, извиваясь своими стальными чешуями. Бедная утка была в неопишемом страхе: офицер сжалился над ней и приказал вытащить из воды. В самую жаркую пору здесь имеют обыкновение бросать крокодилам всех бродячих, беспризорных собак, которые попадутся под руку.

[Ему же]

Конджеверам [Канчипурам], 27 июня, вечером

Прошлую ночь я провел в паланкине, а сегодня утром прибыл в Конджеверам. Это только прогулка, и послезавтра утром я возвращусь в Мадрас. Конджеверам — небольшой городок, рассеянный в священном лесу; в нем 50 тысяч жителей (в том числе 10 тысяч браминов) и бесчисленное множество пагод. Я остановился в уединенном, чистеньком домике, выстроенном для путешественников. Мадрасский губернатор, лорд Элфинстон, выслал мне туда трех служителей с различными съестными припасами; перед завтраком я по обыкновению взял ванну.

Предваренные о моем приезде, брамины выслали к нам слонов и танцовщиц, молоденьких, хотя вовсе не

красивых. Одна из них, довольно, впрочем, хорошенькая, играла на странном инструменте из кокосового ореха, звук которого походил на гобой и вместе с тем на плач маленького ребенка. Эта малютка, играя, делала большие усилия, к которым вынуждала ее мать, толстая, смуглая мегера. Я выгнал мать из комнаты, а дочери подарил несколько рупий, дав себе обещание попросить лорда Элфинстона, чтобы он принял меры к прекращению такого ревностного обучения юношества.

Слоны, отделявшиеся от зелени пальм и лужаек, были необыкновенно красивы, и вся толпа, наполнявшая мои комнаты, носила на себе какой-то особенный отпечаток. Разумеется, этот народ пришел ко мне за подаванием, и я вынужден был сыпать рупии пригоршнями.

Я осмотрел одну пагоду, потом другую. Оба здания великолепны, величественного зодчества, с самыми странными украшениями, с изображениями вымышленных чудовищ; и все это перемешано пальмами, огромными бананами, крытыми ходами и переходами, двориками, площадками. Толпа браминов, молодых и старых, полунагих, испещренных желтой и белой красками на лице и на груди, была погружена в моление; одни, служители Шивы, истребителя, лежали ниц, другие, служители Вишну, хранителя, молились стоя. Все они поклоняются Бrame, верховному существу, творцу мира. Баядерки плясали под звуки оглушительной музыки; слоны следовали за мной повсюду, как тени. Вся эта картина, и в целом и в подробностях, была волшебнo-очаровательна.

Мне показывали сокровища храма *, принадлежности одеяний и украшений идолов, которых время от времени возят по городу в огромных колесницах, украшенных странными деревянными изваяниями и изображениями уродливых божков; и здесь пришлось мне поплатиться несколькими десятками рупий, впрочем, это мои единственные издержки: правительство или, лучше сказать, лорд Элфинстон дает мне помещение и стол даром. Если бы лорд Элфинстон не был так внимателен ко мне и не снабдил меня лакомыми блюдами своей безукоризненной

* Англичане советовали мне осмотреть эти сокровища как единственную достопримечательность Конджеверама: все остальное, по их словам, было *native dirt and beastliness* [«туземной грязью и зверством»], никуда не годилось. Еще доказательство, как осторожно следует верить на слово: сравнительно с великолепием всей картины храмовые сокровища точно никуда не годились.

кухни и целой батареей бутылок из его превосходного погреба, может быть единственного в целой Индии, я был бы в крайнем затруднении. Пришлось бы есть одни кокосовые орехи: все, что можно найти на конджеверамском базаре, и все баснословные кушанья браминов до того противоречат нашим представлениям о съедобном, что ни один человек в мире, исключая коренного индийца, не отважится на подкрепление себя подобной пищей. Туземный стол состоит из плодов и овощей, но до того приправленных духами, маслами и сахаром, что становится тошно. Возьмешь кусок в рот и подумаешь, что раскусил или мускус под ламповым маслом, или фиалковую помаду, или неаполитанское мыло. В этом отношении здесь нельзя подражать туземцам, как я это делывал в Турции, Италии, Персии, Грузии и даже Сицилии.

В Конджевераме держат очень много обезьян; их видишь повсюду — и в домах, и на кровлях, и в храмах, и всем им оказывают большее или меньшее уважение. Первое, что бросилось мне в глаза при моем приезде в Конджеверам, были эти обезьяны, а потом — огромный пруд с превосходной гранитной набережной и спусками. По набережной двигался почтенный слон... Нужно заметить, что здешним слонам проводят на лбу горизонтальные или вертикальные линии, смотря по тому, посвящено животное Вишну или Шиве. На описываемом мной слоне сидел выбритый догола брамин, поклонник демона; в руках у брамина был медный сосуд с пучком зеленых листьев. Впереди шли музыканты, ехал на корове мальчик и изо всех сил колотил в цимбалы, что доставляло ему видимое удовольствие; к слону были привешены колокольчики, два колокола и что-то вроде рога или трубы. Я вылез из паланкина и любовался этим важно-шуватовским шествием. Однако пора кончать. Прощай.

Р. С. Я остался в Конджевераме до вечера и случайно попал на праздник. Представь себе... посреди странной индийской архитектуры, при свете факелов колоссальный позолоченный истукан, поставленный на подмостки и движимый толпою людей, казалось, шествовал сам собой, окруженный браминами. К этому надо прибавить беснующихся музыкантов, сидящих верхом на коровах. Кумир обошел круг во внутренности храма по обширным дворам и вышел из портика высокой гранитной башни, превосходящей размерами московскую колокольню Ивана Великого и насчитывающей, по сказаниям, четыре тысячи лет²⁶. Шествие двигалось по улицам

Конджевеерама и по перелескам, посреди пения и грома, по распростертым богомольцам, при блеске потешных огней.

[Ему же]

Танджор [Танджавур], 25 июля 1841

Прибыв сюда, я испросил дозволения представиться радже²⁷. Меня предупреждали, что он не в духе по случаю некоторых недоразумений с индийской Компанией, сидит несколько дней взаперти и не хочет никого видеть. Но, вспомнив нашу пословицу «Попытка не пытка, спрос не беда», я подумал, что для такого редкого явления, как русский, раджа может сделать исключение. И в самом деле: мне принесли учтивый ответ на английском языке (при дворе раджи находился секретарь, англичанин), и в этом ответе значилось, что раджа готов сделать мне послезавтра торжественный прием [...].

При моем входе в крепость выстрелили из пушки. Меня ввели в обширный двор, на котором там и сям были расставлены слоны: я насчитал их до 18; за железной решеткой я заметил 7 тигров и 5 леопардов. Один из тигров был редкость: весь серый.

У раджи в крепости всего 40 слонов; некоторые принадлежат его женам (жен у раджи 300), другие назначены на служение при великолепном крепостном храме. Огромные гранитные башни этого храма поднимаются до облаков; посреди высится чудовищный бык, высеченный из одного куса черного камня. Кругом храма разбросаны купы пальм и стелется ковер цветов, необходимых для религиозных обрядов.

Я перешел на другой двор, где целый строй солдат отдал мне честь. На третьем дворе были также солдаты, стояла целая толпа народа, играла музыка, а посреди тянулась маститая индийская колоннада, в глубине которой на троне из слоновой кости, под пурпуровой сенью, в парчовом одеянии сидел сам раджа. На его груди и на чалме странного, невиданного доселе мною покроя сияли крупные драгоценные камни, и, между прочим, огромный изумруд, который свешивался с чалмы к переносью раджи и блестел, как третий глаз. Подле раджи стоял его пасынок, молодой человек, одетый почти так же, как раджа. Множество служителей стояли за троном, веяли

золочеными опахалами и отгоняли павлиньими перьями комаров. На ступенях трона курились благовония, и герольд прославлял громким голосом величие, могущество и добродетели своего повелителя, его красоту, мужество, силу и т. п. Словом, все соединилось, чтобы придать торжественность этому приему, который напоминал и театральные подмостки, и седую древность, и ребяческую забаву.

Раджа, довольно тучный, тридцатилетний малый, с радушным видом пошел мне навстречу, поцеловал меня, взял меня под руку, пасынка под другую, уместил меня на сиденье подле трона и воссел сам. По обеим сторонам трона были повешены лук, колчан, полный стрел, литых из золота, и украшенная драгоценными камнями сабля. Выражение лица раджи приветливое и приятное. Он говорит по-английски. Я спросил его о здоровье и поблагодарил за честь, мне оказанную. Он отвечал, что сегодня же надеется отплатить мне посещением. После этого между нами начался занимательный и глубокомысленный разговор о нашем взаимном здоровье, об удовольствии видеть друг друга и о жаркой погоде. Истощивши эти три источника переговоров, я попросил дозволения удалиться; тогда раджа осыпал меня с ног до головы цветами, окропил розовой водой и помазал каким-то сильно пахучим черным маслом. Затем я отправился домой дожидаться посещения раджи. Во время аудиенции герольд провозглашал титулы и достоинства повелителя.

В 5 часов вечера приехал ко мне раджа, с большой пышностью. Он был в паланкине; впереди шли 7 слонов, из которых 2 были огромного роста, покрыты тигровыми шкурами, с башенками на спине; 4 — средней величины и один маленький; за ними выступали 2 верблюда. Раджу сопровождало конное и пешее войско. Всадники, по большей части старики, были в парчовых одеждах и сидели вместо седел на чепраках, к которым с 4 концов были привешены хвосты тибетских коров²⁸.

Раджа Шиваджи — это его имя — и его пасынок были в серебряных парчовых одеяниях. Я отдал радже те же почести, какие он оказал мне, то есть поцеловал его в оба плеча, и, взявши под руку, провел от паланкина до софы. При конце посещения я подал ему и каждому из его свиты по огромной вязи пахучих цветов, облил их руки маслом и розовой водой, на руки надел цветные запястья, на шею цветные ожерелья и в руки дал по пуч-

ку цветов. Раджа, большой любитель этих церемоний, помогал мне все время с великим удовольствием и благосклонно улыбался, видя мою неловкость. На другой день он прислал мне своего живописца, снять с меня портрет, обещая мне подарить взамен свое изображение. Целый день я должен был сидеть перед живописцем; впрочем, мне это было нетрудно, потому что в тот день мною овладела какая-то лень, да и жара на дворе была нестерпимая. Желая мне польстить, живописец нарисовал меня с большим брюхом; но так как для окончания своей работы он непременно требовал от меня пряди моих волос, а я не соглашался на его требование, то портрет остался незаконченным.

Я остановился в доме английского резидента, находящемся более чем на пушечный выстрел от города. Кстати о пушке: в Танджоре есть пушка изумительной величины, но она валяется за неимением лафета, лежит на песке. В то время как с меня снимали портрет, сюда прибыли слоны, посланные раджей за месячную податью, которую ему платит индийская Компания. Их нагрузили мешками с золотом и серебром.

Оканчивая это письмо, я должен сказать, что в настоящее время я нахожусь во владениях другого раджи, более независимого, раджи Пудукотского [Пудукоттай], у которого есть и своя маленькая земля, и свой город. Он еще мальчик; я его увижу нынче вечером. А в ожидании я помещен в отдельном, очень красивом и удобном домике, построенном нарочно для европейцев, желающих видеть раджу. *Fa un caldo ztravagante* («жара нестерпимая»). Я заметил, что в этих странах в комнате постоянно бывает около 90° по Фаренгейту, несмотря на шторы, постоянно смачиваемые для освежения воздуха.

[Ему же]

Пудукота [Пудукоттай], 27 июля 1841

Я был представлен маленькому радже; он очень мил. Он был одет так, как на наших европейских театрах представляют турок и особенно багдадских халифов. Вообще я был очень изумлен, увидев в Индии, что большая часть театральных и маскарадных нарядов, которые в Европе называют турецкими и которые я считал выдуманными, на самом деле происходят из этой отдаленной

страны. Радже 11 лет, но он очень хорошо говорит по-английски, так же как и его бедный брат — кривой, десятилетний ребенок. Каждый из них держал в руке по золотой сабле; на радже были превосходные изумрудные и жемчужные украшения. Тут же были выровнены в ряд 8 слонов с серебряными и золотыми или вызолоченными седалищами весьма странного вида. Были и лошади, очень хорошие и богато убранные, с перьями на голове.

Чалма молодого раджи, украшенная пучком аистовых перьев, была очень красива. Раджа не переставал обращаться ко мне с различными фразами, которые вполголоса подсказывал ему его наставник, старый маратх, стоявший позади трона. Со мной были три англичанина: медик, военный и гражданский чиновник, нечто вроде покровителей и посредников между индийской Компанией и двумя раджами, Танджорским и Пудукотским. Радже захотелось показать нам портрет покойного своего отца. Он поспешно сошел со своего маленького трона, взял нас за руки, повел по деревянным лестницам наверх, в комнату, наполненную портретами его родственников, и рассказал нам историю каждого.

За этим наступила церемония отъезда. К великому моему удовольствию, захлопотавшийся раджа опрокинул розовое масло, которым надо было нас помазать. Принесли розовой воды в кропильнице, сняли с нее крышку, и тотчас же тонкой струйкой забил фонтан до самого потолка. Раджа умильно попросил нас омочить в кропильнице руки. Для него было истинным удовольствием надевать на нас тяжелые цветочные ожерелья и запястья и раздавать нам золоченые листья бетеля. На дворе дворца, на улицах города и предместья, по которым пришлось нам проходить, стояли голые воины, иные держали в руках сабли, но большая часть была вооружена копьями и ружьями. Начальники были все верхом, в белых, розовых и желтых одеждах, которые резко отделялись от их своеобразных лиц [...]

Вечером раджа отдал мне визит: повторятся те же церемонии. Затем я буду обедать с тремя англичанами и сяду в паланкин часов в 9 или 10 вечера, а поутру в 7 часов буду в Тричинополи [Тируччирапалли], в 50 верстах отсюда. Тричинополи — изрядный город, в котором хорошо делают золотые вещи; здешние цепочки попадают и в Европе. В Тричинополи мне знаком один английский офицер: он писал ко мне и просил, чтобы я у него остановился. [...] Одеваюсь к обеду.

Раджа был у меня с целыми сотнями слуг; его принесли в великолепном паланкине; все его слоны, роскошные парадные зонтики, лошади, затейливо и нарядно навьюченные,—все это следовало за ним... Так жарко, что пишу тебе раздетый почти догола, несмотря на то что все окна и двери открыты настежь, а их так много в моей комнате, что стены похожи на решетки. Заметь еще, что [сейчас] ночь.

Между прочими нелепостями в поезде раджи были огромные трубы, в которые музыканты дули с похвальным рвением: эти трубы просто оглушили меня. Рядом же с паланкином раджи несли, не знаю ради чего, большого попугая, выточенного из дерева и позолоченного, на длинной палке. Решительно эти индийцы придумывают бог знает что, чтобы пустить пыль в глаза.

[Ему же]

*На дороге между Тричинополи и Мадурой
[Мадурай], 1 августа 1841 года*

В Тричинополи я купил у туземных художников очень дешево премиленькие рисунки на слюде и на бумаге. Присутствовал на смотре английских и англо-индийских войск, который делали нарочно для меня: генерал Шоуэрс непременно хотел почтить меня этой церемонией, после смотра я обедал с офицерами. Полковник Стрэтон, у которого я остановился, осыпал меня ласками и снабдил необходимыми указаниями для продолжения путешествия. Я теперь на полпути от Тричинополи к Мадуре, где надеюсь осмотреть превосходные храмы и замечательный индийский дворец. Сделаю маленький крюк, зато уж не пропущу ничего достойного внимания. Теперь я пишу к тебе из красивого и удобного дома, принадлежащего английскому губернатору. Двое расторопных английских слуг исполняют малейшие мои желания с видимым удовольствием и вдобавок ничего за это не требуют. Вчерашнюю ночь я сделал в паланкине 50 верст: это еще ничего, делают и больше, смотря по числу станций.

В Тричинополи я в первый раз в жизни видел, как курят индийскую хукку. Мне показалась странною привычка курить вместо хорошего табаку сахарный песок и банановую пастилу, вспырынутые розовым маслом. Впро-

чем, кажется, эта привычка укоренилась во всей Индии. Банан — хороший плод, здоровый и удобоваримый, похож на большой огурец. Я до сих пор предпочитаю его есть, а не курить.

Недалеко отсюда есть деревушка. Сегодня утром двигалось оттуда погребальное шествие под звуки песен, барабана и трубы. На носилках, устланных пальмовыми листьями, несли труп женщины, вероятно, по здешнему обычаю, на костер.

Мадрасский губернатор, лорд Элфинстон, показывал мне однажды на морском берегу место, предназначенное для сжигания трупов. На костер бедняков идет коровий помет, на костер богатых — сандаловое дерево. Я не большой охотник присутствовать при подобных сценах и поэтому не искал случая поглядеть на обряд сжигания поближе. Говорят, что, когда ветер дует с моря, от погребального костра доносится запах жареных бараньих котлет, точно с кухни. Хорошо еще, если бы жгли только мертвых, а то здесь поджаривают иногда и живых. Мать моего нового знакомого — Пудукотского раджи — очень умная и очень добрая женщина, любит своих детей без памяти, а когда умер ее муж, непременно хотела взойти на костер; насилу отговорили ее от этого намерения именем детей.

Но после смерти Танджорского раджи дело обошлось не так просто: его жена сожглась с удивительным хладнокровием. Еле уговорили ее, чтобы она не всходила на костер, где лежал труп ее мужа, и предпочла смерть на большом огне. Она согласилась и бросилась в яму с пылающим хворостом, где испепелилась в одно мгновение. Перед смертью она простилась с домашними и с министрами, которым поручила своих детей. Впрочем, мне говорили, что этот обычай принят только в высших классах, и то во владениях раджей; в областях, принадлежащих Ост-Индской компании, он давно исчез. Лорд Элфинстон написал вдове Пудукотского раджи убедительное письмо, в котором упрашивал ее не следовать безумному обычаю, и его настояния могли послужить ей достаточным извинением в глазах соотечественников. В простом народе женщины никогда не сжигаются.

Я теперь на дороге в Траванкор [Траванкур], сижу на станции. Люди, сопровождавшие поутру погребальное шествие, подошли к моему дому со своими барабанами и трубами и хотят войти в мою комнату. Все они пьяны, кроме двух или трех, которые противятся их желанию.

Ты знаешь, что это за люди: голые, подпоясанные какой-то тряпкой, черные, как негры, но с длинными волосами; у иных половина головы выбрита и оставлен длинный чуб. Все они малабарцы, или тамилы, говорят на малабарском наречии, отрасли санскритского языка, как меня уверяли²⁹. Кроме различия племен есть еще различие каст, как ты очень хорошо знаешь, и каждая каста считает себя отдельным народом. Вообще стоит заметить, что не годится изучать касту со слов ее членов: вместо надлежащих указаний вам наговорят нелепости, подсказанные заблуждением и предубеждением.

Мадура, 2 августа 1841 года

Очаровательное место. Великолепная, белая пагода поднимается посреди обширного пруда, окаймленного зеленью; по берегам прогуливаются и перелетают павлины. Пагода эта находится за городом. Другие пагоды, величественные, насчитывавшие, по сказаниям, более трех тысяч лет, находятся в городе, в котором до 30 тысяч жителей и старинный дворец прежних раджей. Рассказывают, что этот дворец выстроен лет 200 назад итальянским зодчим. Один из мадурских раджей, которому приписывают множество чудес и которому воздвигнута статуя с вздернутым носом и страшными усами, имел престранное имя: Трамаль-Наяк³⁰. В главной городской пагоде бездна клеток с попугаями — голубыми, красными, белыми и зелеными. Мне рассказывали, что это — усердные приношения богомольцев из различных областей Индии. Забыл я тебе сказать, что здешние обезьяны, точно так же как в Тричинополи, Конджевераме и, помнится, в некоторых кварталах Мадраса, не имеют хозяев, а живут сами по себе, одни на кровлях, а другие на дворах; при встрече дворные дерутся с кровельными, да и нельзя: разных пород, разных каст! Вероятно, они перебрались в город из лесов, хотя около Тричинополи нет больших лесов, а обезьяны целыми [гроздьями] цепляются по кровлям, как кошки.

Я в маленьком затруднении: по ошибке расставили носильщиков паланкина по другой дороге и заставили меня сделать 38 английских миль крюку. Поправить этого было нельзя, но так как я потерял целый день даром, хочу наверстать проигранное время и пробить здесь вместо положенных двух дней несколько часов.

Был я в местечке Паламкотте; имя не дурно, но место не занимательно. Теперь я в Курталеме [Кутталаме]: гористая, холодная местность; очень ветрено, немного сыро; небо постоянно в тучах, изредка моросит дождь. Сырость после такой жары была бы уместна, но я ее не люблю. В Курталеме есть прекрасный храм; часть его сгорела года 2 назад. Отсюда я отправлюсь завтра ранним утром, миль за 60, в Кэлон [Куилон], по гористой тропинке, проложенной в густом лесу, по-здешнему в «джунгли»; в лесу множество слонов и прочих маленьких зверьков, в особенности обезьян. Говорят даже, что ночью безрассудно пускаться в эту дорогу: легко наткнуться на стадо слонов, которые бродят по ночам и способны раздавить и паланкин, и все, что ни попадется им под хобот; днем они на дорогу не выходят.

Есть еще другая опасность: слон вообще животное кроткое, никогда не нападает первый, но иногда подвержен бешенству. Вzbесившийся слон выгоняется из стада своими товарищами, приходит в ярость, с ревом бежит по лесу, вырывает деревья, и горе всему, что встретится ему на пути!

Английский полковник Эвлокк рассказывал мне, что раз выбежал на него из лесу взбесившийся слон. Полковник был верхом и еле-еле успел ускакать от раздраженного животного, бросив за собой сначала шляпу, а потом сюртук; слон два раза останавливался, чтобы изорвать и то, и другое в клочки, почти то же самое случилось с лордом Элфинстоном. Но так как по этой дороге ездят же другие, и даже англичанки (к слову молвить, очень храбрые дамы), я тоже решился ехать. При этом мне дадут проводников, которые поднимут кругом паланкина шум и гам, будут стрелять из пистолета, трубить, барабанить и, наверное, запугают зверей так, что они и носа не покажут. Ежели выбрать другой путь, придется делать большой крюк и ехать несколько дней по скучной дороге к Коморинскому мысу. Из Кэлona я отправляюсь в Тривандрум [Тируванантапурам]. Прогулка по этому естественному зверинцу мне очень улыбается, а опасность быть обеспокоену дикими зверями, по моему, не более опасности быть на корабле во время бури и на пароходе во время пожара. Англичане готовятся к большой охоте за слонами; хорошо было бы, если бы они отправились со мной в одно время, да вряд ли успе-

ют. А впрочем, бог знает, будет ли это хорошо: они переполошат всех зверей — и тогда уже, наверное, должно ожидать нападения. Ты можешь подумать, что я нарочно хочу запугать тебя, но это несправедливо. Я буду продолжать свое письмо во время и после поездки, а пока не собрался еще в путь, поговорим о другом.

В Мадуре я познакомился с одним англичанином, который присутствовал при кончине Пудукотского раджи. Добряку англичанину стоило страшного труда отговорить жену и шесть наложниц от непреклонного их намерения сжечься на костре. Королеву он успел кое-как убедить; но наложницы и слушать его не хотели, кричали, что они желают смерти, что если королева забыла и стыд и совесть, так по крайней мере они не обесчестят себя ни за что на свете. Не говоря ни слова, он запер их всех в комнату, а ключ положил себе в карман и продержал их взаперти до окончания погребального обряда.

Теперь эти бедняжки живут в нищете и унижении, и, когда англичанин приезжает в Пудукоту повидаться с молодым раджей и его кривым братцем, которым он спас мать и которые поэтому называют его дядюшкой, наложницы всегда осыпают его упреками из-за своей перегородки. (Благородные индийцы держат своих жен взаперти, как магометане.) «Ты нас обесчестил, — говорят наложницы, — поверг в нищету, дай же нам по крайней мере денег!» В самом деле, их кормят очень плохо; они должны брить головы до самой смерти. Мне кажется, что индийцы скупы до мелочности и способны на плохое обхождение с такими, по их мнению, презируемыми существами, как эти бедные женщины.

Храм содержится под надзором [коллектора] Мадурского [дистрикта]³¹ за счет Ост-Индской компании, которая ежегодно отпускает для этого небольшую сумму. Храмы содержатся точно таким же образом везде, к великому негодованию миссионеров. Я слышал, что в Англии образовалось большое общество, имеющее целью исходатайствовать у правительства прекращение этого обычая. Ежели это общество успеет привести свое намерение в исполнение, в чем, кажется, нельзя сомневаться, искусство и художества потеряют много: брамины, оставленные на собственный произвол, не будут в состоянии поддерживать храмы в надлежащем виде *. Впрочем, ни

* Общество достигло своей цели, и Компания не содержит более индийских храмов.

один английский чиновник не смеет проникнуть в святилище храма, и даже туземцам, не принадлежащим к касте браминов, не позволено входить туда *. Святилище — маленький темный вертеп, битком набитый идолами, которые еще уродливее, еще более испещрены всевозможными красками, чем истуканы, стоящие в остальных частях храма.

12 августа

Я проехал по лесу верст 80, но ни один дикий зверь не рассудил показаться. Посреди этой пустыни какой-то англичанин или шотландец выстроил себе деревянный домик и живет в нем с женой, с детьми и с 2 дюжинами индийцев и индианок. Он разводит кофе, сахарный тростник, мускатные орехи, гвоздику, кардамон, красный перец и т. п. Почва, отененная густым лесом, благоприятна для этих растений, которые плантатор посылает в Европу и продает очень выгодно.

Предваренный о моем проезде, он ждал меня на крыльце за приготовленным завтраком, предложил мне содовых порошков, теплую ванну, превосходную закуску, красное и белое вино, до которого я, впрочем, не дотронулся, потому что было очень рано. Он исполнил все эти обязанности хозяина как-то лениво, в его взгляде и на всем лице написаны были грусть, забота, расположение к сплину. Жаловался мне, что слоны опустошают его виноградники. Вчерашнюю ночь он был пробужден внезапным треском, подбежал к окошку с ружьем и увидел слона, который забавлялся над одной из колонн крыльца, обвив колонну хоботом, слон так сильно потряс ее, как будто бы хотел повалить целый дом. Животному, вероятно, удалось бы вырвать колонну, как дерево с корнем, если бы ему не помешал хозяйский выстрел. Однако же нужны были многие выстрелы, чтоб прогнать его в лес. Шотландец прибавил, что боится пускать в лес детей на несколько шагов от дому, и поэтому его дети бледны, слабы и как-то вялы.

Боюсь, что все мои описания слишком однообразны. Сегодня у нас 13° или 14°. Я в Кэлоне на Малабарском берегу. Воздух освежен недавними дождями; зелень словно помолодела. Я езжу в европейские дома и окружен европейцами и англичанами.

Вчера я возвратился из моей поездки в Тривандрум,

* Это запрещение уважается самими раджами.

столицу Траванкора и местопребывание независимого раджи. Траванкор никогда не принадлежал ни голландцам, ни португальцам, но и те, и другие завели здесь конторы, имеющие большое влияние. Голландцы, верные своим привычкам, провели в Траванкоре множество каналов, пересекающих зеленые поля по всем направлениям; а португальцы оставили по себе прекрасное воспоминание — гробницу знаменитого мореплавателя Васко да Гамы, который умер в здешних окрестностях.

Из Кэлона ездил я в Тривандрум, частью в паланкине, частью — водой; сделал всего верст 50. Траванкорского раджу, его брата и первого министра по разговорам ничем не отличишь от европейцев. Раджа принял меня на своем троне, в белой кисейной одежде, вышитой золотыми блестками; над его чалмой, украшенной драгоценными камнями, веял пучок перьев; вообще и видом, и одеждой он немного похож на нашего купца. Раджа объясняется по-английски, чрезвычайно вежлив, но, говоря со мной, был в необыкновенном замешательстве и, видимо, робел. Я полагаю, что эта робость — болезненное настроение духа: радже нечего было робеть передо мной; я и сам-то не знал, как мне быть в его тронной зале. На вид ему лет 25 или 27.

Его брат гораздо смелее, влюблен в европейские обычаи и очень досадует, что законы касты не позволяют ему ближайших сношений с нами. Министр, или *диван*, очень образован и очень порядочен. Все они ходят поиндийски и в комнатах босиком, но ум их настроен чисто на европейский лад, по крайней мере так покажется с первого взгляда. Брат раджи, которого я посетил, выдумал даже себе полувенгерский наряд и очень в нем смешон. Иногда он присутствует на европейских обедах, в сопровождении своей голой свиты, но ничего не может есть и только жует бетель, к которому получил неодолимую привычку. Раджа и он подарили мне списки со своих портретов, писанных каким-то австрийским живописцем, который проездом снял портреты во весь рост с целого семейства раджи. При здешнем дворе меня [принимали] как нельзя лучше, присылали мне слонов с башенками, и я сделал несколько [набросков] с этих животных. Брат раджи посылал мне ежедневно кушанье со своего стола, состоящее единственно из плодов и овощей, но превосходных, и являлся ко мне сам потчевать этими лакомствами, которые подаются здесь на банановых листьях, заменяющих посуду. Подарил он мне также два

индийских рисунка; на одном был изображен синий бог со своей белой кормилицей³², а на другом — взятие Цейлона обезьянами Рамы³³. Кроме того, он сообщил мне, но, к крайнему сожалению, уже поздно, а именно когда я уже собрался в дорогу и сел в паланкин, что ему хотелось угостить меня театральным представлением и пляской, изображающими историю Адама, который во главе целого войска обезьян является в Цейлон и Траванкор. По крайней мере так он объяснил мне содержание этой пьесы и показал при этом употребляемые в ней наряды которые хранятся в его маленьком дворце. В жизнь свою ничего не видал я несообразнее и смешнее этого фантастического гардероба. Впрочем, я не теряю надежды, что где-нибудь мне еще придется поглазеть на эту историю Адама³⁴. Никогда не забуду ласкового приема, сделанного мне в Траванкоре.

При Травандрумском дворе, как и везде в Индии, держат тигров и леопардов; здешние помещены в особых клетках, рядом с конюшнями.

Резидент при Траванкорском ралже — человек очень любезный, скромный, добрый и ученый. В каждом городе здешней страны он имеет по дому, с мебелью, с необходимой прислугой и со всеми удобствами жизни; все это отдано в мое распоряжение с безграничным радушием. Резидента посетил я в Курталеме, а в Кэлоне заменяет его капитан Росс, который принял на себя труд доставить мне все необходимое для дальнейшего путешествия и вместе с тем возможность отдохнуть в его спокойном и удобном доме. Он меня представил своей жене, молоденькой и очень хорошенькой даме. Из их дома превосходный вид на лагуну (паровое болото, по-английски *black-water*) и на кокосовый лес. К сожалению, я сейчас же должен оставить это приятное общество: когда мысли заняты одним путешествием, нечего терять времени, а не то как раз упустишь благоприятный случай. Англичане, принимающие меня с таким радушием, очень хорошо понимают, что ласковый их прием только сокращает время, необходимое для приготовлений к дальнейшим поездкам.

[Ему же]

Мизор [Майсур], 5 сентября 1841 года

Картинка на первой страничке этого письма снята с окрестностей Мадраса, но я пишу тебе из Мизора. Я

провел 8 дней на горах Нилгири (по-английски *Nelghirees*), то есть на Синих горах, названных так, вероятно, потому, что индийцам, живущим в долинах, они кажутся синими, а на самом деле эти горы одеты вечной зеленью. Мне сказывали, что слово *ниль* означает и «синий», и «зеленый». Место на этих горах, застроенных множеством английских домиков, называется Утакаманд (по-английски *Ootacamund*). Вообще это место напоминает минеральные воды, и особенно кисловодские на Кавказе, только здесь больше строений. Все путешественники, истомленные жаром, останавливаются здесь для отдыха.

В Утакаманде я поселился у одного замечательного англичанина, доктора Бэкея, и принужден был остаться у него дней 8: очень было трудно найти носильщиков, потому что эти возвышенные и холодные страны бедно населены и очень редко посещаются индийцами. В горах обитает малочисленное племя, называемое *тода*; все они исключительно буйволы пастухи.

В самом уединенном, самом сыром, холодном и туманном ущелье этих гор мадрасский губернатор, лорд Элфинстон, выстроил себе дачу; меблировка этой дачи, оконные стекла, которые могут выдержать пулю, изящные каменные каминные и английские материи, употребленные на отделку комнат, обошлись ему в 4 тысячи фунтов стерлингов. В саду растут чайные деревья. Я очень рад, что попал сюда: влажная жара Малабарского берега истощила меня до такой степени, что я не могу ни спать, ни есть, ни ходить, ни дышать свободно. Здесь дело другое! Здесь я как раз получил такой европейский насморк, о котором в тропических долинах не имеют и понятия.

Французские вина, привозимые сюда, необыкновенно дешевы: ист бутылки дороже двух рупий. Правду сказать, что они не слишком хороши. Говорят, что большей частью их выделывают на мысе Доброй Надежды, а не во Франции; притом здешний климат скоро портит тонкие вина, а вдобавок различные насекомые точат пробки. Они точат даже и сигары, и, что всего страннее, более всех муравьи! Наемные слуги, туземцы, обходятся здесь очень дешево: за пятнадцать франков в месяц вы имеете проворного слугу, который очень доволен своим положением, кормится и одевается на эти деньги и еще содержит семейство и престарелых родителей.

Главнейшее удобство этих гористых стран — возмож-

ность выходить днем на солнце и на воздух, которые так губельны для европейцев на равнинах. Мой хозяин, доктор, знал нашего родственника князя N. D., когда тот был чрезвычайным послом в Персии³⁵. Доктор бывал и в России, а теперь собирается путешествовать. Я тебе сказал, что он очень умный человек и более всего любит порядок и точность. Вместе со мной остановился у доктора капитан Ост-Индских войск Макдональд. Он не так-то здоров, но тоже умный и любезный человек. В Индии прожил он целых 25 лет и, несмотря на свою хворость, собирается прожить еще 5, чтобы иметь право на ежегодную пенсию в 17 тысяч франков; если ему вздумалось бы выйти в отставку в настоящее время, пенсия простиралась бы только до 12 тысяч. Болезнь принудила его взять отпуск и поселиться в этих горах на несколько месяцев. За отпуск производится легкий вычет жалованья. Когда-то капитан изъездил Европу и бредит Парижем.

Гражданским чиновникам выдается больше жалованья, чем военным. В области населенной миллионом жителей, начальники департаментов административного и судного, то есть сборщик податей (он же магистрат, *collector and magistrate*) и судья, получают от Компании одинаковое жалованье: тысяч до 70 франков в год. [...]

В Утакаманде меня продержали до вечера, а я предполагал выехать сегодня утром. Причина этому была следующая: по дороге должен встретиться лес, по которому мне пришлось бы проезжать ночью, а здешние старожилы предупредили меня, что в этом лесу слонов несть числа, что они бродят преимущественно в эту пору и что, следовательно, носильщики не решатся пуститься в путь. Делать было нечего: я остался.

Хотелось мне порисовать немножко, да москиты роются надо мной и мешают; принимаюсь за перо.

Мизорский резидент в отлучке, и я поселился в его великолепном доме, при котором находится обширный сад. Двое его чиновников здесь, в Мизоре. Один из этих чиновников — судья. С 10 часов утра до 6 часов вечера он лежит в обширной зале, рядом с моей комнатой, и перед ним стоит целая толпа индийцев, которые возносят друг на друга страшные небылицы.

Мизор довольно большой и занимательный город; климат здесь изрядный, потому что город лежит на 2 тысячи футов над уровнем моря. Область управляется англичанами, которые покорили Мизор при Типу Султане и посадили на трон одного из потомков прежних рад-

жей. Раджа очнь дурно управлял своими владениями, вошел в неоплатные долги и принужден был уступить правление комиссарам, назначаемым верховным правительством Индии ³⁶.

Прежде всего я отправился взглянуть на парадную карету раджи; она похожа на раззолоченную и раскрашенную беседку, поставленную на 4 огромных колеса; в нее запрягают 6 слонов. Этот экипаж показывается публично однажды в год, во время большого праздника. Я осмотрел карету и слонов.

У раджи слонов очень много. Хотелось мне взглянуть на черного тигра, который, по сказкам, находится в зевринце раджи; тигра я не видал, потому что он околел, а клетку его мне показали. Впрочем, я слышал, что черные тигры здесь не редкость. Ты понимаешь, что я интересуюсь этими животными только потому, что они входят в состав двора раджей, а с раджами я чрезвычайно угодлив и ласкателен. Показывали мне дворец: низенькие комнаты, битком набитые уродливыми украшениями, игрушками, бесчисленным множеством всевозможных идолов с человеческим туловищем и слоновьей головой, с деревянными изваяниями женщин, раскрашенных и обвешанных поддельными драгоценными камнями; при этом удушливый запах от цветов и не знаю от чего еще. Раджа не показался: может быть, это не в обычае.

Затем меня свели с лестницы и повели показывать священных коров раджи. На дворе стояло чучело страуса. Мне показали в длинной конюшне более 100 коров и быков, самых лучших, самых горбатых*: у некоторых коров были высеребрены рога, а шеи опутаны серебряными цепочками. Нескольким коровам наделаны стойла на крыльце дворца; кормят их на убой, и поэтому вход во дворец содержится не совсем в безукоризненной чистоте и опрятности.

Меня предупреждали, что вечером на дворцовой площади будут народные увеселения. Я отправился на площадь после обеда, часов в 10, и моим взорам предстало странное зрелище: толпа каких-то уродов с зажженными факелами, 2 слона, и на них барабаны, в которые немилосердно колотят голые люди; яркий свет на площади перед покоями сына раджи. Я пошел на свет и увидел актеров, в личинах и в уродливых нарядах, похожих на

* В Индии нет безгорбых коров, по крайней мере я не видал ни одной в продолжение двухлетнего моего путешествия.

те, что изображены на рисунках, подаренных мне Траванкорским раджей. Актеры представляют в лицах «Историю о Вампире». Посреди позорища копошилось какое-то черное чудовище с поддельными зубами и клыками, загнутыми, как у кабана; это чудовище лежало на другом уроде и сосало его кровь. Я подошел как можно ближе (место представления было оцеплено веревкой) и увидел под разорванной одеждой жертвы грубое подобие обнаженных костей, крови и разодранных жил. Насосавшись вдоволь, людоед лег и заснул. Пришел какой-то толстяк с женой, начали изъяслять знаки сожаления, принялись плясать вокруг мертвеца и убийцы, которого, видимо, побаивались и ничем не тронули. Потом женщина также заснула. Людоед проснулся и при виде трупа почувствовал угрызения совести, в отчаянии бросился на труп и расточал ему всевозможные ласки. Однако же жажда крови начинала в нем снова пробуждаться, он забегал вокруг спящей женщины, скрежетал своими поддельными зубами, потирал желудок и готовился к новой закуске, выражая свой неутолимый голод сладострастной дрожью и громким, диким смехом. Он уже вонзил свои ногти в грудь жертвы и наклонил окровавленную пасть, как вдруг с дворцового балкона раздался крик: это был знак прекратить представление. В то же мгновение балкон задернули огромным занавесом и потушили лампы. Актеры вдруг остановились и также потушили свои факелы. Слоны медленно удалились, толпа разошлась, и я отправился в своем паланкине домой по пустым улицам Мизора, раздумывая об однообразной и скучной жизни семейства раджи в этих низких, удушливых покоях, при этих варварских развлечениях, доставляемых грубым язычеством. Мне пришло в голову, что на языческой Руси князья вели такую же жизнь, как индийские раджи. Улицы были мрачны и пусты; мне взгрустнулось.

В Мизоре опять окружила меня роскошная растительность, по которой я вздыхал в горах, поросших только зеленым дубняком и рододендронами; рододендроны здесь огромные деревья, осыпанные превосходными пунцовыми цветами. Но ты не любишь ботаники.

*Кананор [Кананнур] на Малабарском берегу,
10 сентября*

Из Мизора я отправился по бамбуковому лесу, но слонов не видел ни одного,

По живописной дороге я отправился до Тиличери [Телличерри] на Малабарском берегу. Тиличери — деревушка, состоящая из хижин и палаток, обитаемых полуобнаженными туземцами; женщины здесь очень красивы. Теперь я в Кананоре, который похож на Тиличери, но с той только разницею, что в нем стоит много солдат. Отсюда я отправляюсь в Маркару [Меркара], недавно покоренную англичанами³⁷ и малоизведенную, так что я ничего не могу сказать о ней, кроме того, что она лежит на моем пути. Я очень плохо распорядился насчет переписки и не имею решительно никакого известия из Европы; со времени моего выезда из Лондона я получил от тебя только одно письмо, посланное из Парижа. Впрочем, в последнее время я принял свои меры, и, ежели есть на мое имя письма в Бомбее или Калькутте, я получу их дней через 12 в Бангалоре [Бенгалуру], в который думаю приехать дней через 8, взглянув мельком на Маркару и Серингапатам [Шрирангапатианамм].

[Ему же]

*С борта купеческого корабля «Серингапатам»,
между Мадрасом и Калькуттой, 9 октября*

После 4 или 5 дней плавания на прекрасном купеческом корабле прибыли в страшную жару к одному из многочисленных устьев Ганга, называемому Хугли. В середине устья находится Тигровый остров, необитаемый и покрытый густым лесом. Капитан рассказал мне, что один из его товарищей имел неосторожность бросить якорь невдалеке от этого острова и что тигры, подплыв ночью к кораблю, похитили нескольких матросов.

По обоим берегам тянутся Бенгальские равнины, одетые яркою зеленью лесов. Лодки Бенгалии пристают к нашему кораблю со съестными припасами, калькуттскими журналами и афишами. Все пассажиры с жадностью бросаются на печатные листки, горя нетерпением прочесть новости из Китая и узнать цену продающихся в Калькутте экипажей, лошадей, индиго, опиума и т. д. Наводят зрительные трубы на суда, вступающие в реку или выходящие из реки, на поверхности которой зыблются по временам человеческие трупы. Здесь существует обычай сжигать покойников или бросать их в Ганг.

Мы плывем мимо пагоды, стоящей уединенно в лесу.

и до половины разрушенной. Однако же в этой пагоде празднуется ежегодно торжество, привлекающее целые тысячи народа, так что около храма мгновенно возникает обширный стан. Мне рассказывали, что существовал некогда обычай приносить в этот праздник человеческие жертвы и что даже матери бросали иногда своих детей в воду. Но с тех пор как англичане укоренились в этой стране, английская полиция не дремлет и хватает этих детоубийц, с которыми поступают как с убийцами вообще или как с теми, которые возводят на костер женщин. Во всей остальной Индии, не принадлежащей англичанам, варварский обычай сжигания существует в полной силе. Многие полагают, что вдовы восходят на костер под влиянием опиума, которым поддерживается их слабеющее мужество. Но я, со своей стороны, допускаю это средство как исключение; мне не хочется уменьшать достоинства этих несчастных жертв.

Мы приближались к Калькутте и перебрались на пароход. На берегах рисуются загородные домики англичан, выстроенные в итальянском вкусе. От устья реки до Калькутты не более 100 миль, и этот переезд совершается в 2, 3, а иногда и в 4 дня, потому что нужно посылать за пароходом, и притом по ночам плавания не бывает. Вчера вечером случилось происшествие. К нашему пароходу прицеплена была маленькая бенгальская лодочка, в которой сидели 4 индийца, употребляемые нами для рассылок. Вдруг при сильном повороте парохода лодка опрокинулась. Трое из индийцев уцепились за обшивку парохода, но четвертый был унесен быстрым течением реки. Впрочем, он плавал как утка, и ему угрожала единственная опасность попасть в зубы акулы или крокодила. Спущенная шлюпка поспешила на помощь несчастным.

Мы бросили якорь перед Калькуттой. С первого взгляда город похож на Петербург: река, широкая, как Нева, ряды европейских зданий с большими промежутками, низменная местность и целый лес мачт. *Ma che colora, che sudata* [«Но какая жара, какая духота»].

Наконец я в Калькутте, в гостинице «Спенс». Тотчас же по приезде я послал к банкиру Бэгшау и К^о осведомиться о письмах. Ты помнишь, что я просил тебя адресовать свои письма в Бомбей на имя Лекки и К^о, а им поручил переслать в Калькутту к Бэгшау и К^о; но до сих пор нет еще ни одного письма. Вот уже несколько месяцев, как я обратился с подобными же просьбами к

Е[лизавете Салтыковой] и к моему управляющему, а все ничего... Не понимаю, что это значит?

[Ему же]

Калькутта, 12 октября 1841 года

Я получил твои письма из Бадена. Несколько дружеских слов оживили меня: благодарю тебя!

Ты мне пишешь, что выслал мне собственных твоих денег 10 тысяч франков, да мой управляющий выслал еще какую-то сумму; но дело в том, что я ровно ничего не получал: на все мои настоятельные требования, убеждения и просьбы из России ни ответа, ни привета. У меня остается всего-навсего 3 тысячи франков; а жизнь в Калькутте так дорога, что трудно поверить.

Я, слава богу, здоров, только страдаю от невыносимой жары. Иногда, во время прогулок, просто из сил выбьешься.

Был я здесь в английском театре; давали драму и комедию. Актеры очень хороши, зала красива, удовлетворительно освещена и постоянно освежается огромными опахалами, прикрепленными к потолку.

Каждый вечер здесь бывает гулянье по берегам реки, на протяжении целой мили. Это оживленное гулянье напоминает гулянье 1 мая в С.-Петербурге, только здесь вовсе не ходят пешком. Прогулка длится не более часа, во время солнечного заката. Каждый раз играет музыка; вчера играли Норму, «*Nira Norma*», и очень-очень изрядно.

Город красив: ряды дворцов, разделенных большими лужайками, которые обнесены чугунными решетками или каменными перилами. Деревьев мало: они мешали бы свободному движению воздуха.

Губернаторский дворец похож на Зимний дворец в С.-Петербурге, но, разумеется, вчетверо меньше. Остальные здания выстроены в итальянском вкусе, с колончатыми галереями и террасами. Чистота царствует повсюду.

Гостиница «Спенс», в которой я поместился, обширна и величественна с виду. Перед окнами, по лужайке и по террасам прогуливаются огромные птицы, называемые философами. Я прежде никогда не видывал этих философов: пречудные!

Вчера я был на званом обеде у губернатора. За столом сидели недолго. После обеда все общество поспешило выйти на крыльцо; к крыльцу в беспорядке подкатило несколько десятков экипажей, в которые гости разместились как попало и отправились в театр. В вечернем сумраке, при погребальном свете факелов скороходов резко выступали из темноты красные мундиры, шитые золотом, и султаны губернаторских адъютантов; дамские уборы мерцали фантастическим блеском.

Аристократический квартал находится на городском выезде. Оставляя за собой величавые дворцы этого квартала и углубляясь во внутренность города, въезжаешь в узкие, оживленные улицы, по которым снуют толпы туземцев, длинноволосых и полуобнаженных, но не менее смуглых, чем в Мадрасе.

Здесь готовятся к большому индийскому празднеству, которое продлится 2 дня; шумные толпы индийцев будут бросать в воду идолов³⁸.

Р. С. Я получил приглашение на обед к одной очень миленькой даме, с которой познакомился у лорда Окленда. Ее дом один из лучших в Калькутте. Убранство комнат доведено до самой изящной простоты: здешняя мода не допускает излишних украшений. Главная цель — прохлада, и всякая утварь, без которой можно обойтись, служит только препятствием свободному обращению воздуха. Поэтому покои калькуттских дворцов кажутся пустыми.

[Ему же]

Калькутта, 15 октября 1841 года

Хотелось бы мне описать тебе поподробнее столицу Индии, да жара [стойт] невыносимая: местность низменная, влажная, воздух удушливый... Просто не хочется ни за что приниматься. Все англичане, исключая геркулесов и крепких голов, встают в 5 часов утра на рассвете, когда по небу тянутся еще розовые полосы, а отдаленные леса подернуты сизоватым туманом, и отправляются на берега реки, кто в кабриолете, кто в коляске, кто верхом, но легкой рысцой. Всякое излишнее движение здесь губительно, и после 6 часов солнце печет так жарко, что сердце замирает. Обитатели Калькутты спешат укрыться в дома, и *панкха* («опахала») приводятся в движение.

В 5 часов вечера начинают показываться красивые экипажи на Корсо и на берегах Ганга; из экипажей выглядывают бледные, истомленные лица. Англичане по образу жизни находятся под постоянным страхом смерти; туземцы, не употребляющие ни мяса, ни вина,—другое дело. Обыкновенная их пища состоит из рису, саго, овощей, плодов, молока и пшеничных лепешек. Пьют они единственно рисовую и кокосовую воду. Белая чалма защищает от солнца знатных индийцев, а простой народ обходится и без чалмы; впрочем, эта способность выносить жар не дается привычкой, а лежит в самой природе туземцев, потому что дети англичан, рожденные в Индии, не могут переносить здешнего жара и посылаются своими родителями в Англию более для подкрепления здоровья, чем для образования. Словом, индийское солнце действует на европейцев губительно.

Вчера я нанял лодку, чтобы ехать осматривать лучший в мире ботанический сад. Садясь в лодку, я почувствовал неприятный запах, разлитый в свежем вечернем воздухе, осмотрелся и увидел на волнах труп индийца, который колотился головой о корму. Вообще по реке плавают много трупов, и к ним как-то привыкаешь.

В Калькутте проживают дети Типу Султана. Сегодня утром, случайно остановившись перед занимаемым ими домом, я попросил позволения их видеть, но меня просили прийти в другой раз, потому что их можно навещать только в указанные часы.

Я объезжаю город и окрестности в наемной карете с 4 индийцами: кучером, лакеями и двумя скороходами, которые то бегут перед каретой и остерегают прохожих, то, с моего позволения, карабкаются для минутного отдыха на запятки. Эти же скороходы употребляются для рассылок и ходят за лошадьми.

Калькуттские туземцы довольно образованны. Один из них прислал мне письменное приглашение на *ночи* ³⁹, или индийские пляски, которыми он желает угостить своих знакомых и которые продлятся 3 дня.

Сегодня утром я познакомился с превосходно образованным индийцем: он занимается торговлей и один из первых здешних богачей. Со временем он собирается вместе с одним англичанином объехать Европу и начать с Неаполя, чтобы постепенно привыкнуть к европейскому климату. Этот индеец называется Дварканат Тагор ⁴⁰, а англичанин — М. Паркер, славный малый, впрочем женатый человек. Об этих господах ты услышишь.

О чем же еще написать тебе? Кажется, не о чем. Теперь меня к себе манит Бенарес [Варанаси], очаровательный Бснарес, но надо взять терпения и подождать. Прощай.

Шакалы воют всю ночь на улицах Калькутты: это немножко странно. Я слушаю их из моей гостиницы, которая находится в самом аристократическом квартале, бок о бок с губернаторским дворцом, с другими великолепными зданиями и магазинами мод. Есть, впрочем, что-то обаятельное в печальных завываниях этих четвероногих сов, называемых шакалами: прислушиваясь к жалобному вою, можно вообразить себя в одной из самых диких пустынь. Вольней⁴¹, описывая в своих «Развалинах» какое-то уединенное место, говорит несколько слов о шакалах... Помнишь, как эти строки поразили нашего брата Владимира? С тех пор мое воображение окружило шакалов какой-то таинственностью.

22 октября

Я надоел тебе моими просьбами о деньгах; но два часа [назад] я получил письмо от Гармана с векселем в 9600 рупий, который ему передан Штиглицем. Я посетил г-на Петье, приехавшего сюда для торговых оборотов. Это очень порядочный и любезный человек. В Шандернагоре [Чандранагар]⁴² господствует совершенная свобода обхождения, весьма противоположная английской чопорности. Это маленький город, имеющий в окружности, если я не ошибаюсь, 6 или 7 миль, довольно многолюдный и веселый. В нем до 40 тысяч туземных жителей, французских подданных. Вскоре начнутся здесь празднества, о которых я говорил. Богатые индийцы приглашают европейцев на *ночи* — пляски баядерок.

В Шандернагоре я 2 раза присутствовал на этих плясках. Посреди хорошо освещенной залы находилось возвышение, обнесенное перилами, на котором расположились плясуньи, музыканты, хозяева, почетные гости, любопытствующие европейцы; за перилами стояла толпа народа, потому что на эти праздники допускаются все желающие, что очень похвально. Эта толпа состоит из нагих людей бронзового цвета. У всех у них спокойные и приветливые лица, правильные и благородные черты. В конце зала стоял истукан богини Дурги, в честь которой давался праздник. Эта богиня огромного размера, выточена из дерева, украшена золотом и серебром и

расписана яркими красками. Газовая, разноцветная одежда баядерок своеобразна. Одна из танцовщиц очень важничала перед своими подругами. Во время отдыха она в гордом положении курила из посеребренной *хукки*. Ее панталоны из розового газа, плотно прилегающие книзу в виде юбки, были обшиты сзади тонкими галунами, по 3 на каждой ноге. Музыкант был красивый молодой человек, в узкой кисейной одежде; на голове у него была накинута легкая шапочка, из-под которой выбивались длинные густые пряди волос. Что касается женщин, все они были маленького роста, щедры и все с маленькими черными зубами.

27 октября

Мне сказывали, что все письма уже розданы, а ко мне нет как нет. Я не буду ждать следующей почты; она приходит через месяц, а я с первым пакетботом отправлюсь в Бенарес. К несчастью, этот переезд будет продолжаться дней 20, потому что ехать придется против течения. Впрочем, каюты удобны, притом можно будет каждый день выходить на берег.

По возвращении из Шандернагора в Калькутту я был на нескольких *нотчах* (*notchs*), или собраниях у богатых индийцев. Обширные дворы превращены были с великим искусством в комнаты с помощью устроенных над ними навесов с люстрами и разостланных на земле ковров. Почти все танцовщицы безобразны; одна только была мало-мальски сносна, да, пожалуй, и про нее нельзя было сказать этого, потому что она чересчур мала.

На этих собраниях я познакомился со многими раджами; все они стараются перенять английские привычки, и оттого некоторые из них надели какое-то несуществующее, уродливое платье и на гуляньях сами правят кабриолетом. Но между ними был один молодой человек в живописной туземной одежде, который как бы наперекор другим старался выставить себя истым индийцем, хотя все его родные братья приняли европейские обычаи. Между тем этот раджа, Кришна Бахадур, очень чисто говорит по-английски; ему 20 лет; он очень недурен собой, строен и носит длинные волосы. На нем было газовое платье в старом персидском вкусе и легкие матерчатые шальвары, чрезвычайно широкие внизу и такие длинные, что закрывали ноги, волочились по полу и даже немного мешали ходить.

Нотчи продолжались 3 ночи, после чего уже занялись идолами, в честь которых давались уже самые праздники; в каждом доме по этому поводу были сделаны огромные деревянные истуканы. Тут была богиня Дурга — розовая десятирукая женщина; слева находилась другая богиня — белая, соответствующая, по словам образованных индийцев, Минерве⁴³, еще богиня — небесного цвета *, желтый бог со слоновьей головой и какой-то темно-зеленый человек с усами и бакенбардами (бакенбарды в Индии существуют издревле), чрезвычайно злой с виду и, вероятно, за это пожираемый баснословно рогатым львом; он лежит на земле; богиня Дурга пронзает его окровавленную грудь посеребренным копьем, а лев терзает его брюхо⁴⁴. Все это было окружено огромным полукругом различных низших богов индийского Олимпа.

В четвертый вечер все эти истуканы, в сопровождении многочисленной толпы, при ужасной разладице труб и цимбал, были отнесены к Гангу и брошены в воду. Я смотрел на это зрелище из кареты. Между народом пронесся верхом какой-то молодой человек с мосичьим лицом, одетый в узкий парчовый редингот, в вышитой золотом бархатной шапочке. Мой человек, сидевший на козлах, магометанин, быстро обернулся ко мне и сказал, что это внук Типу Султана, только не лучший, потому что их несколько братьев. Спустя несколько минут он показал мне на коляску, в которой сидели 3 человека в белых восточных одеждах, и сказал, что один из них хороший внук Типу Султана, вероятно тот, который давал денег больше других. «Он говорит по-английски», — продолжал мой турок и в то же время спрыгнул с козел и подошел к коляске принцев с той фамильярностью, которая, несмотря на рабство, существует на Востоке между всеми сословиями. Возвратясь, он сказал мне, что Тепу (так произносил он его имя) желает меня видеть и просит придвинуть мою карету к его. Я с ним познакомился. Он был в азиатском наряде, но с длинными волосами. Отец этих принцев не смог перенести заключения и застрелился в Калькутте вскоре после смерти Типу Султана. Сперва он жил в Вслоре, откуда, после [гибели] тамошнего английского гарнизона⁴⁵, был переведен в Калькутту. Кажется, теперь его дети ездят куда хотят,

* Все эти божества представлены почти голыми, и различные колеры обозначают цвет кожи.

потому что одного из них, помнится, я видел в Лондоне. После этого Тепу, с которым я познакомился, приходил ко мне и навязывал мне в спутники какого-то разорившегося магометанского вельможу, но я, разумеется, вежливо отказал ему в этом.

[Ему же]

Калькутта, 7 ноября 1841

После этого Тепу, с которым я познакомился, приходил хочется писать к тебе каждый день. Нынче утром пришло известие о 10 тысячах франков, которые ты послал ко мне; я надеюсь получить их не далее как через 5 или 6 дней, потому что после этого я отправляюсь в Бенарес, на пароходе готово для меня место, но я не могу уехать, не сделав распоряжения насчет могущих прийти на мое имя писем.

Я провел несколько часов в загородном доме Дварканат Тагора, согласившегося быть моим поверенным. Перед обедом, для возбуждения аппетита, мы прогуливались на слонах по саду. После обеда орган проиграл что-то из Мейербера и Доницетти; но шакалы так громко выли возле дома, что музыку нельзя было расслышать. Вой шакала похож на крик испуганного ребенка. Хозяин дома был очень смущен этим не вовремя раздавшимся концертом, не понимая, сколько странной поэзии заключалось в этом для меня, европейца.

9 ноября

Через 4 дня я отправляюсь в Бенарес, если только пароход двинется, как назначено. Я послал свои вещи вперед с другим пакетботом, потому что на этом мало места; впрочем, он довольно удобен. Собственно, это не пароход, а большая барка со светлыми каютами, прицепленная к пакетботу. Переезд будет продолжаться 18 или 19 дней *.

В Калькутте я часто прогуливаюсь по берегам Ганга, весьма оживленным на протяжении нескольких миль. Всегда тут увидишь толпу купающихся индийцев. На днях я набрел на какого-то бледного молодого человека, истомленного болезнью, худого, как скелет; он лежал возле воды на песке, а около него сидел печальный его

* Мы ехали 23 дня.

друг. Недалеко от них я встретил брамина средних лет со строгим лицом, который только что тщательно расписал себе красками лицо, плечи и грудь и смотрелся самодовольно в маленькое зеркало, сидя на деревянном балконе. На другой площадке, более обширной, устланной листьями и завешанной циновками, сидело целое общество браминов; один из них, чрезвычайно толстый, мылся. Далее встречались факиры с испачканными мелом лицами, с взъерошенными волосами. Какой-то несчастный, полумертвый старик велел вынести себя в паланкине, думая, вероятно, освежиться воздухом, но мутный взор и чрезвычайная худоба тела ясно показывали приближение смерти. Молодой человек, сильный и ловкий, выйдя из воды, расчесывал свои густые волосы и сушил свое бронзовое тело на последних лучах заходящего солнца. В усыпальницу несли покойника; на крыше усыпальницы сидела необозримая стая корморанов⁴⁶; коршуны и другие птицы кружились в воздухе или ходили вокруг этого печального строения. Целая толпа браминов, тонких и гибких, живописно окутанных в розовую, зеленую или белую кисею, сходила к реке для вечернего омовения. Дальше жгли на кострах трупы; смрад от сжигаемых тел далеко разносился воздухом по этому берегу, оживленному такими разнообразными видами.

Вчера я снова увидел больного молодого человека; он сидел и с виду был гораздо здоровее. Это меня очень удивило, потому что в прошлый раз он лежал без движения, словно мертвый. Я подал ему рупию, он был этим очень доволен. Друга, а может быть и брата, с ним больше не было, он исполнил свой долг, удовлетворил влечение сердца и возвратился к своей обыденной жизни. Брамин, приходивший купаться со своей обезьяной, шел домой, неся с гордостью на плече животное. Оба они были расписаны белой краской. Изредка проезжает карета времен царя Гороха, битком набитая раджами, молодыми и стариками, большими и малыми. В них сейчас можно узнать тех неизвестных властителей, которые гнездятся в грязных улицах Калькутты. Одни из них голые, с непокрытыми головами и растрепанными волосами; другие в каких-то полинялых газовых или парчовых одеждах и в театральных чалмах с перьями. Голые или покрытые лохмотьями слуги цепляются за допотопную рессорную карету; иные бегут возле.

Здесь есть один француз Г. Риш, сделавший путешествие в Бенарес на барке и на возвратном пути претерпе-

вший крушение на Ганге не знаю от чего — от оплошности ли лодочников или от недостатка в веревках, которыми тянут барку в иных местах. Он лишился своих рисунков, журнала и всего, что имел с собой. Но я боюсь, чтобы этот прозрачный листок не надоед тебе.

13 ноября

Возле усыпальницы стоит другой дом, с двором, обращенным на реку; там сжигают покойников. Нынче утром я пошел туда. Меня обдало кухонным запахом: горели два костра. Я ничего не мог разобрать в этой груде головешек, хотя мой черный лакей, закрывая себе нос, показывал мне там и сям человеческие кости. Я же, повторяю, ничего не мог различить и потому, уступая настояниям моего лакея, магометанина, не почел нужным оставаться долее и вышел из этого гнусного места. Недалеке сидела целая ватага индусских костерщиков, которые что-то мне сказали, вероятно насмешку; но я ее не понял, не зная ни одного из тысячи их языков и наречий. С тех пор как я в Индии, мне привелось слышать уже до десятка разных наречий: на Цейлоне — сингальское, в Мадрасе — тамильское и телегу, в южных центральных провинциях — канарийское, на Малабарском берегу — малаяламское [малайяльское], в Калькутте — бенгальское и индустанское.

Мой пароход отложил день своего отправления до 18-го числа; с одной стороны, это неприятно, а с другой — хорошо: воздух начинаст свежеть. Утром, в 6 или 7 часов, бывает в тени до 16° по Реомюру, днем до 22°. Индийцы, укутанные в свои легкие одеяния, зябнут по утрам и греют свои руки над кострами; а между тем все они, мужчины и женщины, продолжают купаться утром и вечером. Этот религиозный обряд соблюдается весьма строго. Я велел перестать качать повешенные в моей комнате опахала.

Однажды я обедал один в своей комнате, а в соседней обедали Франциск и Федор, которым, по азиатскому обычаю, шли кушанья с моего стола. Туземный мальчик, касты дженту⁴⁷, двигал надо мной опахало. Я приказал мальчику отнести одно блюдо моим слугам, но он, к величайшему моему изумлению, отказался и при этом улыбнулся очень насмешливо. Я было выгнал его из комнаты, но после вспомнил, что бедняк принадлежал к касте дженту и что говядина для него то же, что для нас

человеческое мясо. Ему было страшно даже присутствовать при нашем обеде.

Кстати, вот тебе история о брамине и ростбифе. К одному англичанину ходил брамин, человек очень умный. Первым удовольствием англичанина было опровергать положения браминской касты. Индеец охотно вступал в религиозный спор и бывал очень умерен в своих речах. Однажды он пришел к англичанину в обеденное время. Англичанину вздумалось приложить теорию к практике и попытаться обратить брамина на путь истинный. Взявши брамина под руку, он ему сказал:

— Пора вам, любезный, покончить с этими глупостями: вы слишком умны, чтобы им верить, и при мне можете снять маску.

Говоря это, англичанин вел брамина в столовую:

— Не угодно ли вам кусочка два говядины?

С последними словами англичанин подвел брамина к горячему ростбифу. Увидя мясо, брамин вздрогнул; взгляд его помутился, он не мог произнести ни слова и упал без чувств.

С тех пор его уже не видели в европейском обществе.

[Ему же]

*Между Калькуттой и Бенаресом, на Ганге,
3 декабря 1841 года*

Я 15 дней нахожусь на барке, прицепленной к пароходу, а Бенарес еще далеко. Дней в 10 доплывем.

Мы носились в продолжение нескольких дней по узким речкам, составляющим дельту Ганга, лавируя между необитаемыми, болотистыми островками, поросшими непроходимой трущобой леса и кустарника. Каждую ночь мы вынуждены были бросать якорь в этом безлюдье, опасаясь мелей, которые очень часты на Ганге. Сопровождавшие нас молодые офицеры в одну из таких ночных стоянок вздумали снять шлюпку и прогуляться вдоль берега. Один из них попробовал пустить ружейный выстрел в чащу; на выстрел откликнулась стая шакалов, но заунывный голос их был заглушен продолжительным ревом, похожим на отдаленные, подземные раскаты грома. Это был рев тигра, который заставил неосторожных поспешно возвратиться.

При первом красноватом свете утренней зари мы снова снимались, и, когда встающее солнце разгоняло сы-

рой, но теплый туман злокачественной атмосферы, мы могли видеть жильцов этой пустыни — крокодилов, лежащих на берегу и металлическим блеском своей кожи и неподвижностью подобных отлитым из меди; они как будто сторожат свою землю, обращая к воде раскрытую пасть, скрывая туловище под густой сенью тропической растительности. Каждое из этих животных было от 15 до 20 футов длины. В одного из них выстрелили с парохода мелкой дробью: раненый спрыгнул и скрылся в воду.

Таким образом прошло около недели, покуда мы наконец повстречали первую бенгальскую лодку дровосеков и по берегу, сквозь кокосовые рощи, стали виднеться поселения: легкие и красивые хижины, построенные из бамбука и покрытые пальмовыми циновками. Этот вид оживлялся образами женщин в простой, но красивой драпировке и мужчин, пасмурно взглядывающих на пришельцев из-под косматой своей прически. Старцы и дети отдыхали или резвились на прибрежном песку. Иногда я ходил с офицерами в лес стрелять попугаев. Через 8 дней мы въехали в большой Ганг, реку от 10 до 12 верст в ширину, с песчаными берегами. До сих пор рукава Ганга были до того узки, что ветки деревьев врывались в окна моей каюты и нестерпимо шелестели по доскам; одно из деревьев, наклонившихся над водой, сломало нашу мачту.

По мере движения к северу температура свежее. Вот уже 6 или 7 дней стоит почти холодная погода, которой мы рады как нельзя более. Обед у нас очень изрядный, вина тоже. Общество состоит большей частью из молодых офицеров, которые занимаются стрельбой по птицам и любят, как бедняжки падают в воду. Кроме этого едет с нами сборщик податей Ост-Индской компании, человек лет 50, который очень любит служить обедню. При начале поездки он разослал по всем каютам циркуляр, в котором было объявлено, что каждое утро после завтрака он будет читать в общей зале молитвы и приглашает господ пассажиров присутствовать при чтении. В самом деле, он читает молитвы каждое утро, но из числа пассажиров при этом чтении бывают немногие, остальные слушают молитвы только по воскресеньям, и тогда бывает полная обедня. Одна из пассажиров поет в своей каюте духовные песни, состоящие из трех или четырех аккордов, и постоянно одни и те же. Говорят, что она миссионерка. Считаю излишним исчислять прочих пассажиров; упомяну только о капитане По-

пе, который вывел меня однажды из затруднительного положения, предложив мне свои услуги самым радушным образом.

[Ему же]

Бенарес, 17 декабря 1841 года

Я уже два дня в Бенаресе, обманувшем мои ожидания: город гораздо меньше, нежели я думал, и не носит на себе того отпечатка древности и таинственности, который придало ему мое воображение. Он представляется компактной массой трехэтажных домов, конических храмов, факиров, священных быков и т. д. Слоны купаются в прудах, попугаи порхают по улицам. Нынешним утром я нанял для Франциска и Федора слона, на котором они отправились прогуливаться по городу. Досадно, что я не могу присутствовать при различных уличных сценах, потому что я живу в 4 милях от города, в доме английского судьи. В самом городе можно найти квартиру не иначе, как наняв целый дом. Поутру я осмотрел древний буддийский храм, громаду, сложенную из тесаных камней и кирпича, без окон и дверей; не понимаю назначения этого храма ⁴⁸.

От тебя и из России писем все нет. Послезавтра я отправляюсь налегке в Лукнов [Лакхнау] с Франциском, а Федор пойдет с вооруженным индийским слугой прямо в Агру, куда я прибуду в одно время с ними. Затем меня ожидают Дели и Лудиана [Лудхиана], граница английских владений, где я узнаю, поеду ли далее или нет; вероятнее нет, потому что там идет страшная резня и целые полки англичан гибнут, как мухи ⁴⁹. Не бойся, я, со своей стороны, постараюсь избежать всякой опасности, уеду в Симлу на Гималаи и пробуду там все лето до сентября. Оттуда отправлюсь по Инду на пароходе * к Кураччи [Карачи] (устью Инда), а потом в Бомбей и, вероятно, в Бушир, Шираз и Испаган [Исфахан], а там посмотрим. Кажется, впрочем, что из Испаган я поста-

* Я обманулся в своих предположениях: вместо парохода мне досталась в удел рыбацья лодка, да и то еще я делаю ей снисхождение, называя рыбацьею: в Инде рыбакам нечего ловить, кроме крокодилов. Я бы и сам не прочь поудить рыбу, но вместо рыбы на моей барке бегали целыми тысячами крысы. Так-то провел я целый месяц, и притом был в постоянном страхе.

раюсь как можно поскорее отправиться в Европу, к тебе, мой друг. Во всех этих переездах пройдет до полутора лет.

*Княгине [Елизавете Салтыковой]*⁵⁰,

Бенарес, 18 декабря 1841 года

Я объездил Бенарес по всем направлениям, но не видел ничего поэтического и величественного. Сегодня утром я остановился перед четырехугольным прудом, окаймленным гранитными ступенчатыми спусками; в воду глядится маленькая пагода, выстроенная из затейливо высеченных камней, выкрашенная под темный кирпич и отененная ветвистыми бананами. На берегу пруда сидели больной мальчик и хромой брамин; при моем приближении они стали завывать, как шакалы, и на их вой посыпались со всех сторон, со сводов храма, с башни, с вершины деревьев и из крытых ходов, окружающих пруд, разнородные и разношерстные обезьяны. Некоторые из обезьян тащили своих птенцов на руках или на спине. Вся эта обезьянья толпа совершенно запрудила улицу, и притом так неожиданно, как будто бы выросли из-под земли по манию волшебника. Брамин бросил им пригоршню зерен, за которые я заплатил; поднялась такая возня, что я насилу унес ноги.

Эта пагода посвящена богу Хануману, который во время оно был воинственной обезьяной и служил в войсках аудского короля по имени Рама. Для этого-то Рамы Хануман покорил остров Цейлон⁵¹, этот очаровательный остров, этот изумруд, лелеемый тихими водами Индийского океана, эту чудную землю, где красавицы сингалки бродят в тени рододендронов и олеандров, этот заколдованный лес, где под навесом пальмовых листьев слоны топчут благовонные кустарники ананасов, кофейного дерева и коричных лавров. Вот такой остров покорила знаменитая обезьяна Хануман для своего доброго короля Рамы*.

Перелагая эту поэтическую историю в прозу, можно вынести следующее: могущественный аудский повелитель покорил большую часть Южной Индии, тогда еще дикой

* Помнишь, я писал тебе, что Траванкорский раджа хотел подарить мне рисунок, на котором изображено взятие Цейлона обезьяной Рамы, предводительствующей целым войском обезьян⁵².

и необработанной, населенной племенами, которых последние остатки бродят по лесам Ориссы, Гондваны⁵³ и т. д. Образованные подданные Рамы называли эти племена обезьянами, потому что они жили посреди лесов в первобытном состоянии; с помощью этих дикарей Рама покорил Цейлон, а вождем диких союзников был обезьяна — Хануман!

Ходя по узким улицам Бенареса, думаешь, что видишь сон. Перед глазами пестреют точеные, наподобие шахматных башен, пагоды, в которых толкуются расписанные различными красками брамины и факиры, белые, горбатые телята с цветочными венками на рогах, полуобнаженные женщины в поручнях⁵⁴ и кольцах, орошающие водой бесчисленное множество маленьких идолов и цилиндрических камней. Порой проносятся чужеземные всадники на выкрашенных хной и индиго конях, с надежными через плечо луком и стрелами без колчана за спиною, словно мифологические боги. Посреди этой подвижной и живой толпы двигается иногда тяжелый слон в своей странной сбруе, с трудом и грохотом пробирающийся между теснящих друг друга храмов, домов, балконов и лавок, которых навесы, поддерживаемые шатками бамбуковыми подставками, нередко опрокидываются неловким прохожим. Изредка мелькает и исчезает за одним из поворотов улицы легкий дромадер⁵⁵, покрытый ярким чепраком желтого, красного или зеленого цвета.

Недавно мне пришлось в голову прогуляться по городу на слоне. Три часа провел я в этой прогулке, объезжая улицы, переулки и базары; впереди меня сидел корнак (по-индийски — *магут*⁵⁶), сзади слуга с зонтиком: и спокойно, и весело! Можно заглядывать в окна вторых этажей, видеть внутренности комнат и раскланиваться со знакомыми. Кажется, что чудовищное животное давит своими ногами тысячи женщин и детей, но, к счастью, это только обман воображения: ни дети, ни женщины не обращают никакого внимания на великана, который очень учтив, осмотрителен и боится обеспокоить чем-нибудь прохожих. Не один ловкий всадник в чалме из золотого или серебряного газа, в кашемировой шали, накинутой на плечо, на бешеном коне, с целой ватагой рабов, вооруженных саблями и пиками, с длинными посеребренными палками и *хукка*⁵⁷ в руках, не один такой всадник должен был давать мне дорогу, потому что лошади боятся слонов. Но я, со своей стороны, принужден был избегать верблюдов и обращаться к их хозяевам с учти-

выми просьбами пощадить меня. Вы понимаете, в чем дело? Слон питает врожденный страх к верблюдам, и мой наделал бы много отчаянных и гибельных для меня прыжков, если бы сидевшие на верблюдах всадники не съезжали при моем приближении в сторону. Станные индийские кабриолеты, единственные в своем роде, также сторонились. Кроме этого я встречал по временам таинственные экипажи, закрытые сверху донизу наметом из красных или испещренных цветами тканей, запряженные парой быков, то белых с позолоченными рогами, то окрашенных красной и зеленой краской, то испещренных хной с головы до копыт. В этих колесницах, окруженных толпою вооруженных людей, ездят женщины. Порой попадались ручные леопарды, украшенные подбитыми ватой чепраками и водимые по улицам на сворах или привязанные у дворцов раджей. Стены этих дворцов, выстроенных в мавританском вкусе и похожих на венецианские палацы, покрыты иногда изображениями фантастических птиц, плясок баядерок и раджей, сидящих на своих тронах. На некоторых домах, низеньких и обитаемых, вероятно, изуверными браминами, нарисованы самыми яркими красками боги индийской мифологии.

Кн. С. 58

19 декабря

Я писал тебе, что живу у бенаресского судьи М. Линдсея. Он был так добр, что распорядился всеми приготовлениями к дальнейшему моему путешествию. Его дом отстоит от города очень далеко, мили на 4, поместителен и превосходно убран. Как все англичане, Линдсей большой любитель лошадей и экипажей. Я видел у него презамечательную вещь: ледяную фабрику. Сотни бедных туземцев, женщин, детей и стариков, получают плату за следующее занятие: по ночам, в ветреную погоду, они обязаны оставлять тысячи плоских блюдец, наполненных водой, на земле, под открытым небом. Зимой в этих блюдечках образуется тонкая ледяная кора, которую бережно снимают перед восходом солнца, укладывают между рядами соломы в глубокие ямы и таким образом делают запас льда на все нескончаемое лето. Эта ледяная фабрика приносит двойную пользу: освежает напитки бенаресских богачей и дает кусок хлеба мно-

жеству бедняков. Бенаресский судья получает от Компании 2500 фунтов стерлингов ежегодного жалованья.

Сегодня я отправляюсь в Лукнов, столицу Аудского королевства⁵⁹; Федор с моими пожитками едет в телеге, запряженной парой быков, прямо в Агру, а меня и Франциска понесут в паланкинах в Лукнов, куда я думаю прибыть дней в 5 или 6. Носятся слухи, что в Лукнове вспыхнуло возмущение, при котором было зарезано 400 английских солдат и несколько офицеров. Ежели эта новость окажется справедливой, меня отсюда не пустят или дадут конвой*. Все это очень неприятно и грозит задержкой.

К довершению несчастья мне пришла в голову мысль, которая не дает мне теперь покоя. У меня есть несколько рисунков, сделанных в Индии: мне вздумалось налитографировать их в Калькутте, у художника, близко знакомого с Индией и, стало быть, имеющего возможность не только перевести мои рисунки на камень, но даже исправить в них некоторые промахи. Да вот беда, как переслать рисунки? Притом, дойдут ли они в целости, поймет ли рисовщик и литограф, куда доставить мне оттиснутые экземпляры, и, наконец, где я их получу, в Дели или где-нибудь в другом месте? Везти рисунки в Европу так, как они есть, жалко: оттиски будут превосходные, но потеряют местный колорит. Не знаю, право, что делать! Решусь на что-нибудь в Агре.

Нынешним утром я еще раз проскал по Бенаресу на слоне: мне нравится эта прогулка, в которой встречаешь столько разнообразных видов и целые толпы людей, так резко отличающихся своей наружностью и одеждою ото всех остальных обитателей земного шара.

Лукнов (правильнее Лэкну), 24 декабря

Я приехал вчера в полночь. Оставив за собою английские владения за 40 миль отсюда, я перебрался через Ганг по плававшему мосту и вступил в песчаную степь, по которой не проложено никаких дорог. Несмотря на это, я быстро подвигался вперед; носильщики усердно исполняли свои обязанности, а через 10 миль к нам присоединились 2 всадника лукновской королевской полиции, которым было приказано охранять меня от *тхагов*⁶⁰, или душителей, индийской секты, наводняющей королевст-

* Слухи не подтвердились.

во *. Живописные конвойные всадники менялись через каждые десять миль. Почва с каждым шагом становилась все менее сухой, но на небо надвигался сумрак, и я приехал в столицу в глухую полночь. Не знаю, где остановиться, я приказал нести себя к дому, в котором обыкновенно нанимают носильщиков; этот дом — нечто вроде почтового двора. Там мне не было места, и я приказал спустить паланкины наземь, съел несколько сардинок и кусок хлеба, выпил стакан вина и заснул в паланкине с намерением отправиться рано поутру с визитом к здешнему резиденту ⁶¹.

В 4 часа утра, задолго до рассвета, меня разбудил английский медик М. Лоджин, находящийся при резидентстве. Он извинился передо мной, говоря, что о моем прибытии не были уведомлены, и просил меня от лица резидента пожаловать к нему в дом, где мне уже приготовлена была комната с постелью и завтраком. Я вышел из паланкина и в сопровождении доктора, любезного молодого человека, отправился по темным и пустым улицам к дому резидентства, где мне была отведена спокойная и просторная комната.

С восходом солнца я вышел на террасу или бельведер, и под моими ногами раскинулась чудная панорама Лукнова, с мечетями, великолепными дворцами и окрестностями, оттененными таинственным сумраком лесов. Но пальм здесь немного: они разбросаны там и сям, как в Италии. Утром прохладно, а днем палящее солнце жжет своими отвесными лучами. Резидент, полковник Лоу, не замедлил прийти ко мне в комнату в утреннем костюме и в шалевой шапочке на голове. Он превосходно говорит по-французски, что меня крайне удивило, потому что французский язык в Индии не в ходу. Вообще Лоу больше похож на любезного француза, чем на англичанина. С первых слов он предложил мне прогуляться по городу на слоне, присовокупив, что у него по утрам всегда стоит наготове слон, которым он никогда не пользуется. Он крикнул в окно, и в ту же минуту вышел из сада четвероногий великан, навьюченный серебряным позолоченным балдахин, унизанным поддельными алмазами, изумрудами и рубинами, которые отливала радугой на утреннем солнце. Алые, шитые золотом чепраки и белые кашемирские шали были навешены на

* Я слышал от заслуживающих доверия особ, что тхаги не нападают на европейцев, зато туземцев истребляют в бесчисленном множестве.

спину животного, на которое я должен был вскарабкаться по лестнице. Позади меня, в нарочно устроенное для него место, уселся слугитель, закутанный кашемирской шалью, и мы двинулись, предводимые всадниками регулярного войска, которые постоянно стоят наготове близ решетки сада, для сопровождения знатных особ.

Мы въезжали в широкую и многолюдную улицу. Перед нами со всех сторон раскинулись великолепные здания в мавританском вкусе и бесчисленное множество минаретов. Наше внимание тотчас же было привлечено разнообразными группами проезжающих: щеголеватые всадники в парче и кашемире красовались на прекрасных конях; другие значительные лица двигались в откидных паланкинах, несомые толпой слугителей, и курили *гургури* ⁶², маленький кальян без эластичного чубука; наездники на богато убранных верблюдах и целые общества, поместившиеся на слонах под красивыми балдахинами в самых ярких одеждах, сталкивались и разговаривали друг с другом. Разительную противоположность с нарядными жителями Лукнова составляют дикие афганцы, которые продирались сквозь толпу, покачиваясь на своих огромных верблюдах. В конце этой широкой и длинной улицы открывались монументальные ворота, за которыми высились тонкие башни минаретов и позолоченные купола, представлявшие великолепное зрелище, оживленное разноцветными волнами народа.

Подъезжая к этим воротам, я узнал, что они служат входом в каменную ограду, которую престарелый король Лукнова избрал местом своего погребения. Въехав в ограду, я был изумлен открывшимся передо мной очаровательным зрелищем: множество зданий выстроенных в мавританском вкусе, [фонтаны и клетки] с самыми редкими, самыми красивыми птицами бросились мне в глаза. Одно или два из этих зданий еще не были отделаны; в них должны собираться обитатели Лукнова по праздничным дням.

Я вошел в самое большое здание, где посреди главной залы покоится мать нынешнего короля; над [надгробием] высится маленькая мечеть или, правильнее, модель мечети из позолоченного серебра. Король желает быть погребенным подле праха своей матери. Внутренность этого красивого здания состоит из четырех или пяти обширных покоев со смело выведенными сводами; каждый покой отделяется колонками и арками и напол-

ней всем, что только мог придумать король изящного и великолепного. Сотни люстр из разноцветного граненого хрусталя спускаются со сводов; на мраморном полу стоят серебряные, вызолоченные подсвечники и такие же налои, покрытые искусной резьбой и назначенные для чтения молитв мусульманскими муллами: лукновские короли исповедуют магометанскую веру и принадлежат к секте Али⁶³.

Кроме этого достойны замечания: два тигра естественной величины, отлитые в Сиаме из зеленого стекла, серебряный конь, которого держат под уздцы; серебряная гурия; оружие, вложенное в пирамиду; богато убранная деревянная лошадь в естественную величину, снимок с любимого королевского коня и статуя конюха, тоже деревянная и выкрашенная. И лошадь, и конюх деланы англичанами в Калькутте. Все эти предметы роскоши в дни Мухаррама⁶⁴ освещаются бесчисленными огнями; покои оглашаются пением птиц и наводняются веселым народом. В саду, перед главным входом, поставлены ширмы, на которых изображены любимые слуги короля. Один из этих портретов был снят с моего проводника, почтенного старца, который улыбался, показывая нам на свое изображение.

Ограда окружена шумным базаром, конюшнями слонов и носорогов, пойманных в здешних лесах, вместе с огромными тиграми, медведями, запертыми в больших железных клетках, которые помещены под просторным навесом. Тут же находится большой пруд с каменными лестницами и уродливыми изваяниями; на пруду плавает лодка с колесами, устроенная в виде огромной рыбы. Не правда ли, все это похоже на сон?

Я осмотрел также дворец во время отсутствия короля. Один из тронов (их много) стоит 220 тысяч фунтов стерлингов: это отлитый из золота помост, осыпанный бриллиантами. Король очень богат: его ежегодный доход простирается до полутора миллионов фунтов стерлингов. Мне говорили, что англичане могли бы довести доходы до четырех миллионов, если бы овладели лукновским королевством.

В городе до 500 тысяч жителей. Здешний базар — нескончаемая улица, залитая народом, но я не видал на этом базаре ничего достопримечательного. Хочется рисовать, но с чего начнешь в этом мире чудес, которых я не видал и половины?

Сегодня утром я посетил королевский сад, засаженный розами, жасминами, померанцами и кипарисами, потому что здешняя растительность уже вовсе не тропическая, а скорее сицилийская. В саду множество беседок, выстроенных в мавританском вкусе из белого мрамора, и прекрасных купален. Король привозит иногда в эту волшебную обитель всех кашемирских гурий гарема и дает им праздники. Смотритель сада, сановная особа, жаловался нам на дев гарема, которые, с каждым нашептом своим на цветники, уничтожают все, топчут и рвут цветы, портят аллеи и пачкают беседки. После них каждый раз нужно все восстанавливать заново. Из сада мы отправились в стойла единорогов, устроенные в парке, где воздвигнут также мавзолей над прахом любимого королевского слона. Там видели мы дюжину этих безобразных животных, прикованных на цепях под огромным навесом. Я не имел еще времени осмотреть слоновий парк, имеющий в себе до 400 слонов, принадлежащих собственно королю. У английского резидента Лукнова их около 12, и, кроме того, у каждого знатного горожанина по целому десятку.

В то время как я пишу тебе о своих похождениях, дикие попугаи преспокойно сидят на моих окнах, потому что в индийских городах, где властвуют англичане, попугаев никто не бьет. У Франциска есть попугай в клетке, которого он купил в Канди, на острове Цейлоне; Франциск обожает этого попугая и возит его с собой в паланкине. Когда клетка висит на моей террасе, дикие попугаи беспрестанно садятся на нее, словно ведут переговоры со своим пленным сотоварищем.

Осмотрев носорогов, мы посетили гробницу одного из владетелей Лукнова — великолепный мраморный зал, где три мусульманских муллы читали Коран. При нашем входе (я был с английским резидентом и моим немцем, который по желанию Г. Лоу следует за нами повсюду на слоне) муллы прекратили свое чтение, обернулись к нам и сняли очки. Резидент попросил их не беспокоиться: они опять надели очки на нос и принялись бормотать молитвы. Погуляв по залу, мы раскланялись с добрыми муллами и вышли. Эта гробница посреди огромного двора окружена училищами персидского языка, что заставляет предполагать в покойнике любовь к наукам.

Затем мы посетили обсерваторию английского астронома, находящегося при дворе здешнего короля.

Лукнов, 29 декабря 1841 года

Лукновскому королю 65 лет; говорят, что он очень хил и не может даже ходить; поэтому я и не решился беспокоить его своим представлением.

Вчера поутру, во время прогулки, я слез со слона и хотел сделать [набросок] одного лукновца, который сдержал своего верблюда и с любопытством глядел на меня, как вдруг по улице раздался топот и из-за угла показалась стража с обнаженными саблями, разгонявшая народ. Я велел отвести моего слона в сторону. Мимо меня бежали скороходы, но в торопливости не забывали кланяться. Некоторые из них были вооружены серебряными жезлами, другие несли красные знамена с серебряными украшениями на древках. Целый лес пик, сабель, ружей, стрел и щитов неся вдоль улицы. За ним следовали четыре всадника, вроде драгун, ехавших рысью на дромадерах; за ними толпа великолепных наездников, закутанных в кашемирские шали. Это был поезд наследного принца, которого несли в открытом паланкине. На вид ему казалось около 45 лет. Черты лица его некрасивы и грубы. Проезжая мимо, он велел спросить, кто я? Не зная индустанского языка, я бы затруднился в ответе; но корняк мой не замедлил дать им объяснение, которым удовлетворились посланные. Жители Индии, от самого мыса Коморина до здешних мест, не понимают о существовании других европейских народов, кроме англичан, и слово «русский» принимают, вероятно, за название какой-нибудь английской секты. Европа и Англия для них одно и то же. Далее к северу я встретил, однако ж, людей, имеющих смутное понятие о России.

За паланкином наследника престола торопились вдогон неуклюжим шагом три слона: первый нес роскошный балдахин; на втором ехало трое слуг, а третий был навьючен одной лестницей, по которой следовало лезть на первого. Но тем не заключился еще поезд: за этими тремя животными скакал отряд шутовских гусар с маленькими значками и римскими касками. Это пародия Европы в древней, первобытной Азии была очень смешна. Впрочем, у лукновского короля есть еще другие солдаты: целый полк на верблюдах, напоминающий цирковых волтижеров; наездники в фуражках, с кирасирскими палашами.

Лукнов — красивый город; все здания сложены из кирпича, оштукатурены и большей частью выкрашены белой краской, иногда красной или зеленой; комнаты некоторых домов выложены мрамором. Я слышал, что в Агре и Дели здания выстроены по этому же образцу, но несравненно больше, величественнее, и сам материал ценнее. Но и Агра, и Дели, принадлежащие англичанам, какие-то мертвенные города, а Лукнов оживляется присутствием великолепного двора.

Сегодня я видел королевский зверинец: дюжины две тигров и леопардов, до того смирных, что надсмотрщики ласкают их и играют с ними, как с собаками.

В одной из королевских гробниц я видел древние знамена, над которыми возвышаются, чеканные по серебру и по железу, странные фигуры или колоссальные кисти рук. Тут же хранится чалма покойного короля или наваба; серебряные тигры естественной величины и отличной работы стоят по обеим сторонам саркофага, покрытого парчой и шальями; на покрове лежат черный щит и сабля. Странно, что индийская роскошь не распространяется на оружие: до сих пор я не встречал еще ни одного порядочного лука. И здесь видел я серебряных коней, аршина в полтора, которых держат под уздцы крылатые гурии и бахадуры, мифологические богатыри Востока. Стекольчатые шкафы, задернутые золотой кисеей, наполнены редкостями, но мы лишили себя удовольствия видеть их, не желая употребить во зло снисходительности, которая вынуждает очищать и освящать храмы, оскверненные посещением неверных. [...]

Мне пора уезжать из Лукнова, хотя мои радушные хозяева и стараются удержать меня всеми силами. Мне сказали, что в день Нового года (дня через 3) наследник престола приедет, с большой пышностью, на завтрак к резиденту и потом пригласит резидента к себе. В таком случае я могу присоединиться к свите.

[Ему же]

21 января 1842 года

Я исписал целые тома, а все еще хочется писать к тебе. Был я в Агре и видел великолепную гробницу знаменитой королевы Дели Нур-Магаль⁶⁵. Этот мавзолей единственный в целом мире по своей красоте, чисто

мавританского стиля, сложен из мрамора ослепительной белизны, украшен снаружи чудной сквозной резьбой, а внутри выложен неподражаемой мозаикой из драгоценных камней. Он называется Тадж. Его легкие купола, полувоздушные минареты и мраморные решетки, тонкие, как кружева, уносятся в небо, посреди обширного сада, где в купах кипарисовых и померанцевых деревьев искрятся [фонтаны].

В Агре много других великолепных зданий; все сложено из мрамора и красного камня, похожего на яшму. Город, населенный 100 тысячами жителей, кажется пустым сравнительно с Лукновом, столицей независимого владетеля и местопребыванием его двора.

Здоровье мое что-то плохо: подкрепляюсь кое-как каломелем, ипекакуаной⁶⁶ и касторовым маслом. Мне нездоровится, вероятно, потому, что очень холодно, а дней через 8 настанет страшная жара. Покамест надеваю свой калмыцкий тулуп.

После Агры был я в Бортпоре [Бхаратпуре] — резиденции независимого короля, находящегося, впрочем, под опекой англичан. У этого короля до дюжины различных имен; он очень молод и очень толст; ходит в парчовых одеждах.

Теперь я в Диге, в садах Великих Моголов. Несмотря на неровную почву, аллеи выведены правильно, как рельсы железных дорог; порой они скатываются глубоко вниз, порой поднимаются в уровень с вершинами обрамляющих их раскидистых деревьев: можно рвать плоды и хватать руками попугаев. Но к этим садам должно отнести слова, сказанные о садах Ленотра⁶⁷, и назвать их произведениями зодчества. Здесь все камень и камень: почва устлана каменными плитами, берега прудов окаймлены каменными стенками, украшенными сквозной резьбой. Я не говорю уже о киосках, этих чудных зданиях, в которых и стены, и крыша выведены из камня, отесанного в тонкие, как доски, плиты, с окнами, завешенными мраморным кружевом, с мраморными балконами, повешенными на воздухе так легко и смело, что, кажется, одна только пера может опереться на них своей воздушной ножкой.

Отправив это письмо, я сам отправляюсь в Дели: пора. Впрочем, нужно бы было завернуть в индийский город Маттру [Матхура] и в английский — Мирут [Мератх].

Прощай, друг мой: отправляюсь спать под легкими

мавританскими сводами. Ветерок еще довольно свеж, но холода уже кончились; плодоносные деревья покрыты весенними цветами.

[Ему же]

Дели, 9 февраля 1842

Слава богу, сегодня утром я получил твое письмо, посланное 28 октября из Парижа: стало быть оно было в дороге менее трех месяцев и пришло бы еще скорее, если бы почта шла не на Калькутту. Не воображай, что я здесь ничего не делаю: я рисую. Из России я не получал писем с тех пор, как нахожусь в Индии, т. е. почти год. Писал я к нашим консулам в Александрию, Мальту и Марсель, писал к лондонскому банкиру Гарману и просил уведомить, не задержаны ли на почте за неплатеж денег письма, адресованные на мое или твое имя, и в таком случае переслать их в Бомбей с прописанием следующей к уплате суммы.

Расходов в Дели бездна. Преимущественно торгуют оружием: щитам, панцирям и палашам, которые известны в Лондоне под именем *executioner's sword* [«меч палача»], несть числа. Хотя я и не знал наверное, в живых ли ты, но купил на всякий случай несколько оружия, имеющего свое достоинство и ценность.

Купил я тебе два железных щита, железный лук, какой-то странный, полное вооружение с кольчужными накожниками и перчатками, секиру, прямой меч, кинжал с кривой рукояткой и еще кинжал, всего на 750 рупий. Купил я также несколько рисунков, довольно замечательных; хорошие рисунки так дороги, что я отказался от покупки. Представь себе: на другой день моего прибытия сюда я видел сверток рисунков, совершенно похожий на тот, который мы видели в Париже, и, что еще страннее, с меня просили ту же самую цену — 200 рупий; до сих пор, в течение 12 дней, спустили только до 100. На этом свертке изображен торжественный поезд Великого Могола, и очень плохо! Не могу никак торговать третий щит: он поменьше остальных, зато гораздо красивее. Кстати, о Великом Моголе... Да нет, лучше, как говорится, начать с начала.

Меня принесли в Дели ночью; я поместился в домике, назначенном для путешественников, недалеко от города, столицы Могола. Здесь я нашел моего Федора, который

прибыл сюда с тяжелой поклажей раньше меня, потому что не делал никаких изворотов и шел прямым путем.

Сгорая от нетерпения, я ходил в темноте, по пыльной и песчаной земле, окружавшей мой домик, и с первым лучом дня украдкой проскользнул через городские ворота в обширные и еще пустые улицы метрополии Индустана. Я взбежал по широкой лестнице первой попавшейся мне мечети, которая оказалась первой мечетью Дели и, может быть, лучшей в целом мире, и за полрूपии, сунутой муэzzину, взобрался на самую вершину минарета. Оттуда я увидал весь город, дворец Могола, обнесенный красными стенами, кучу домов с итальянскими террасами, взгроможденных один на другой, развалины гробниц и укреплений, разбросанные в дикой пустыне. Дым и туман покрывали всю эту панораму; солнце только что всходило; ветер был свежий.

Я сошел с минарета и обежал многолюдные базары и длинные улицы, но и базары, и улицы далеко не были оживлены той роскошью, которую я видел в Лукнове. Возвратясь в мой приют, я нашел у себя купцов с различными товарами, красивую карету, двух скороходов, двух всадников на дромадерах; скороходы вручили мне письменные приглашения английского резидента, сэра Томаса Меткафа⁶⁸, который вежливо просил меня перебраться к нему в дом со всем моим обозом. Я, разумеется, не промедлил ни одной минуты. Сэр Т. Меткаф живет далеко за городом, в доме скромной наружности, но с большими и удобными покоями; кругом дома слышатся завывания волков и шакалов. При моем приезде резидент встретил меня на крыльце, повел в столовую, где мы застали за завтраком его жену* и еще двух дам. Усадив меня на место, резидент уселся сам и принялся курить свою хукку. Он проживает в Дели 28 лет и прошел здесь все гражданское свое поприще, быв постепенно судьей, начальником полиции и т. д. Теперь он резидент при дворе Великого Могола и управляющий провинцией, в которой до миллиона жителей и за управление которой он получает от Ост-Индской компании 100 тысяч франков ежегодно. Он водил меня осматривать сады и дворцовые покои, не занимаемые Моголом, находящиеся в полуразрушенном состоянии. Я уже писал к тебе, что дворец обнесен крепостью⁶⁹, крепость охраняется англичанами. В крепост-

* Эта милая дама через год умерла, став жертвой индийского климата.

ной ограде Могол признается англичанами неограниченным властелином, исключая уголовные случаи, в которые Компания вмешивается с разрешения самого короля. Таким образом, в недавнее время по ее настояниям был повешен один из племянников, имевший жестокость закопать свою жену живой в землю.

Итак, я осмотрел залы, сады, покои и дворы, на которых некогда, во времена Аурангзеба⁷⁰ и Тавернье⁷¹, совершались пышные торжества; теперь на этих дворах попадалось мне не более 5—6 человек стражи, вооруженных серебряными или посеребренными палками и какими-то странными секирами: оконечности раздвоенного лезвия закрываются бархатными ножнами. Впрочем, здесь существует обычай при торжественных выездах и церемониях не вынимать оружия из ножен.

Дворцы украшены мраморными столбиками, сводами и решетками, позолотой и агатовыми врезками. Посреди не огромного четырехугольного двора высится мраморная галерея с помостом из резного мрамора; над помостом устроен навес. Я вошел в эту галерею, забрался на этот помост, похожий на кафедру, и узнал, что он служит местом, на которое в торжественных случаях ставится трон Могола.

В стенах находятся тысячи врезок; одна из них, превосходно сохранившаяся, изображает полубога греческой мифологии, вероятно Орфея, играющего на флейте и окруженного дикими зверями. (Я снял с этого изображения рисунок.) Кроме этого в стены вставлены несколько резных изображений птиц и плодов, неизвестных в Индии, например вишен. Тут же я осмотрел богато позолоченный трон, прекрасной поделки в мавританском вкусе, и киоск, в котором король судит своих подданных.

Над троном, на белой мраморной стене, находится выпуклое изображение весов. Впрочем, мне говорили, что на Востоке не имеют никакого понятия об этом символе правосудия. Вообще стенные врезки служат доказательством, что делийские дворцы построены итальянцами, и, вероятно, во времена Аурангзеба и его отца Шах Джахана, который соорудил в Агре очаровательный надгробный памятник своей жене. В этом памятнике, где находится прах самого соорудителя, стенные врезки сделаны в чисто итальянском вкусе, и, конечно, нет ничего несообразного допустить существование европейских зодчих⁷² там, где были французские медики, например Бернье⁷³. На другой день резидент сообщил

мне переданное ему сведение, что Могол долго говорил обо мне, справлялся о моем звании и, наконец, изъявил желание меня видеть. Резидент присовокупил к этому, что, ежели я пожелаю, он имеет случай доставить мне аудиенцию; но так как на аудиенцию нужно идти, во-первых, босиком, а во-вторых, с пригоршнями золота, я отказываюсь.

Вот тебе несколько исторических сведений. Когда персидский шах Надир двинулся на Дели⁷⁴, увлеченный рассказами о его богатстве, Великий Могол пошел ему навстречу, но его войско было разбито персиянами. Надир-шах вошел в город победителем, и его солдаты принялись за грабеж. Один из индийцев, оскорбленный победителями, не смог сдержать своего бешенства и убил персиянина из свиты шаха... Тогда Надир приказал вырезать всех обитателей Дели и зажечь город... Мне показывали площадку одной мечети, называемой золотой, с которой шах смотрел на ужасное зрелище; 100 тысяч трупов завалили городские улицы и заразили воздух. Совершив этот подвиг, Надир отправился восвояси, обремененный богатою добычей. Несколько лет спустя маратхский раджа⁷⁵ навел на Дели толпы дикарей и снова ограбил город, начинавший поправляться⁷⁶. Этот раджа схватил бедного Великого Могола шаха Алама, который пытался было защищаться, приказал выколоть ему глаза в бане и держать его там взаперти все время, пока грабил дворец. (Баню мне эту показывали)... В это время подоспели англичане, прогнали маратхов и посадили несчастного Могола на престол. Этот Могол, если не ошибаюсь, был дедом нынешнего властителя, который ежегодно получает от Компании до 4 миллионов франков. Как ни значительна эта сумма, но она недостаточна для Великого Могола, который обязан содержать за свой счет множество родственников, и потому-то все они помещены как ни попало, в каких-то амбарах, и очень бедны.

Ездил я за 11 миль отсюда осматривать колонну, называемую Кутуб-Минар [Кутб-Минар]⁷⁷. Полагаю, что эта колонна — высочайшая в целом мире. Она тщательно высечена из красного камня и частью покрыта выпуклыми магометанскими надписями, но ее вид и колоссальные размеры указывают ясно, что она — произведение индийского зодчества. Сняв с нее рисунок, я взобрался на самый верх, и взор мой потонул в бесконечных пустынях, усеянных величественными гробницами и развалинами древних укреплений.

Настали холода. У меня комната с камином, который я топлю, и сверх того палатка, в которой я сижу, когда солнце очень печет. Ко мне приносят остатки тех редкостей, которые еще можно встретить в Дели, после тех грабежей, которые он претерпел, пока англичане не восстановили там порядка и спокойствия.

Хозяин мой развел кругом своего дома обширный парк, прорезанный широкими дорогами. В этом парке на каждом шагу встретишь шакалов, которые здесь до того смелы, что вечером ходят за мной по пятам, а иногда останавливаются и смотрят мне прямо в лицо. В парке убили даже двух гиен и несколько волков, но это было до меня. Теперь по перелескам переносятся огромные стаи павлинов и попугаев, и поэтому в парке, к крайнему прискорбию английских офицеров, запрещено стрелять. Хозяин запретил стрельбу поделом: стреляя по шакалам, зайцам, куропаткам и фазанам, охотники непременно разогнали бы и павлинов, а хозяин их очень любит. На попугаев жаловалась мне госпожа Меткаф, говоря, что они поднимают страшную возню и шум в ее прекрасной [клетке для птиц], которой обнесен весь дом. Обширный и удобный дом выходит на Джамну, которая огибает выступ скалы. Недавно я видел охоту шакала за зайцем: шакал гнал так усердно, что, верно, бедный заяц попался ему на зубки.

Позабыл я сообщить тебе несколько сведений о тхагах, которых я видел в лукновской тюрьме. Их там до 100, и все они в цепях. Ты знаешь, что эта секта проповедует учение, которое поставляет первою обязанностью убивать как можно более людей — для усмирения гнева богини Кали, богини зла и смерти. Индусы усердно поклоняются этой богине и изображают ее окруженной всеми смертными ужасами. (У меня есть рисунок, снятый с истукана Кали.) Эта секта, в течение тысячелетий остававшаяся неизвестной и недавно открытая англичанами, делится на три разряда: последователи первого — душат; последователи второго — поражают кинжалом в голову и бросают свои жертвы в наскоро вырытые ямы или колодцы; последователи третьей — отравляют хуккой и в случае надобности докалывают копьем. Виденные мною тхаги по большей части были душители.

Одно из этих чудовищ задушило на своем веку более 600 несчастливцев и, сидя в тюрьме, с похвальбой сознавалось в этих безобразных подвигах. Несмотря на это, наружность его, по крепкому складу тела, по опрятности

одежды, по степенной и даже важной осанке, имела в себе что-то внушающее уважение. Ему было около 60 лет. Жена и дети, не покидая его, окружали заботливостью и ласками. Недавно умер в тюрьме его товарищ, также почтенный старец, который славился кабалистическим числом 999 погубленных им душ. У меня есть его портрет, превосходно снятый одним туземцем.

Правосудие, не отмщая этим злодеям, удовлетворяется одним заточением и употребляет их на открытие других соучастников, к чему, со своей стороны, они не делают никаких затруднений, требуя только казни преступников по их обряду и испрашивая позволение иметь при себе свои семейства. В этом отношении в первых опытах была сделана ошибка, явившая скоро свои следствия: полагая разительнее устроить тхагов, присудили одному из них отнять торжественно голову, после чего все показания совершенно прекратились, потому что правила секты совершенно не допускают разделения головы с телом. Так как секта душителей очень многочисленна и нельзя было их всех подвергнуть смертной казни, то главные из них были перевешены, а остальные сосланы в Сингапур или Пананг [Пинанг].

Между этими тхагами был один отъявленный мошенник. Он был обвинен и, без всякого сомнения, действительно виновен во многих отравлениях хуккою, хотя он уверял громогласно в своей невинности. Впрочем, и все они ревели: одни — доказывая свою невинность, другие — жалуясь на плохое содержание. Тюремный смотритель, английский офицер, терпеливо выслушивал их; они обращались даже ко мне, хотя я их вовсе не понимал. Когда я от них отделался, смотритель показал мне различные алебастровые раскрашенные изваяния, очень искусно сделанные, представлявшие сцены разнообразных убийств тхагов. Художник, индеец низшего сословия, по приказанию офицера приходил весьма часто в тюрьму и с натуры снимал эти сцены: тхаги с какою-то радостью принимали различные положения, потому что для них это было воспоминанием их вольной жизни. Эти удивительные маленькие группы, расставленные передо мною на столе, были так поразительно верны, что приводили в трепет.

Тхаги признают все средства позволительными для достижения своей цели: обманы, ложная клятва, самые ужасные коварства им нипочем. Они вкрадываются в доверенность путников, вызывают их на дружественные

отношения, охраняют от собратьев своих и, посвящая им себя в продолжение нескольких месяцев, в удобную минуту, в благоприятном, по признакам летящего ворона или воющего шакала, месте приводят давно задуманное намерение в исполнение. В начале открытия секты англичане захватили человек 20 тхагов, которые и были приговорены к виселице. Преступники просили позволения исполнить приговор собственными руками. Им это дозволили: они связали несколько кусков полотна, обвертели им шеи, бросились в разные стороны и задушили себя. Одному удалось вырваться, но он тотчас же был схвачен солдатами и повешен.

Пора одеваться к обеду. Мне рассказывали, что мой хозяин никогда не ходит без оружия и что в его спальне постоянно лежат у изголовья постели заряженный пистолет и кинжал. Эта предосторожность вовсе не лишняя, потому что его предшественник, резидент Фразер, был зарезан одним индийцем, который, по милости Фразера, проиграл тяжebное дело со своим родным братом. Проезжая Дели, я видел могилу этого резидента; она находится на видном месте, при большой дороге.

Утомленный постоянными мечтами о поездке в Лагор и Кашемир, до которых, по рассказам, решительно нет никакого доступа, я списался с г-ном Кларком, английским агентом при Лагорском дворе, прося его доставить мне верные сведения о возможности путешествия, и получил неблагоприятный ответ. Впрочем, я не знаю, на каком основании отсоветована мне эта поездка, и поэтому отправляюсь в Лудиану, чтобы застать там Кларка и выведать от него все обстоятельно.

Во всяком случае, поеду ли, не поеду ли я в Лагор, в начале осени непременно отправлюсь в Бомбей, а оттуда сделаю маленький переезд в Париж. В Париж я присду летом 1843 года и, ежели не застану тебя там, поспешу в Петербург, в Мадрид — словом, где-нибудь да накрою тебя моими щитами, бронями и т. д. Сегодня за обедом у резидента был один итальянец, миланский уроженец, который прожил здесь лет 20 и женился на дочери какого-то раджи. Мы поболтали немножко по-итальянски.

Сегодня я отправил моего Федора с фургоном в Лудиану, а сам с Франциском найму послезавтра паланкин. Кажется, я первый из русских забрел в эту сторону. Видел еще два индийских города: Маттру и Биндрабанд [Вриндабан], похожие на Бенарес.

Я начинаю любить хукку, которую здесь курят с различными сладостями, благовониями и примесью табаку. О Лагоре и Кашемире, кажется, нечего и думать.

[Князю Петру Салтыкову]

Лудиана, 16 февраля 1842

Я приехал в Лудиану нынешней ночью. Здесь нет домов, назначенных для отдыха путешественников*, и я приказал спустить паланкины на песок. Вплоть до утра пробыл я под дождем и грозой; но на рассвете не выдержал и написал г-ну Кларку записку, в которой уведомлял его о своем прибытии и просил какого-нибудь помещения. Кларк был в верстах в двух от города, в английском лагере. (Англичане предпринимают вторичную экспедицию в Афганистан⁷⁸.) По приглашению Кларка я отправился в лагерь и теперь пишу тебе из походной палатки. Дом Кларка в полутора милях от Лудианы; я помещусь там и уже послал передовым Франциска с паланкинами; сам пушусь в дорогу после завтрака.

Кларк человек порядочный, еще не стар, ходит в усах и вообще имеет воинский вид, хотя служит по гражданской части. Он говорил мне, что при настоящих обстоятельствах отправляться в Лагор опасно, что недавно там очень дурно обошлись с германским живописцем Шефтом, но что ему, Кларку, дней через 8 придется туда поехать и он может прихватить меня; я поблагодарил и теперь сижу у моря, жду погоды. В самом деле, приглашение это очень любезно, потому что ставит Кларка в ответственность перед английским правительством, которое не доверяет путешественникам, желающим осматривать пограничные с его владениями земли. Впрочем, это одно предположение, и очень, может быть, ошибочное: Кларк пользуется и полным доверием правительства, и славой одного из лучших дипломатов. Надеюсь, что он не изменит своего намерения и я увижу Лагор, не подвергая себя никакой опасности. На Кашемир нет никакой надежды: тамошний губернатор погиб в недавнем возмущении, и теперь весь Кашемир (провинция Лагорского короля) во власти мятежников и в самом жалком положении⁷⁹.

* Теперь выстроены.

Лудиана — граница индийских владений, примыкающая к Пенджабу или Лагорскому королевству. Местность песчаная; кругом пустыня... Кой-где разбросаны хижины и землянки... Английский лагерь; множество верблюдов; множество слонов... Впрочем, я ничего еще не осмотрел порядком. Идет дождик. Прощай.

[Ему же]

Лудиана, 19 февраля 1842 года

Недавно отправил я к тебе письмо, а уже хочется поболтать с тобой.

Франциск очень доволен, что мы отправляемся в Лагор, но очень сожалеет, что надежда на поездку *nach Kaschemir* [«в Кашмир»] уменьшается с каждым днем. 8 дней назад прибыл сюда молодой английский медик Джэмисон, он же натуралист, геолог и прочее. Отправившись на днях в Кашемир, он взял с собой конвой из 200 солдат лагорского короля, но по дороге на его караван напали 700 неприятельских всадников, убили 6 человек конвойных и отняли все пожитки. Джэмисон обратился в бегство, но за ним долго гнались по следам. К счастью, на пути встретилась крепостца, принадлежащая лагорскому королю, и Джэмисон успел в ней укрыться от погони, да и то с грехом пополам: ему пришлось переодеваться, чтобы не попасться в руки сторожких врагов. Все это рассказывал мне он сам, и его слова подтвердились формальным рапортом об этом происшествии.

Федор приедет с моими пожитками не ближе недели. Со своей стороны, я должен отправиться завтра в лагерь Кларка, который уже двинулся к Лагору. Как скоро Федор приедет, его тотчас же пошлют с конвоем догонять нас; мы, вероятно, уйдем недалеко, потому что с нами артиллерия. Сперва отправимся мы на пенджабский город Омритсар [Амритсар], где чрезвычайный английский посол г-н Кларк будет встречен лагорским двором, а из Омритсара двинемся в самый Лагор.

Лудиана — какое-то захолустье, наполненное кашемирскими выходцами, бежавшими из своей очаровательной долины, которая теперь залита кровью. С первого взгляда на этих бедных кашемирцев можно убедиться, что они принадлежат к еврейскому племени. На улицах видишь толпы народа, грязного донельзя и прикрытого каким-то рубищем вроде холщовой рубашки. Но, впрочем,

вид у этих бедняков прерадушный, и все они усердно занимаются работой: ткут, клеят коробочки и т. п. Кашемирцы до того напоминают собой [евреев], что Лудиана кажется мне нашим Тульчином или Житомиром ⁸⁰.

Сегодня 20 февраля. К вечеру носильщики будут готовы, и я безотлагательно отправлюсь в лагерь Кларка. Очень холодно и ветрено: я в комнате сижу в ватном пальто и в меховой шапке... Вдали поднимаются Гималаи; их очерк похож на вид Кавказских гор с Минеральных Вод.

21 февраля

Я прибыл в лагерь Кларка, раскинутый уже в лагорском королевстве. Вчера, часам к 10 вечера, я заснул, забившись в паланкин. Сикхские носильщики слегка покачивали паланкин, и мне грезилось, что меня несут на огромную отвесную гору, что носильщики по временам спотыкаются и сползают на несколько аршин вниз, но цепляются за землю и поднимаются снова. Далее приснилось мне, что мы взобрались на какую-то возвышенную плоскость, где воздух был чрезвычайно редок (ночь была холодная), и вошли при лунном свете в очаровательный город. Город был пуст... Изредка попадалась конная стража... К моему паланкину подходил содержатель гостиницы, француз... В это мгновение я проснулся. Отворив дверцу паланкина, я высунул голову, и моим глазам представилось странное зрелище: кругом меня, в голой степи, облитой лунным светом, стояли друиды ⁸¹ с пылающими факелами: это были мои новые носильщики-сикхи*.

Я пристально вглядывался в их величественные образы, и они смотрели на меня с удивлением и как будто с отвращением или боязнью; когда я подходил к одному из них, он тотчас же скрывался. Не знаю, почему сикхи не пользуются доброй славой: на взгляд они кажутся очень добродушными. Вероятно, что они никогда не видавали европейца, и чем далее буду я углубляться в Пенджаб, тем сильнее буду на них производить то впечатление, которое бывает в каждом человеке при виде неприятного насекомого. Едва успел я заснуть, вернувшись в мою колыбель, как почувствовал сильный толчок: носильщики уронили меня и поднимали торопливо, боясь выговора; но я никогда не сержусь на такие нечаянно-

* Сикх значит «верный» ⁸².

сти. Однако меня роняли раза три в ночь: неслыханная неловкость между индийскими носильщиками... Солнце поднималось все выше и выше, дорога все более и более оживлялась лошадьми, слонами, сикхскими всадниками, и наконец я прибыл в лагерь. Подле моей палатки раскинут намет ⁸³ главнокомандующего англо-индийской армией, который приехал сюда на смотр полков, идущих в Афганистан.

21 февраля, в лагере

Перечитывая эту болтовню, я заметил, что падения паланкинов могут отбить у тебя охоту посмотреть на Индию. Знай же, что толчок вовсе не велик: может разбудить, если спишь, можно уронить бутылку или стакан — вот и все. Притом же подобное падение случается только в тех странах, где паланкины не в употреблении. Лагор — страна воинов, верблюдов, слонов, лошадей и палаток. Мы разбили лагерь в бесконечной равнине... Становится теплее, и, вероятно, скоро начнется сильная жара. Помещение, отведенное мне Кларком в одной из палаток, очень удобно: и места много, и сквозного ветра нет. Кларк советует по вечерам собирать мои пожитки в кучу и приставлять к моей постели часового, потому что здесь очень много воров. Иные забирались даже и к нему в палатку. В лагере две пушки и порядочный отряд пехоты под командой пяти офицеров, славных ребят. Тут же находится английский гусарский офицер в блестящем мундире, посылаемый главнокомандующим к лагорскому королю Шер Сингху, сыну Ранджит Сингха ⁸⁴. Сам главнокомандующий снялся с места сегодня поутру; за ним последовали его жена, дочери, несколько генералов, адъютантов, офицеров и многочисленный отряд войска с лошадьми, верблюдами и слонами. Все это направляется к Фирозпуру. Теперь лагерь нам кажется пустым... С прибытием в Пенджаб я совершенно успокоился, потому что прежде меня истомили нравственно и физически поездки по английским владениям, тщетные поиски неизвестного и неизвестность относительно дальнейшего путешествия... Ум был в постоянном напряжении. Здесь все спокойно, все первобытно: так и веет древней Азией.

Накануне отъезда главнокомандующего сэр Джаспер Никольс подъехал к моей палатке на слоне и пригласил меня на обед и на вечернюю прогулку. На другом

слоны сидели леди Никольс и ее дочери. Мы объехали некоторые окрестности, потом сели за стол, а после обеда стали собираться партии в вист. При сем зрелище я втихомолку отправился восвояси, но зато на другой день с рассветом вскочил с постели, надел пальто и побежал в генеральскую палатку с намерением проститься с генералом и поблагодарить его за ласку. Я остался при одном намерении: генерал уже уехал. В Индии пускаются в путь спозаранок, а иногда и ночью, потому что с индийским солнцем нельзя шутить, даже зимой. Часам к 10 утра стараются заблаговременно укрыться в какой-нибудь тенистый приют. К счастью, я наткнулся на какого-то отставшего капитана и поручил ему передать главнокомандующему мои извинения и благодарность.

22 февраля

Мы еще день пробудем на месте. Эта проволочка мне по сердцу: Федор успеет подойти с моими пожитками. Пока я благодаря заботам г-на Кларка не нуждаюсь ни в чем. Он распорядился, чтобы у меня были постоянные носильщики, дает мне для ежедневных прогулок, что я захочу: лошадь, слона, верблюда и даже карету; для разнообразия я могу прогуливаться и пешком. Переходы наши будут очень коротки, миль по 10 в день. Послезавтра мы сделаем не более 3 миль, потому что надо будет переправляться через Сатледж, а это очень затруднительно при таком множестве палаток, слонов, верблюдов и экипажей.

У Кларка есть четырехместная карета, на которую он часто садится за кучера. Вчера я ездил на слоне и сидел на нем в хоудахе, местечке, похожем на кабриолет; в хоудахе можно поместиться двум и в случае надобности посадить еще позади слугу. Прогуливаясь в этом хоудахе с гусарским капитаном Кроулем, мы встретили толпу сикхов. У одного из них было в руке копьё с расписным древком, на котором были изображены цветы, женщины и индийские божества. По нашему требованию сикх с довольным видом подал нам копьё и объявил, что оно стоит две рупии; очень дешево: мне послышалось 200 рупий, и я несколько не удивился. Потом мы осмотрели лагерь сикхов, высланных навстречу г-ну Кларку. Красивые и полосатые палатки отделены холщовыми перегородками, которые называются *кнатами* и делают лагерь удобным. Сикхи окружили нас, с любопытством и

внимательно рассматривали наш наряд. В этой толпе [...], вооруженной щитами, фитильными ружьями, саблями и пиками, красовался мальчик, замечательно хорошенький и ловкий. Это был сын сикхского раджи. В ушах у него были продеты серьги с жемчужными и изумрудными подвесками; платье на нем было из тонкой кисеи, протканной золотом, и он с гордым видом поворачивал в руках, украшенных серебряными запястьями, маленькое ружье. Были еще два замечательных лица: старик с белой бородой и в желтой одежде и еще какой-то сикх, весь в красном с головы до ног, с черной как смоль бородою и с бронзовым лицом.

[*Ему же*]

Омритсар [Амритсар], в Пенджабе, 3 марта 1842 года

Слава богу, переписка наша установилась; сегодня утром я получил твои письма от 9-го и 10-го [числа] минувшего декабря и теперь совершенно спокоен: и денег много, и все мои желания исполнились. Только этот Кашемир преследует меня и днем, и ночью. Придумываю и ничего не могу придумать... Все говорят, что поездка в Кашемир невозможна, а причин этой невозможности не объясняют. Решиться — не спросясь броду, сунуться в воду, а потом заплатить за безрассудную смелость поздним раскаянием я не желаю, а между тем плохо верю основательности предостережений... Не знаю, что и делать. Третьего дня мы приехали в Омритсар. (Омритсар по-санскритски значит «Святая вода», потому что в этом городе есть священная купальня. По крайней мере так говорили.)

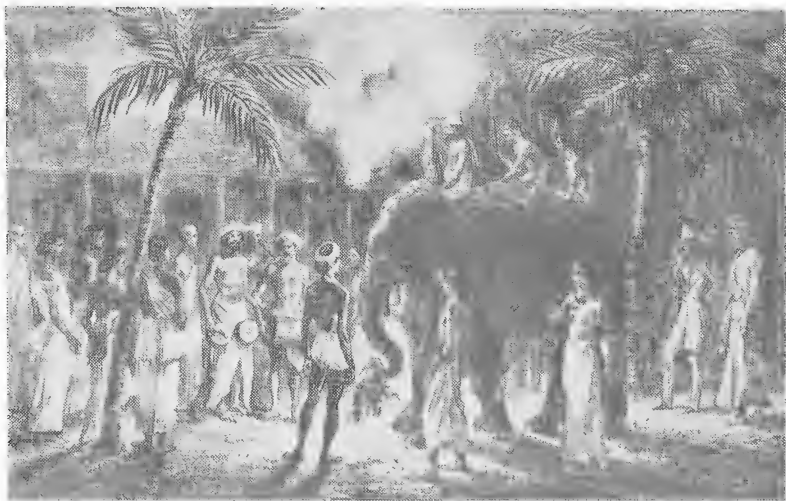
Шер Сингх приехал на встречу с г-ном Кларком, английским посланником. Мы ехали с Кларком на слоне, в сопровождении большой свиты сикхов и англо-индийских войск. Приближаясь к городу, мы заметили издали ряд слонов и целую кучу всадников: это был первый министр Дхиан Сингх со своими приближенными и отрядом войска. Когда вся эта толпа окружила нас, мне показалось, что я перенесен мановением волшебного жезла в седую древность. По зеленой равнине рассыпались тысячи всадников в богатых одеждах и на бешеных конях; они напоминали собой нашествие гуннов, набросанное Рафаэлем на одной из ватиканских фресок, Меж-

1. На дороге между Коломбо и Канди

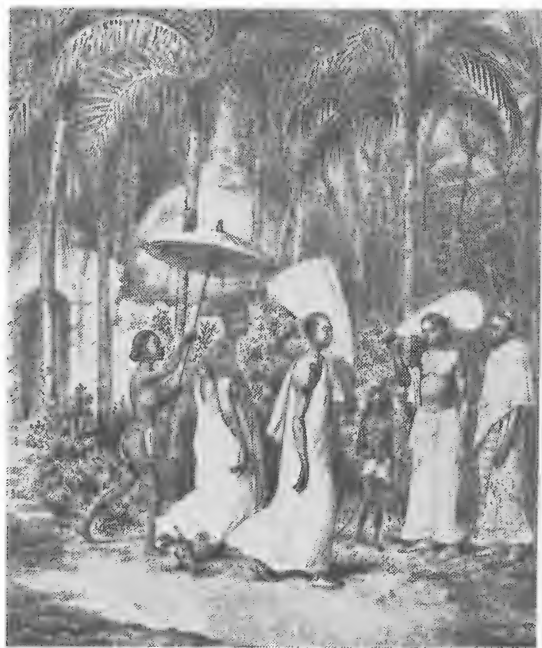
2. Цейлон. Танец катхакали

3. Посещение кандийским князем храма Будды

4. Буддийский сингальский монах

5. Цейлон. Религиозная церемония

6. Деревенская сценка

7. Цейлонская семья

8. Охота на слонов в окрестностях Карнигала

9. Религиозная процессия в Рамешвараме

10. Религиозная процессия в Мадрасе

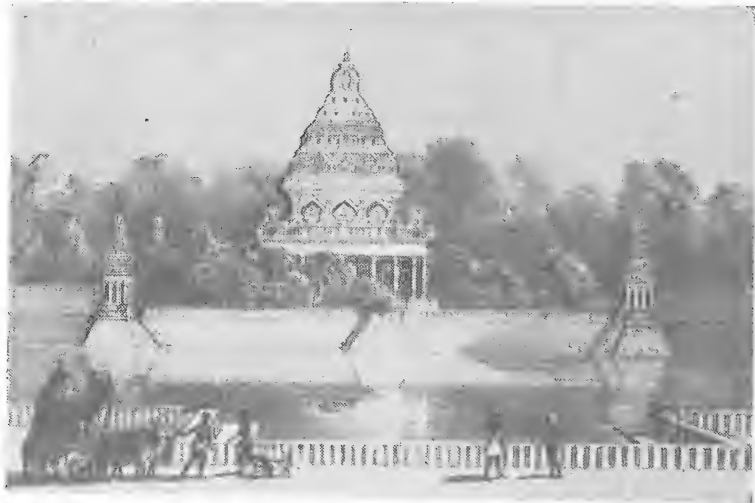

11. Канчипурам — священный город в Карнатике (Тамилнад)

12. Внутри храмового комплекса в Канчипураме

13. Один из храмов в Мадурани

14. Слоны раджи Траванкура

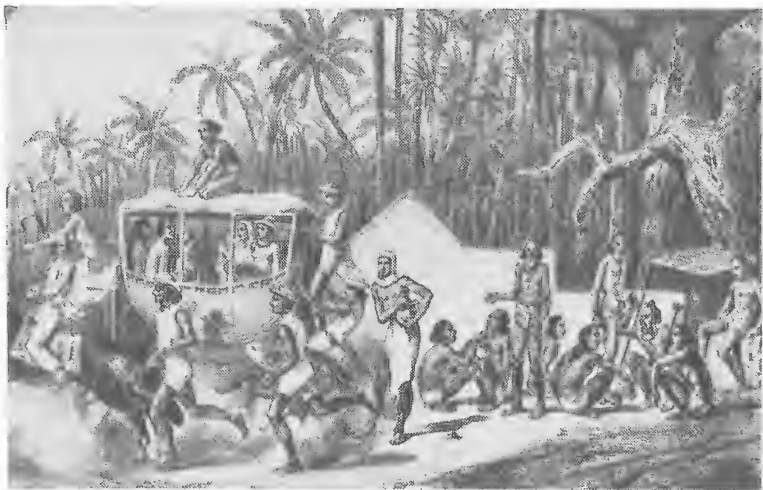

15. Процессия в честь богини Кали

16. На берегу Ганга

17. Дорога близ Калькутты

18. Бенгальская деревня на берегу Ганга

19. Главная улица Лакхнау

20. Двор раджи Гвалиора

21. Оружейная лавка в Дели

22. У бабьяна

23. Путешествие по равнинам Пенджаба

24. Шер Сингх со своей свитой в окрестностях Лахора

25. Шер Сингх возвращается с военного парада

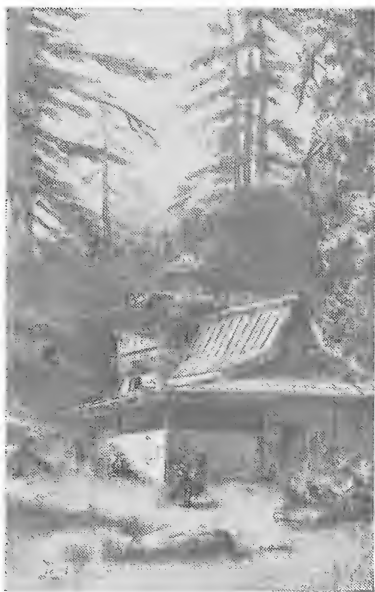
26. В лесу под Симлой

27. Танец горцев в окрестностях Симлы

28. Храм возле Симлы

29. Долина в Гималаях

30. В окрестностях Чини Гонга

31. На берегу Инда

ду ними были и регулярные кирасиры лагорского короля в кирасах и касках, несколько кольчужников, вооруженных луками в шлемах с перьями. Но большая часть всадников была одета в парчу, бархат и шелк, в чалмах и в узких панталонах.[...]

Главные вельможи, все в золоте и в драгоценных камнях, сидели на слонах, покрытых парчовыми чепраками; за каждым из вельмож сидело по одному прислужнику. Прислужники были совершенно нагие или кое-как прикрытые грязными лохмотьями. Между блестящими всадниками тоже было несколько голых человек, на превосходных конях, овьюченных великолепными седлами: это — конюхи вельмож. Некоторые из этих бедняков держались за хвост господских коней, а сами господа, молодые сикхские денди, одетые в парчу и цветную кисею, гордо покачивались на седле, поглаживая раздвоенные и зачесанные к ушам бороды.

Здесь мода — усы поднимать вверх, а бороду расчесывать на две половины, как носит сам король. Представь себе, что в этой толпе нам попадались какие-то чудачки, престранно одетые, в высоких чалмах с перьями, усами и бородой, зачесанными вверх: эти господа осыпали нас проклятиями, ревели во все горло и замахивались на нас саблями. Я узнал, что они были последователями привилегированной секты акали⁸⁵, секты до того многочисленной, что лагорское правительство никак не может подавить ее. Акали никто не смеет тронуть, и поэтому сикхские нарядные всадники давали им дорогу, избегали их встречи и позволяли им оскорблять нас. Эти-то акали изувечили германского живописца Шефта. Позабыл тебе сказать, что первый министр, чуть не опрокинувший нас своим слоном при встрече, приподнялся на своем хоудахе и передал г-ну Кларку огромный мешок с рупиями, обычный подарок, за который англичане постоянно отдаются. Кларк случайно обронил этот мешок, но конвойные тотчас же его подняли и доставили нам в целости и сохранности.

Нам приготовили за городом дом, выстроенный посреди сада, и палатки, подбитые кашемирскими шальями, но очень неудобные, и поэтому Кларк приказал раскинуть на равнине свои палатки, окружил их сикхскими и англо-индийскими солдатами, расставил пушки, и мы теперь в безопасности. Сегодня утром я был на аудиенции короля Шер Сингха. Со смерти Ранджита англичане отправляют еще первое посольство, которому и поручают

чено изъяснить прискорбие о давнишней, впрочем, кончиной жестокого старика и несчастного юноши Нао Нихал Сингха⁸⁶, раздавленного упавшими воротами. Я понимаю возможность этого случая и всякий раз, въезжая на слоне в одни из амритсарских ворот, дрожу за свою жизнь. Каждый городской квартал отделен воротами до того ветхими, что мне кажется, если бы мой слон задел хоть один кирпич, все бы рухнуло. Притом же ворота так низки, что въезжая в них, всегда нужно наклоняться. Вообще архитектура здесь преуродливая. Слон, проходя по узким улицам, трется своими боками о стены домов и задевает парчовым чепраком за шаткие балконы. На балконах часто видишь женщин: они очень грациозны, почтительно кланяются со своих балконов и террас; но трудно разглядеть их хорошенькие личики, потому что у них в ушах, в носу и на голове несметное количество серег, колец и цепей. Здешние женщины закутываются с ног до головы в покрывала с золотой каймой и носят узкие панталоны. Я два раза проезжал на слоне по самым узким базарам; за мной на другом слоне ехал Франциск и скакал целый конвой всадников, которые неслись во весь дух, били и топтали лошадьми всех, кто осмеливался чем-нибудь нас оскорбить.

Но я забываю о короле... Итак, я был ему представлен. Он принял нас в каком-то полуразрушенном балагане; кругом короля стояла толпа сикхов, похожих на хор жрецов в «Волшебной флейте», но вооруженных с головы до ног. Все они по случаю траура были в белых одеждах, даже ковры были тщательно закрыты полотном. Возвращаясь от короля, я заметил какого-то странного всадника, сидевшего на дромадере; на нем были полинялые лохмотья и чалма с пером цапли, борода его была зачесана кверху. Я указал на него Кларку, который посоветовал мне позвать его к своей палатке и срисовать. Кончив в четверть часа рисунок, я дал рупию этому бедняку, напоминавшему собой Самюэля из «Волшебного стрелка», но он сделал мне гримасу и показал 5 пальцев: ему хотелось 5 рупий. Тогда я попытался было взять рупию назад, но не тут-то было: держал крепко!

4 марта

В день нашего прибытия, вечером, пришли к нам королевские посланцы с факелами и с подарками. Впере-

ди шли вельможи с огромным подносом, на котором лежала куча золота — 1100 голландских червонцев. Остальные подарки состояли в корзинках с плодами, различных лакомствах, съестных припасах и вине. Всего этого нанесли столько, что можно было накормить весь наш лагерь. Вообще все съестные припасы плохи; но ими пробавляется сам король, а для бедных людей и воинов они неоценимы. Корм нашим лошадям и слонам доставляется также от короля.

Из подарков Кларк мог удержать одни съестные припасы, все прочее отсылается в кассу Ост-Индской компании. Покойный Ранджит Сингх подарил однажды Кларку превосходную саблю и свой портрет, осыпанный драгоценными камнями; Кларк принужден был отослать и эти подарки. Но вот что забавно: в числе подарков была корзина с королевским вином; к каждой бутылке был прикреплен ярлык, а на ярлычке был прописан рецепт вина и подписан министром, в присутствии которого вино было составлено. Тут же выставлена и цена вину: каждая бутылка стоила 300 рупий (50 фунтов стерлингов), потому что в это вино всыпаются измельченные драгоценные камни и жемчуг. На рецепте значилось: столько-то рубинов, столько-то изумрудов, жемчуга, алмазов и золота. Примесь драгоценных камней считается в Пенджабе сильным возбуждательным. Королевское вино очень сильно, как крепкая водка: я взял в рот каплю и обжег себе язык. Но довольно о вине. Спешу отдать тебе отчет о сегодняшнем утре. Вчера мы были у короля со скорбным визитом, а сегодня король дает нам парадный прием. Перед нашими глазами раскинулось баснословное зрелище: меня ослепили блеск алмазов, драгоценных камней и сочетание самых ярких цветов. В густой зелени сада пестрела толпа сикхов — желтых, красных, розовых, белых, золотых, серебряных, зеленых, лиловых, голубых. На иных были одежды необычайного покроя, сияющие бриллиантами, на других — кольчуги. Из толпы вышел нам навстречу король, плотный сорокалетний, довольно безобразный мужчина, обложенный драгоценностями, как окладом. На правой руке его горел первый алмаз в свете — Кохинон⁸⁷.

Король обнял Кларка и усадил нас против себя на серебряных стульях, а сам со своими любимцами воссел на золотые кресла, литые из голландских червонцев; под ноги им были поставлены золотые скамейки. Голландские червонцы доставляют сюда на верблюдах из Бом-

бея для поделки разной домашней утвари; здешние самородки золота, называемые мохурами⁸⁸, идут на такие же поделки. Спустившись с наших слонов, мы стали на кашемирские шали, разостланные по земле. Усевшись на своем стуле, я заметил, что все аллеи, площадки и дорожки были устланы шаями. Богато навьюченные лошади попирали их копытами. Мы сидели под портиком полуразрушенного киоска. По всему саду были расставлены воины, вооруженные луками, стрелами, щитами, ружьями. В руках у них дымились зажженные свечи.

Между Кларком и королем завязалась настолько занимательная беседа, насколько может быть интересен официальный разговор, прерываемый молчанием, во время которого каждый ломал себе голову для составления красноречивых изъяснений дружбы сикхов и англичан, очень похожей на дружбу волков и ловчих. Подарки английского правительства были представлены. Эти подарки служили доказательством признания царственной власти короля английским правительством. Они должны были вызвать изъяснение удовольствия, но сикхский этикет требовал равнодушия. Все время множество людей подходило к королю по очереди, кланяясь низко и подавая ему по несколько рупий, которыми он невнимательно наполнял руку и ронял их изредка наземь. Этим странным образом взимается подать, составляющая один из главных доходов государства.

Король встал и, взяв Кларка за руку, повел его в сопровождении небольшой свиты, в том числе и меня, на противоположный конец здания, ведущий в другой маленький уединенный садик (тут же был богато одетый ребенок — сиротка, находящийся под покровительством короля). Дверь первой комнаты — род сарая — оказалась запертой, началась стукотня без всякого следствия. Король намеревался уже обойти кругом, но, к счастью, наконец дверь была уже отперта, и мы вышли на крыльцо, устланное шаями и выходящее на маленький грязный пруд — род лужи с испорченным фонтаном посередине. Нас привели туда для осмотра царских лошадей, которых водили по очереди по кашемирским шаям с завязанными глазами.

Первый выведенный конь был сикхский колосс, похожий на тех коней, которых представляют на картинах под наездниками средних веков. Сбруя была унижена крупными изумрудами и жемчугом; начальник был из одного крупного изумруда. В этом роскошном убранстве,

в шалевых чепраках, король повелел ввести коня в воду. Между тем привели другую лошадь, белую, с окрашенными по колено розовой краской ногами и в украшениях из невероятной величины рубинов, всю увешанную золотыми побрякушками, словно красавица; за нею водили множество других лошадей. Все они были превосходных статей и масти. Каждую из них вводили поочередно в воду: это ему очень нравилось. Из воды их еще раз проводили мимо нас.

Вся эта сцена представляла настоящий кагал. Давка, смешение людей, лошадей, звуков, цветов, целый хаос золота, стали, драгоценных камней, бархатов, кашемиров, шелковых тканей. Король суетился наряду со своими царедворцами и гостями. Возвращаясь, мы прошли мимо нарядной толпы. Тут же стояли нарядно одетые плясуны с драгоценными подвесками в носу. Между ними были большие и маленькие, дурные и хорошенькие. Они приветствовали нас улыбками и поклонами. С первого взгляда я не мог решить, к какому полу принадлежат эти неопределенные создания в узких панталонах и коротких юбках. Наконец мы простились и воротились в лагерь — проводить однообразную жизнь, потому что быть окруженным беспрестанно солдатами и выезжать на слонах под конвоем, по-моему, все равно что сидеть в темнице. Красивые плясуны, сияющие золотом и молодостью, прогуливаются вокруг нашего лагеря в маленьких тележках, запряженных волами. Им хотелось бы выйти из своего бедного экипажа, где они чуть не сидят одна на другой; печально смотрят они по сторонам, ожидая приглашения, посылают пленительные поклоны, делают ручкой, но солдаты и слуги прогоняют их прочь. Танцовщиц запрещено пускать в лагерь.

Кругом нас расстилаются великолепные нивы. В виду стоят лагерем 120 тысяч человек сикхского войска. Погода стоит теплая. Солнце очень печет только изредка.

Позабыл я тебе сказать, что я видел гробницы женщин, погибших на костре. Труп умершего сикха не хоронят до тех пор, пока он не предастся совершенному тлению: тогда жену кладут на костер, в ее объятия кладут труп и зажигают... Ужасно. Кларк был свидетелем подобной сцены. Бедняжке, которую хотели сжечь, было не более 17 лет. Несмотря на усилия браминов и упорство самой жертвы, Кларку удалось ее спасти. Вдруг он с негодованием узнает, что изуверы похитили ее ночью и уже жгут на маленьком огне: дерево дорого, а брамины ску-

пы; Кларк попал вовремя, чтобы избавить несчастную от мучительной смерти. Теперь она в Амбале, в английских владениях, и занимается тканьем. На возвратном пути я непременно повидаяюсь с ней.

Вчера поутру, покуда я описывал тебе мое представление, вошел Франциск и доложил мне о каких-то посетителях. Я приказал просить; в комнату вошли под покрывалами и с факелами в руках два существа: огромный факир в сопровождении высокой женщины, с подвесками в ноздрях и в ушах, золотыми бляхами на лбу и на щеках, в газовой драпировке, которой было укутано все тело. Женщина начала пищать и жаловаться, но вдруг, обернувшись, обратилась в дородного и совершенно голого факира, который заревел, как зверь.

Я понял, что это были пантомимы, составляющие любимую потеху короля, который богато содержит своих актеров, снабжая их тучными пенджабскими землями. Я не знал еще этого обстоятельства и предложил им рупий, желая поскорее избавить себя от неприятного их присутствия, но они учтиво отказались и просили позволения остаться. Тогда надо было пригласить их садиться, и они тотчас же уселись — на полу. Вместе с ними уселись и факельщики их, подливавшие в светильники масляное вещество, вид их и дух которого возбуждал тошноту.

Сегодня в мою палатку вбежал акали и оглушил меня ругательствами: это тоже была пантомима. Через несколько мгновений актер превратился в раджу, окутанного шитой золотом и камнями кисеей. Таким образом, он обежал все палатки, везде превосходно выполняя свои роли. По всему Пенджабу раскинуты лагеря, которые очень красивы посреди полей и золотых нив. Серые мазанки, слепленные из грязи, и кое-какие укрепления прекрасно вырисовываются на светлой зелени.

Позабыл я тебе сказать, что при встрече, которую нам сделали в Омритсаре, я заметил в толпе всадников и слонов зеленые треугольные знамена, на которых по шелковым тканям были нарисованы тысячерукие и тысяченогие индийские божества. Не написал тебе также, что некоторые из акали, богато одетые, находятся в свите короля и к их чалмам прилажен отточенный железный обруч; этим обручем они раздробляют головы, бросая его на далекое пространство⁸⁹. Видел еще другое оружие, что-то вроде перчатки с железными когтями, которыми схватывают противника. Это оружие называется

по-английски *tiger's claw* — «тигровые когти». Рассказываю тебе эти подробности, потому что они тебя занимают... А меня занимает одна мечта: недоступная, таинственная долина Кашемира, отчужденная от всего света пропастями Гималаев... Пожалей обо мне, мой друг!

[Ему же]

Лагор, 22 марта 1842 года

Я здесь дней 8, живу под городом. Обнесенный высокими стенами, башнями, оврагами, Лагор кажется сплошной массой ветхих домов, какой-то грязной, зловонной кучей. Вскарабкавшись на слона, с трудом протесняешься по узким улицам, поджидая каждую минуту, что вот-вот обрушится на тебя одно из пятиэтажных шатких зданий, с балконами и обитателями. Триумфальные ворота, которыми отделены части города, находятся тоже в полуразрушенном состоянии. Все постройки сложены из кирпича. По улицам текут грязные ручьи, и на каждом шагу попадаются ямы, через которые слон делает уродливые прыжки. По сторонам тянутся лавки со съестными припасами, которых один вид возбуждает отвращение; толкутся [...] существа, голые или едва прикрытые лохмотьями, с длинными бородами, отвратительные евнухи, факиры, осыпанные пеплом, уродливо раскрашенные, с тигровой шкурой на плечах, в фантастических перевоях с перьями, с длинными трубами, шайки изуверов в черных одеждах, и так далее. Все стучит, ревет, гремит оружием. Изредка попадаются очаровательные личики, но с болезненным цветом кожи и худые.

Это я говорю об улицах; но ежели взглянешь вверх, изо всех окон и балконов на тебя наведут наглые взгляды продажные прелестницы и плясуньи, все в золоте и в драгоценных камнях. На некоторых окнах и балконах, словно на насестах, сидят петухи и куры и наполняют воздух своим кудахтаньем. Эта смесь разряженных девушек и птиц тешит взоры, а веселый, звучный хохот индианок, указывающих пальцами на мою европейскую одежду, заставляет меня забывать про опасность, которой я себя подвергаю, продираясь по этим закоулкам. Вдруг мне загораживает дорогу древняя вызолоченная колесница, запряженная парой быков; один из быков падает и не хочет подняться. Если это был бы не бык, че-

рез него переехали бы непременно; но бык — животное священное и, стало быть, неодолимое препятствие: нужно подаваться шаг за шагом до первого закоулка, где можно свернуть в сторону.

Может быть, ты желаешь получить некоторые сведения насчет лагорского зодчества? Здесь все выстроено в мавританско-индийском стиле. Перед приездом в Лагор мы провели целый день в садах Шалимара. Так называется сад, находящийся в 4 милях от города; для Лагора он то же, что Версаль для Парижа. Это место и называется «висячими лагорскими садами», может быть потому, что сады расположены уступами. Здесь называют их Шалимар Багх. Отличительные признаки этой местности — свежая зелень померанцев и пруды, оживленные целыми стадами уток и гусей. Бесчисленные фонтаны и водопады орошают повсюду этот Эдем влажной, ускользящей от глаз пылью; через полчаса прогулки по прямым аллеям сада вы можете быть уверены, что ваше платье совершенно измокнет. Киоски и беседки, иногда сложенные из мрамора, не очень красивы, но зато обвешаны превосходными кашемирами и орошены кристальными струями, которые кажутся алмазными потоками. По саду бродят люди подозрительного вида, вооруженные с головы до ног. Чтобы привлечь их чем-нибудь к себе, я просил позволения осмотреть их оружие, и тотчас добродушная улыбка разгладила свирепые лица.

На другой день нашего приезда в Лагор король пригласил нас на охоту, и по сборам можно было предвидеть, что это увеселение будет интересно. Выехав, мы составили фронт из 50 парадных слонов, покрытых парчовыми чепраками; нам предшествовало и сопровождало несметное число богато одетых и вооруженных всадников на красивых конях. Целый регулярный батальон сикхов гремел в барабаны и трубы, чтобы поднять дичь. Все приехавшие на охоту были очень усердны к делу. Король принимал деятельное участие: он стрелял очень метко в перепелок; целые сотни бедных птичек погибли. Когда же из равнин мы вступили в джунгли, из кустарников и кустов, подымавшихся в уровень с нашими слонами, выскочило множество диких кабанов. Впрочем, застрелили только одного и долго дорубливали его саблями. Отвратительно было смотреть на эту бойню.

Недавно мы приглашены были королем на вечер, который он располагал дать в своем загородном дворце. Король принял нас под открытым небом, приятно освещенным.

щенным месяцем, на обширном дворе, обнесенном высокими стенами. В этой ограде было десятка два великолепно навьюченных лошадей. Синеватый свет, падающий от факелов и свечей, расставленных по стенам, придавал лошадям странный вид: белые, украшенные изумрудами, казались тенями волшебного фонаря или сказочными конями, а воронье в рубиновой сбруе, при красноватом отблеске факелов, напоминали коней мрачного бога Аида. Король со спокойным видом повел нас по извилистым дорожкам, и мы очутились на другом дворе, устланном мраморными плитами и драгоценными тканями. Посредине двора в обширном водоеме плавали разные водяные птицы, а небольшие фонтаны бросали в воздух алмазную пыль, которая отливала радугой от тысячи разноцветных светильников.

Мы подходили к великолепным палаткам, подбитым цветными шальями, золотой и серебряной парчой. В это время в глубине двора поднялся огромный занавес, поднялся медленно и постепенно, и перед нами открылась великолепная зала. Стены и потолок были выстланы разноцветными кристаллами, оправленными в золото: точно ковры из драгоценных камней. Король повел г-на Кларка за руку, и нашим глазам представился бесконечный ряд столов, заваленных королевским оружием: сотни сабель, кинжалов, щитов, кольчуг и шлемов; все это очень-очень богато, но несколько не добротное. Удивляться решительно нечему.

Я пришел бы в большое затруднение, если бы мне позволили выбрать из этой кучи оружия что-нибудь для твоего арсенала. Между прочим, здесь была броня со шлемом и поручнями, кажется выписанная генералом Алларом⁹⁰ из Франции: какое-то театральное оружие без стиля и вкуса. Однако англичане очень дивились этому вооружению и наперерыв примеривали поручни, вероятно из сочувствия ко всему, что идет из Европы. Сикхам это может нравиться, как всякая невиданная вещь. Затем следуют серебряные сервизы, различные поделки из агата, украшенные драгоценными камнями, 5 или 6 портретов без рамок, писанных масляными красками германским художником Шесфтом, о котором я тебе писал. Портрет короля, представленного в богатой одежде с длинным прямым мечом, поднятым кверху; портрет первого министра Дхиан Сингха, красивого молодого человека в пресловутой броне. Дхиан Сингх представлен верхом по повелению короля.

Из оружейного зала нас повели по другим покоем, в которых король выставил напоказ все свои сокровища; с его стороны это было очень любезно. Посредине зала был накрыт стол; под серебряными колпаками приготовлены были различные яства и лакомства; но королю было очень совестно приглашать нас к столу, зная постоянство наших вкусов. Однако же он решился, и по его приглашению все общество расположилось на золотых и серебряных стульях пред столами, уставленными плодами и необыкновенной формы бутылками с тем дорогим вином, которое стоит 300 рупий. Это вино удивительно крепко. Король налил и подал из своих рук чашу посланнику и мне, и хотя был почти уверен по опыту, что мы не будем пить, однако, глотая свой стакан, пристально смотрел, как мы едва подносим драгоценный состав к губам. Придворные сикхи на мои вопросы о причине примеси в вино драгоценных камней говорили: «Что крепче алмаза? Стало быть, он крепит желудок и все тело человека». Яхонтам приписывается также очень много полезных свойств. В это время стали подходить к королю, одна за другой, множество танцовщиц, молоденьких, хорошеньких девочек в роскошных костюмах. Небольшие носики их так были увешаны подвесками, лоб и щеки так раззолочены, что мы насилу могли рассмотреть их черты. Ноги и руки их, украшенные кольцами и зеркальцами, были очень миловидны, хотя цвет кожи чрезвычайно смугл. Одежда их состоит из прозрачных покрывал разноцветного или золотого и серебряного газа, из коротких юбок, бархатных или матерчатых, под которыми изящно обрисовывался стап. Эти милые существа подходили к королю и подавали рупии; он, разговаривая с посланником, обращался к ним рассеянно, но вместе с тем и благосклонно.

Непринужденность, добродушие и простосердечие короля вызывают на расположение к нему, и, несмотря на то что черты его лица вовсе не привлекательны, в них таится что-то пленительное. Говорят, что при видимой его застенчивости и простоте он бесстрашен и неукротим в битвах. Он то брал подаваемые ему деньги, то тихо отталкивал подносящую руку, то сам всыпал в нее целую горсть рупий. Девушки подходили без всякой застенчивости, с веселыми, блуждающими по сторонам глазами. Они уселись кучками промеж столов. У многих из них были самые плутовские лица. Две из них начали медленную пляску под звуки жалобной музыки; другие про-

должали сидеть, как блестящие рои бабочек или жучков, жужжа и смеясь между собой. Королю было угодно показать нам часть своего дворца, занимаемую женами во втором и третьем этаже. Но обитательницы его скрылись от наших глаз. Со времени покорения Индии магометанами и введения туда их закона индийцы также прячут жен своих, предоставляя на общее лицемерие только особый класс женщин.

Мы вошли в ряд маленьких раззолоченных комнат, в продолговатый покой, где был накрыт для царских жен ужин и где стояли под занавесками кровати. Но многие танцовщицы, вместо того чтобы продолжать без зрителей балет свой, последовали за нами. Музыка смолкла. Одна за другой проникали плясуньи в гарем и с любопытством осматривали покои которых до сих пор, может быть, никогда не видали. Они любовались всем, ни до чего не дотрагиваясь, как умные дети, и ступали легко маленькими, босыми ножками своими, неумышленно задевая иногда короля, который не обращал на это никакого внимания, как будто эти существа были домашние кошечки. Он позволял им забегать вперед и шнырять мимо него, проходил, не толкая их, несмотря на то что они беспрерывно совались ему под ноги. В тучной особе этого короля заметно странное смешение комической робости и вместе с тем наружного величия. Толщина не мешает ему ходить легко, хотя несколько медленной походкой; все его движения отзываются этою медленностью вследствие заимствованной важности его; особенно с Кларком, который обходится с ним очень гордо, бедный король приходит беспрерывно в смущение.

Пока девушки плясали, в зубчатой ограде двора шла потеха: начался фейерверк и пошел такой гром, как будто бы мы были в осаде. В то время как мы ходили по комнатам, осматривая различные редкости, нас неоднократно принимались потчевать вином и каким-то холодным из курицы и дичины, холодное подавали на маленьких тарелках, без ножей и вилок. Все это нам совали почти насильно, потому что сикхи вообще не обходительны и не ловки в обращении; они великодушны и просты, предлагают все, что имеют, без всяких церемоний. Здесь все патриархально и воинственно. Король обходится со своими царедворцами и подданными запросто, по-воински, и доступ к нему очень легок. Между сикхами нет жестокости. Учить человека, они почитают невозможным: просто запросто убивают наповал выстрелом из

лука, ружья, ударом сабли или вешают. Вот чему я был свидетелем однажды. Мы с королем возвращались с осмотра войск в Омритсаре, и наша блестящая кавалькада проехала мимо виселицы. Висельник, кажется вор, уже весь предался гниению; собаки отгрызли ему ноги... Я содрогнулся, но толпа нарядных всадников проехала мимо, не обратив решительно никакого внимания на труп.

Купил я две-три шали, чтобы что-нибудь вывезти на память из Лагора. Теперь я хочу отправиться на ярмарку в Хардвар. Наперед я посылаю Франциска. Мне очень грустно, что я подвергаю моих людей опасности, рассылая их по этим пустыням, но что делать? Я рассудил, что лучше послать Франциска, отставного прусского гусара, чем моего молодого парня Федора. Со своей стороны, я думаю отправиться через несколько дней в золотой королевской карете, запряженной четверкой мулов, которые летят, как ветер, а потом отправлюсь в почтовом паланкине в английские владения. Я забыл сказать, что, возвращаясь вечером от короля Шер Сингха, который остался на высокой террасе своего дворца, где он любил спать под очаровательным небом Пенджаба, мы не нашли у подъезда наших слонов. Вместо них стояли раззолоченные кареты, запряженные мулами и верблюдами, которые понесли нас во весь опор по самой страшной дороге. Впечатление, произведенное на меня этой обратной дорогой в лагерь, похоже было на те впечатления, с которыми возвращаешься домой из театра.

В этой стране все до малого ребенка ходят с оружием; даже наши факельщики были со щитами.

Недавно перестроили ворота, которые несколько лет тому задавили махараджу Нао Нихал Сингха; я ходил смотреть на них.

Сегодня 23 марта. Дня через два я стану ожидать твоих писем. При дворе находится несколько красивых мальчиков, одетых воинами, с саблей и кинжалом, с золочеными щитами за спиной, в красивых чалмах с перьями и в чоге, коротенькой мантии с рукавами. Хотелось мне достать несколько образчиков их маленького оружия, но нигде не мог найти. Однако полно об этом... Я тебе ничего не писал о несчастной женщине, которую закопали живую в землю за прелюбодеяние? Ее гробница рядом с нашим лагерем. Впоследствии открылось, что она невинна, и над ее могилой выстроили великолепный памятник. Сегодня вечером в Шалимаре праздник: будут иллюминация, фейерверк и, вероятно, баядерки.

Представь себе: у Шер Сингха есть доктор, немец, ходит с длинной бородой и в желтом атласном мундире, шитом золотом. Он мне продал лагорскую скрипку и вид города, снятый туземцем... В сикхском войске я не видел французов, кроме одного Лароша. Сикхские солдаты очень смешны: все с огромными бородами; офицеры носят атласные, бархатные и парчовые мундиры. Впрочем, от произвола их зависит только выбор материи и цвета мундиров, а покрой установлен Алларом и во всех полках один и тот же: французские мундиры сшиты из парчи и желтого или розового атласа.

Лудиана, 30 марта 1842 года

С тех пор как я отправил последнее письмо, со мной случилось вот что: я простился с Шер Сингхом, который теперь в садах Шалимара. Он нам задал великолепный праздник. Весь сад был освещен — от водоемов и каналов до ветвей померанцевых деревьев. Стволы были высеребрены и вызолочены. Разноцветные светильники окрашивали радугой струи воды, охватывавшей весь сад прозрачною сеткой. Прибавь к этому беспрестанные потешные огни, великолепие воинственного двора, всю эту баснословную роскошь, аллеи, устланные кашемирскими шальями, беснующихся коней, опьяняющий запах померанцевых цветов, жгучие пляски баядерок и согласишься, что можно сказать с бедным Томом короля Лира: «Господи, сохрани наши чувства!» Мне досадно было только одно — что раджа был как-то не весел *. Накануне он свалился со слоном, оступившимся в потемках. Представь себе, как приятно рухнуть с таким чудовищем. Впрочем, раджа поплатился только небольшими ссадинами.

Накануне моего отъезда я был еще раз в Шалимаре, чтоб проститься с раджей. Англичан и меня усадили в кибке и по повелению Шер Сингха поднесли на огромных щитах ткани и драгоценные украшения, предложенные нам раджей в память нашего пребывания при его дворе. Шер Сингх подозвал меня к себе, попросил снять шапочку и надел мне на шею жемчужное ожерелье; потом он подарил мне изумрудное перо и опоясал саблей

* Несколько месяцев спустя в Лагоре разыгралась кровавая трагедия. Весь великолепный двор и сам раджа, принимавший нас с таким рыцарским радушием, погибли насильственной смертью ⁹¹.

в оправленных золотом ножнах, сказав, что клинок не слишком хорош, что мог бы он мне подарить хороший хорасанский клинок, но ему хочется оставить мне на память лагорский. Остальные подарки раджа велел отнести ко мне домой. Затем пришел черед моего Федора: его поставили перед очи раджи, и Шер Сингх приказал надеть на него чогу, халат из желтого кашемира; для Франциска, отправившегося в Гурдвар [Хардвар], назначена была другая чога, зеленая.

Этим еще не кончились подарки: раджа пришел в восхищение от возможности доставить нам удовольствие, встал со своего места, взял меня за руку и подвел к белому коню, покрытому бархатным чепраком, шитым золотом, с богатой сбруей. И конь и сбруя были подарены мне. Англичане также получили подарки, хотя и менее ценные. Впрочем, им это было все равно, потому что они обязаны представить свои подарки английской Компании. Привыкнув к индийским чудесам, они весело принимали дары и радушно благодарили Шер Сингха. Я был навьючен, как мул, и, возвратившись домой, принялся рассматривать ткани; мне подарили: две длинные шали с каймами, зеленую и голубую, черную квадратную шаль, чогу из красного кашемира с золотыми каемками, какую-то шелковую ткань, вытканную золотом, для верхнего платья, другую шелковую полосатую ткань для панталон, белый газ на чалму и три куса тонкого полотна на рубашки и на летнее платье. Все это, с ожерельем, пером, саблей, конем и сбруей, составило полное и ценное одеяние индийского всадника.

Чтобы иметь возможность как можно скорее возвратиться в Лагор и потом уже поехать в горы, я отправил мои пожитки вперед, а сам вместе с англичанами, бывшими при дворе махараджи, сел в золоченую карету, запряженную верблюдами. По дороге выслали вперед несколько подстав и конвой. Днем нам было хорошо ехать; но когда стало смеркаться, наши провожатые тщетно требовали факелов в какой-то деревушке, обнесенной рвами и стенами: честные поселяне, несмотря на обещание королевской стражи обрубить им носы, отвечали бранью, факелов не дали, и мы должны были ехать в темноте. Не успели мы отъехать двух шагов, как один из верблюдов оступился в канаву, и наша колесница покачнулась и опрокинулась. Мы все были сброшены на землю, но отделались очень дешево. Карету подняли с большим трудом; Федору пришлось в голову зажечь не-

сколько вязанок тростника и заменить ими факелы. Кстати взошла луна... Но, несмотря на луну, несмотря на тростник, зажженный всадниками, и на гладкое, как скатерть, поле, мы еще раз очутились на земле: сломалась ось. Делать было нечего; сначала пошли пешком, а потом взяли лошадей у конвойных и поехали верхом. Через некоторое время мы переправились на барке через Сот-Лидж [Сатледж], пограничную реку, отделяющую Лагор от английских владений. Наконец мы прибыли в Фирозпур. Там я нашел паланкин и добрался до Лудьяны, где и остановился в доме Кларка. Отсюда я отправлюсь дня через три, а через неделю буду в Миссури, на Гималаях. В Гурдваре я подожду Франциска с моей палаткой, спущусь с гор и снова поднимусь на горы под Симлой [Шимлой].

Гурдвар ⁹², 10 апреля 1842 года

Я уже с неделю живу на гурдварской ярмарке, в сборном месте индийских племен, на берегах Ганга, у подошвы Гималаев. Здесь есть несколько пагод, вокруг которых беспрестанно купаются в Ганге тысячи индийцев и индианок. Священная река не очень глубока под Гурдваром, я въезжаю на моем слоне до половины реки и любуюсь оттуда, как толпы народа сходят в воду по каменным спускам. К берегам пристроено множество деревянных плотиков, на которых стоят маленькие дети, представляющие различные индийские божества и принимающие приношения от богомольцев. Мужчины, женщины и дети входят в воду, не снимая одежд и с громкими песнями; несмотря на страшную жару, они дрожат от холода, потому что вода в Ганге от близости нагорных снегов очень свежа. Вечером повторяется то же самое, и река освещается плавающими кострами. Здешний базар завален индийским оружием и мелочным металлическим товаром. На пригородной равнине расставлены тысячи лошадей на продажу, а в ближайшем лесу — сотни слонов. Дикие обезьяны уродливо кувыркаются на ветвях и дразнят слонов. Я хотел было купить слоненка ростом с небольшую собаку, да передумал, потому что его трудно было бы выкормить и притом он, вероятно, не перенес бы переходов в горах. За слоненка просили шестьсот франков: взяли бы и меньше. После обеда я взбираюсь на слона и дышу свежим вечерним воздухом, пробираясь по темным и тихим улицам. По временам до

моего слуха долетают дикие песни, и где-нибудь в стороне попадает толпа, освещенная факелами: это нотчи, на которых плясуны, одетые женщинами, превосходно заменяют баядерок.

Богомольцы стоят лагерем: проезжая мимо него, я был привлечен женскими голосами к одной из низеньких палаток и сошел со слона. В темноте я наткнулся на какую-то индианку и стал ее расспрашивать; она меня не поняла, но взяла за руку и повела в палатку, где при свете трехрогой лампы я увидел мертвого брамина и несколько женщин, которые тихо и заунывно пели над трупом. Я поспешил выйти, вскарабкался на слона и отправился домой. Ганг нужно было переехать вброд.

Вчера меня звали на охоту с англичанами, но я отказался, запуганный жарой. Теперь я очень ослабел и жду не дождусь, как бы поскорее добраться до гималайских высот: холод укрепит меня. Охотники отправились на 8 слонах в самый полдень и жар, а воротились поздней ночью при свете факелов; на одного из слонов был положен огромный тигр, на другого — кабан, лань и множество павлинов. Зажарили одного павлина; мясо похоже на фазанье. Тигр был длиной в 9 английских футов: парии сняли с него шкуру, а мясо было роздано по разным рукам: в некоторых случаях оно считалось лекарством.

Ярмарка кончается сегодня вечером; завтра я уеду из Гурдвара, а дней через 5 буду на Гималаях, в нескольких тысячах футов над уровнем моря, в местечке Миссури. Общество наше составлено из 20 англичан, съехавшихся в Гурдвар из разных окрестных местечек, один по обязанности, другие для покупки лошадей и слонов. Сегодня 15 апреля: я выехал из Гурдвара. Недавно сюда прибыл из Миссури англичанин; вошел впопыхах в нашу палатку и объявил, что по дороге он несколько раз был останавливаем тиграми или, сказать правильнее, тигры попадались ему по дороге, и носильщики паланкина всякий раз останавливались, пережидая с трепетом удаления незваных попутчиков.

Я замечаю, что здешняя жара очень удобна для писем: напишешь страничку, и засыпать [песком] не нужно: чернила тотчас же высохнут.

Я проехал часть этой страшной лесной дороги: тигров не видал, но обезьяны презабавно прыгали по деревьям, и стаи диких павлинов кружились в непроходимых джунглях, шумно поднимаясь при нашем приближе-

ний и проводя в своем полете длинный след из лазури и золота. Я провел ночь и проведу целый день в палатке, в самой гуще леса. По вечерам поселяне и путешественники зажигают в кустарниках большие костры для указания дороги и для отпугивания тигров. Ночью я заснул в ожидании услышать завывание тигров и был пробужден каким-то шелестом, но это был не тигр, а павлин, который сел мимолетом на мою палатку. Все, мои спутники отправились на охоту за тигром, но я боюсь жары и жду их возвращения в палатке. Мне подарили череп и шкуру тигра, убитого накануне; но мошенники парии, несмотря на бдительный надзор охотников, успели вырезать когти; мы это заметили, да уж было поздно. Индийское поверье считает тигровые когти верным талисманом от дурного глаза.

В то время как я тебе пишу, Федор ходит вокруг моей палатки и дразнит обезьян, бросая в них камнями и палками. Здешний лес полон тигров и слонов. За неделю мои спутники-англичане охотились и видели десятка два тигров и слонов, мчавшихся в густой траве. Англичанам удалось захватить отставшего слоненка, которого я видел на другой день в Дера-Дуне [Дехрадуне], или попросту Дера. (Дун значит «долина».) Слоненок был очень забавен, только жил недолго.

Дера — славное предгорное место; вид превосходный. Кларк недаром мне советовал здесь остановиться.

Прощай. Пиши в Бомбей на имя Форбса. В конце октября я сам думаю быть в Бомбее, а покамест сделал все нужные распоряжения относительно переписки.

[Ему же]

Барр, при подошве Гималаев, 13 мая 1842

Я решил не писать до тех пор, покамест не получу от тебя какого-нибудь известия. Но это решение ничего не значит, когда человек заключен целый день в тесной комнате, с дверью, герметически закупоренной циновками, на которые индийские мальчики постоянно брызжут водой, не заботясь о горячем солнце.

Я сделал переход в горах до местечка, называемого Миссури, а оттуда перешел к другому, называемому Ландор [Ландаур]. Там у меня была дневка. Из Миссури (по-английски *Mussoorey*) видны два больших лед-

ника, Джамнотри и Ганготри, первый — источник Джумны [Джамны, Ямуны], второй — Ганга. Эти две огромные горы далеко от Миссури, но их так же хорошо видно, как Эльбрус с Кавказских Вод. Миссури — довольно возвышенное место, тысяч на 7 футов над уровнем моря. Воздух редок, сух и свеж: словом, превосходный климат... Нагорные виды очень хороши. Для английских солдат выстроен госпиталь. Тут же есть Гималайский клуб, в котором меня сделали почетным членом. В клубе есть два биллиарда — истинное наслаждение для англичан. Дома, занимаемые англичанами в Миссури во время периодических дождей и жары, невелики, потому что строить в горах очень дорого: мало работников и мало материалов. Домики прилеплены к скалам, в местах, по-видимому, совершенно недоступных. И в самом деле, миссурские дороги очень плохи, расползаются вверх и вниз, по краям пропастей, по отвесным камням и чрезвычайно узки. Если пони испугается, можно быть уверенным, что слетишь в пропасть. Можно двигаться по этим дорогам на кресле, крепко утвержденном на носилках, поднимаемых четырьмя горцами, с виду похожими на калмыков, потому что в этих местах уже начинает веять Тибетом.

Оставшись здесь в продолжении месяца и испытав благотворное влияние климата, я захотел переменить место, потому что комнаты клуба низки, темны и неудобны для [рисования]. Клетки для птиц со всех сторон, да и крыши мешают освещению и загораживают солнечные лучи; словом, мне хочется взглянуть на Симлу — другое место в Гималаях, с которого вид гораздо лучше. Вместо того чтобы сделать пятнадцатидневный переход из Миссури в Симлу по горам и тащить за собой палатки, лошадей и кухню, я предпочел просто спуститься в долину в паланкине. Этот переход будет сделан в 3 дня до другой подошвы Гималаев. Из теперешней деревушки Барр я могу прямо отправиться в Симлу: перейти надо будет верст 50, не более, а перенесут меня туда в несколько часов.

Здесь я нашел Франциска, которого выслал наперед с лошадьми, палатками и пожитками. Мне кажется, что он был бы ничуть не прочь, если бы я переменил его маршрут: я думаю это сделать, разбить мое путешествие на два дня и приехать в Симлу завтра. Мне не хочется прибыть раньше него в такое место, где у меня нет ни крова, ни очага (говорю — очага, потому что в

Миссури начинают топить печки в апреле, а в Симле, которая находится несколько выше, в мае). Впрочем, в Симле есть комиссар, которого я просил приготовить мне ночевку до тех пор, пока я не найму удобного дома. Теперь все дело в том, чтобы выиграть время и ускорить отъезд в Европу: думаю отправиться не ранее октября.

Маленькие переезды, сделанные до сих пор по индийским горным дорогам, обошлись хорошо, потому что меня несли по ночам и на рассвете, и мне было очень удобно добираться до ночлега прежде, чем ветер и солнце начинали производить свое губительное влияние. Заметить притом, что благодаря распоряжениям Кларка я всегда находил удобный дом. Но если я пушусь в дорогу к Бомбею, ни за что не вынесу этого пути, потому что нужно будет ехать через малонаселенные страны. По дороге нигде не встретится приютов, и мне придется путешествовать днем или забиваться для отдыха в грязные конуры. Притом же дождливая погода на носу, а в это время бомбейские леса убийственны: воздух до того заражен вредными испарениями, что по ночам спать под открытым небом опасно. Войскам запрещено двигаться в это время года.

Конечно, мне на пути встретится Инд, по которому я могу доехать до моря, а потом на каком-нибудь пароходе до Бомбея. Но как можно предвидеть все происшествия, которые меня ожидают на Инде, длинном, как Волга, и текущем по жгучим, песчаным пустыням? Плавание, по собранным мною сведениям, очень опасно по Инду. Как же ты хочешь, чтобы я отправился в дорогу без климата, как здесь выражаются? Приехав в Бомбей, я непременно задохнусь от жары. Персидский залив и Черное море теперь пышут пылем, а здесь, на Гималаях, хороший и здоровый климат. Я начинаю подозревать, что Симла очень похожа на Швальбах и Карлсбад... В Симле много сосновых лесов... Покамест я еще не выходил из пальмовых рощ. [...]

Есть в горах еще другое место, называемое Альмора; из Миссури до него 14 переходов, в продолжение которых путешественник попеременно подвергается то жаре, то холоду. По рассказам здешних обывателей, оттуда виден Давалагири [Дхаулагири]⁹³ — высочайшая вершина Гималаев, поднимающаяся на 30 тысяч футов над уровнем моря. Альмора — урочная станция для английских войск; тамошние женщины, полутибетянки, лучшие пос-

сле кашемирянок. Может быть, это одни рассказы... Впрочем, все будет зависеть от моего здоровья: если я буду свеж и крепок, я постараюсь внимательно осмотреть гималайскую местность с единственным условием: не качаться на веревках *.

Однако же Гималаи не слишком привлекательны. Если бы речь шла о Кашемире и Лассе [Лхасе], поэтическая таинственность этих стран могла бы привлечь меня и заставить позабыть о препятствиях; но об Кашемире нечего думать, потому что он охраняется сикхским и английским правительством, а Ласса кроме тибето-китайской неприязненности считает за собой еще маленькое неудобство: возможность умереть в ее лесах от голода и жажды. Я рассказываю о всех этих поездках, как будто бы сроднился с путешествиями по диким пустыням, а между тем, сказать по правде, я до сих пор не делал ничего, кроме легких переездов. Что касается отправления в Бомбей, я отказываюсь от классического, по однообразного плавания по Инду и предпочитаю ему Раджпутану и Маратскую область.

Раджпуты и маратхи — воинственные племена, и в их владениях находятся замечательные города... Пахарянки, то есть гималайские горянки, полутибетянки, полуиндианки, напоминают русских женщин в сарафанах, — увешаны кольцами, убраны галунами, некоторые недурны.

Спускаясь с Миссури в Сагаранпор [Сахаранпур], я шел ночью по лесистым окрестностям, подле моего паланкина, и поджидал появления диких слонов, беспокоивших накануне одну путешественницу, которую вместе с двумя детьми несли в паланкине по этой дороге. Слонов я не видал, но Франциск, посланный с пожитками вперед, наткнулся на целое стадо слонов, которые вырывали с корнем деревья и поднимали адскую трескотню. Жеребец под Франциском шархнулся в сторону, сбросил с себя всадника, растянулся сам и сломал себе ногу. Франциск нисколько не смутился, стал на ноги и начал непрерывную стрельбу по слонам; слоны разбежались, и смелый немец освободил несколько несчастных индийцев, носильщиков, запуганных слонами и не смевших показаться из лесу.

* Судьба и скука решили иначе: я исполнил удивительные воздушные пляски.

Симла, 18 мая 1842 года

Уже 3 дня, как я здесь и живу в хорошеньком домике, построенном в лесу на живописном склоне горы. Я нанял весь этот дом (в нем 6 комнат и 2 маленьких зала для ванной) на все лето за 600 рупий. У меня множество черной прислуги, стоящей очень дешево: человек до 20 кроме Франциска и Федора. У меня 3 лошади, паланкин, защищаемый от солнца и от дождя пропитанным маслом полотном, заменяющий здесь клеенку. Я занимаюсь одеванием бедных носильщиков моего горского экипажа, которые все почти голые. Одеть их с головы до ног стоит мне 12 франков на брата.

Симла — превосходное нагорное место, покрытое лесами рододендронов, елей, сосен и дубняка. Чтоб иметь всегда молоко, я купил 6 коз. Кроме того, у меня есть индийский повар, который очень посредственно готовит ростбиф, маленький запас пива и бордоского вина и надежда быть здоровым. Симла похожа на Баден-Баден. Дома разбросаны по лесу, по окраинам пропастей и по вершинам гор. Здесь находится до 50 английских джентльменов, до 100 английских дам и множество детей. Все это общество стекается сюда для избежания верной смерти, грозящей обитателям равнин. По большей части оно состоит из гражданских и военных чиновников Ост-Индской компании и из чиновников королевских⁹⁴. Все мое время проходит в снимании портретов, в езде на лошади, в переписке с тобой, в надзоре за уборкой комнат и в чтении «Дон Жуана» Байрона. Иногда получаю приглашения на обеды или на завтраки, а иногда на целый день болтовни к дамам, с которыми я познакомился нынешней зимой в Агре, Дели, и прочее. Часто также прогуливаюсь в паланкине, называемом джомпон⁹⁵.

В Симле живет замечательный человек, истый англичанин Гамильтон. Он — комиссионер, который доставляет путешественникам дома со всей утварью и очень удобные временные помещения со столом. В Симле клуба нет, но Гамильтон собирается открыть свой клуб дня через 3. Есть у него здесь и лавка, в которой можно найти все жизненные потребности. В Симле придется мне пробыть месяцев 6 безвыходно и во все это время делать только небольшие поездки в горы. Главнокомандующий англо-индийскими войсками также прибыл в

Симлу; это тот самый генерал, который стоял лагерем на границах Пенджаба.

Здесь начинают топить печки, и я подражаю прочим обывателям Симлы; это дает тебе понятие о здешнем климате. Вокруг моего дома тянется лес, и дикие обезьяны прыгают по ветвям, отыскивая в траве и кустарниках землянику и малину. К дому подходят они очень близко и всегда целым стадом штук по 100. Ростом они с 14-или 15-летнего мальчика, шерстью иссера-белые, с черным рылом и с длинными, загнутыми кверху хвостами. 3—4 дня они удостаивают меня своим посещением и не отходят от дому целый вечер и всю ночь, словно держат меня в осаде. Франциск в восторге: весь предался изучению зоологии и беспрестанно подговаривает горцев ловить ему всевозможных животных. Теперь у него целое гнездо попугаев, которых он выкормил, и маленькая, резвая лань, тщательно выхоженная. Хочется ему обзавестись шакалом и взять его с собой в Россию; но шакалы до того дики, что до сих пор не удалось поймать ни одного.

Федор устраивает в неприступных пропастях западни, только все неудачно. Хорошо бы было привезти с собой слоненка в сбруе по сикхскому или маратхскому образцу, да дорого будет стоить: слонята много едят, очень нежны, и притом вряд ли согласятся взять слоненка на парокход. Ежели бы и взяли, все-таки он не перенесет морского путешествия. Франциск до тех пор не хотел верить, что в индийских лесах водятся дикие слоны, пока на него не напало целое стадо и пока испуганный конь не свалился в ров.

[Ему же]

Симла, 7 июня 1842 года

Мочи не стало жить в этой Симле, в этом гималайском Карлсбаде: точно карантин. Известий ниоткуда. Вот уже бог знает сколько почт поджидаю я писем из Европы, поджидаю с лихорадочным нетерпением — и все ничего. Сотни посланий, адресованных мною через Бомбей и Марсель на имя Ротшильда, сотни других, адресованных мною через Бомбей и Лондон на имя Гармана, словно в воду канули.

Извини, мой друг, что я тебя беспокою и отрываю от дела; но денег у меня под исход, и, ежели я месяца через 3 не получу никакой суммы, сяду совершенно на мель. Ты можешь сказать, что я делаю издержки не по карману, потому что в сентябре прошлого года я получил 9 тысяч с чем-то рупий от Штиглица и в то же время 10 тысяч франков от тебя; но эти деньги не все истрачены, а только подходят к концу. Писал я к Форбсу и поручал ему обратиться к Ротшильду с просьбой уведомить тебя о моем положении: надеюсь, что это распоряжение будет самое верное и что ты вышлешь мне что-нибудь. Лучше всего пересылать через Ротшильда или Гармана на имя Форбса в Бомбей, из Бомбея деньги пойдут на имя Гамильтона в Агру, секретаря агрского вице-губернатора, а с Гамильтоном я в непрерывных сношениях. Жена Гамильтона в Симле; я с ней часто вижусь, и Гамильтон аккуратно доставляет мне через нее письма. Вот тебе целое вводное предложение, и притом очень плачевное. Впрочем, повторяю еще, что необходимости в деньгах я в настоящее время не чувствую, а только предохраняю себя от будущей нужды. Вообще я очень бережлив и разоряюсь только на рисунки, разумеется индийские.

[Ему же]

Симла, 30 июня 1842 года

Плодов в горах очень мало, но недавно я имел случай добыть себе из равнин несколько манго. Хотя я и не большой охотник до плодов, однако потребил их значительное количество в виде лекарства. Манго — смолистый плод, [...] далеко не так прохладителен, как я думал, несмотря на то что в Индии он считается лучшим из плодов. Замечательнее всего чернослив, до которого ты большой охотник. В английских лавках можно найти превосходный французский чернослив, но сельтерской воды здесь не найдешь нигде, она заменяется содовой.

Фагу, в Гималаях, 17 июля 1842 года

Я теперь похож на голодного, который после долгой выдержки потерял способность есть и вдруг наелся по

горло. Целый день я пересчитываю различные письма и пересчитываю деньги. Дурных новостей, слава богу, нет, и я — точно в чаду; но дай мне успокоиться и пописать с плеча, я отвечу на все письма обстоятельно, тем более что почта в Европу отходит в начале будущего месяца.

Симла надоела мне до невозможности, и я, несмотря на непрерывный дождь, решил было с капитаном Торлоу углубиться в гималайские ущелья. К сожалению, мы не сошлись в маршруте, и я отправился не с Торлоу, а с капитаном Макшерри. Поехали мы за 30 верст от Симлы в глубь Гималаев, в местечко Кери, на ярмарку. Едва успел я разбить там свою палатку, как получил целую кучу писем и денег. Я написал, что мы поехали на ярмарку, но мне следовало написать — на праздник в честь богини зла и крови, Кали, которой здесь выстроен храм. Около 2 тысяч пахари (индийское слово, означающее «горец») собралось сюда на астрономическую и религиозную пляску; женщины кружились медленно и сладострастно, мужчины делали порывистые движения, махали саблями как безумные и пускали друг в друга тупые стрелы, от которых все-таки приходилось плохо. Вся эта сцена происходила в 8 тысячах футах над уровнем Индийского моря, под навесом сосен, увешанных гнездами попугаев.

Пахари — престранное племя, чрезвычайно честное. Живя в более суровом климате, они гораздо белее индийцев, обитающих на равнинах и черных, как негры. Черты лица, движения и наряд пахари резко отличаются от обитателей равнин: глядя на них, вспоминаешь европейца, русского, болгара, финна, малоросса. Всякий раз, как я встречал в толпе хорошенькую женщину, я старался растолковать, что желаю снять с нее портрет, и всякий раз горянка выходила с важным видом из толпы и недвижно становилась передо мной, а ее соотчичи с уважением смотрели на мою работу. Сняв рисунок, я подавал подлиннику рупию, и горянка принимала ее краснея, но с каким-то достоинством, с какой-то изящной торжественностью. И немудрено: туземцы думают, что снятие рисунков составляет прямую обязанность моей касты... В Индии все каста... Получив письма, я оторвался от религиозной пляски и поехал в Симлу. Теперь я на дороге и остановился в местечке Фагу. Дождь льет ливнем... Завтра утром через Магассу, мрачный сосновый бор, я доеду до Симлы. [...]

Теперь я Крез. Скажи, пожалуйста, чтобы мне не высылали больше денег, по крайней мере не давали комиссий: 18 тысяч рупий составляют неистощимое богатство и заставляют снова мечтать о старом предположении отправиться на юг Персии. Но нужно быть благоразумным.

Мои сикхские и индустанские рисунки могут быть литографированы так же хорошо в Париже, как и в Калькутте, потому что характер Калькутты и Бенгалии, до некоторой степени похожий на Цейлон, на Кормандельский и Малабарский берега, не имеет никакого сходства с характером сикхским и индустанским: первый напоминает средневековый, а второй — восточный стиль. И тот, и другой парижане понимают очень хорошо.

Пахарские девушки (индустанские) добродетельны до невероятности; но их не увлекают потому, что они вовсе не привлекательны, грязны и дурны. Зато магметанские горянки очень недурны и очень чисто-плотны.

Но что за обширная страна эта Индия! Решительно нет никакой возможности осмотреть все достопримечательности: нужно для этого родиться Геркулесом. [...]

Несмотря на мое влечение к Персии, Индия все-таки занимательнее. Теперь меня очень может занять описание Индии с приложением надлежащих рисунков. Не поверишь, как два-три слова, написанные тобой, ободрили меня в минуту отчаяния. Помнишь, ты мне писал, что я должен снимать как можно более рисунков, и прибавил к этому несколько советов, которые совершенно оживили меня. С этих пор я считаю обязанностью рисовать и рисовать! Хорошо ли, худо ли, но все-таки утешаю себя мыслью, что, если мне суждено срисовать эти чудеса природы, я должен приступить к моим занятиям как можно добросовестнее. Иначе я был бы презренным в твоих глазах и в моих собственных. И вот я вооружился карандашом, и приходит иногда в голову, что мои наброски недостойны окружающей меня величественной природы; все же я поставлен в исключительное положение: другого рисовщика здесь нет, и карандаш мой окрыляется.

Одно приводит меня в отчаяние: англичане совершенно не понимают сочетание линий, которое для меня так

же необходимо, как сочетание звуков для музыканта. Они только тогда довольны моей работой, когда я снимаю с кого-нибудь из них портрет, а на остальные мои рисунки смотрят, как на какое-то притязательное ребячество.

Мне некому показать мои наброски, не от кого получить одобрения, а для художника нужна большая решимость писать только для себя. Впрочем, я сознаю свое ничтожество и хватаюсь за это извинение, как утопающий за соломинку.

Я писал тебе несколько раз, что отдал литографировать в Калькутте мои мадрасские, цейлонские и малабарские рисунки, но до сих пор нахожусь в большом недоумении, потому что не получил еще из Калькутты никакого известия. [...]

[Ему же]

Симла, 14 сентября 1842, вечером

Я получил известие из Калькутты о моих рисунках и на этот счет, благодаря богу, теперь спокоен. Я совершенно готов к путешествию в глубь Гималаев и думаю отправиться завтра; кажется, ничто меня не задержит. Много труда стоило мне набрать людей для переноски моих пожитков; но теперь хорошо ли, худо ли, я все устроил. Сюда приехал лорд Эленборо⁹⁶, потому что летом Симла делается столицей Индии. Я его встретил на улице и оставил у него визитную карточку, но еще не был ему представлен, да, кажется, и не буду за неимением времени. По возвращении я постараюсь его увидеть, тем более что он привез мне от барона Брюнова⁹⁷, нашего посланника (в Лондоне), незапечатанное письмо, в котором последний рекомендует меня генерал-губернатору.

Это маленькое путешествие будет продолжаться не более 5 недель; потом я думаю отправиться в Лудиану и Фирозпур, оттуда по Инду в Бомбей, потом в Египет, потом в Гасту и т. д. — словом, туда, где находишься ты. В каком-то положении застану тебя? Бог знает; надеюсь только найти тебя. Я здоров.

Здесь г-н Кларк, тот самый, который показал мне Пенджаб и который продолжает оказывать мне различные услуги. Это один из индийских вельмож по своему

положению, уму и светским обычаям. Прощай, надеюсь, что о тебе заботятся.

[Ему же]

Путешествие в Гималаи, сентябрь 1842

Из Симлы я поехал в глубь гор на муле, принадлежащем г-ну Кларку. Так я путешествовал 8 дней; но на 9-й день дорога сделалась непроходимой даже для мула, и я должен был его оставить. Не было ни следа дороги; кругом — отверстые пропасти и острые скалы. Срубили дерево, сделали из него шест, под которым подцепили меня в войлоке, свернутом как гамак; таким образом несли меня 12 горцев, то поднимаясь под облака, то пропадая вместе со мной в мрачных пропастях, как будто нам нужно было проникнуть во внутренность земли. Долго продолжался этот молчаливый и трудный путь; наконец «в одно прекрасное утро» меня вынули из гамака. Каков же был мой ужас, когда я увидел, что дорогу мою преграждала какая-то стена, что меня окружали пропасти и черные скалы! Но добрые горцы взяли меня под руки, опутали веревками и принялись тянуть к небу, вдоль отвесной стены, скрывавшейся в облаках, поддерживая друг друга и приглашая дрожащим голосом осторожнее становиться на выступы скалы. Они кричали:

— *Хабердари си раста бахут хараб!* («Берегись, дорога дурна!»)

Это страна вечного снега, [...] Чем более я поднимался, тем холоднее делался воздух, тем мертвеннее становилась природа; между тем и в этой стране солнце индийское было невыносимо. Меня несли несколько часов, и все это время я висел на воздухе над неизмеримыми пропастями; я не глядел вниз, боясь, что у меня закружится голова. Наконец, весь изломанный, я достиг вершины горы и находился на 15 тысячах 284 футах над уровнем моря*. Тут меня положили на камень. Взглянув на противоположную сторону, я увидел обширное пространство вечного снега, покрывающего довольно крутой склон горы; перед моими глазами была уже не Индия.

Было холодно; меня охватывал пронзительный ветер. По склону нельзя было сойти, потому что он был очень

* Монблан, как известно, ниже.

крут и скользок. Поэтому я сел на гамак, меня толкнули, и я покатился, как в России на масленице, с ледяной горы, правя руками и ногами, и благополучно достиг подошвы горы. Но не так дешево отделались бедные носильщики моих пожитков; они катились в беспорядке со всех сторон, вместе с бутылками, корзинками и прочим, утки и курицы разбежались по снегу; Федор их преследовал и находил видимое удовольствие валяться в снегу, напоминавшем ему родину. Франциск был уже внизу и гордо смотрел на переиденный Борендо; потом уже для собственного удовольствия полез на другую часть горы, еще более высокую. Вечный снег занимает пространство около полуверсты. Опять надо было с трудом проходить между грудой скал по снегу, под которым весьма часто слышится шум источников. Наконец я увидел первый признак растительности — тощую берсзу, из которой вырезал себе палку (я еще не видел в Индии этого дерева). Тоска по родине выжала у меня слезу, и я продолжал свой трудный спуск.

Только к ночи достигли мы соснового леса, 4 тысячи футов ниже Борендо; раскинули палатки и остались ночевать. Франциска со мной не было. Неутомимый и точный немец продолжал свой путь до следующего роздыха, следуя строго маршруту, данному ему в Симле; этот маршрут оказался, впрочем, неточным. Со мной был термометр. Утром, до восхождения солнца, в моей палатке было 6° холода по Реомюру; это было в конце сентября, когда в равнинах Индии стоит нестерпимая жара. На вершине Борендо, я думаю, холод доходил до 12°. Чтобы умыться, я должен был раскалывать лед. Когда взошло солнце, я опять посмотрел на термометр: он показывал 16° тепла в тени палатки; на солнце жар доходил до 30°.

На другой день я опять начал спускаться (мы были в Канаурской долине, в Тибете). В продолжение 4 дней я бродил по этой очаровательной стране таинственных долин, под темными аллеями виноградников*, отдыхая на свежей и пахучей траве, в бесконечной тени гигантских деревьев (обхватов в 10 толщиной), под музыку светлых ручейков.

Возле меня паслись тибетские коровы с густыми хвостами и тонкошерстные козы; мирные жители радушно предлагали мне корзинки с виноградом, составлявшем

* В Индии я нигде не видал винограда.

вместе с утками единственную мою пищу. Мои люди, уже забывшие ужасы перехода Борендо, углублялись в виноградники, ели вкусные гроздья и купались в светлых каскадах. Живописные канаурские деревни прятались в виноградниках. Но пора было оставить эти очаровательные места. Верные и преданные горцы за самую умеренную плату опять потянули меня на веревках по воздуху, через пропасти и скалы, казавшиеся с первого взгляда неприступными.

На четвертый день я переправился через неукротимый Сатледж, который низвергается между двумя пятиверстными стенами Гималаев. Через этот водопад переправляются не по воде, а по воздуху, с помощью веревки, перекинутой с одной стены на другую. На тройной веревке я быстро был спущен в эту трещину или пропасть, так что только мельком мог взглянуть на яростный поток, ревевший подо мной. Наконец я достиг Чини-Гонга, последней доступной страны: дальше идет уже Китайская империя. Но так же как и в Палангене, напрасно будут искать в Чини-Гонге китайского отпечатка. Тут, впрочем, можно встретить татар и татарок с длинными калмыцкими лицами, покрытых, как сибирские шаманы, варварскими украшениями; они пасут стада коз, из которых каждая покрыта чепраком и носит на себе легкую тяжесть — муку или какие-нибудь съестные припасы.

В Чини-Гонге я поместился в какой-то развалившейся хижине, стоявшей вблизи любопытных храмов. Я снимал с них рисунок, а между тем из-за ограды и с причудливых балконов этих храмов до меня долетали громкие, но печальные звуки медных гонгов. Странное сходство этих деревенских зданий со швейцарскими сырнями производит какое-то особенное впечатление. Из убежища, в котором я теперь находился, сцена перехода Борендо представлялась мне во всем своем ужасе. Через редкую атмосферу этой страны, возвышающейся почти над всей остальной землей, резко, как театральная декорация, выдавался передо мною бесконечный лабиринт черных скал, зияющих пропастей и вечных снегов. Вид уединенного, покрытого снегами Борендо тяжело сдавил мне грудь; а между тем, когда я переходил его, я ничего не чувствовал, кроме усталости, холода и трудностей пути. Не такова ли и смерть? Вскоре черные облака быстро сгустились над горами, которые я переходил: в этой печальной стране устанавливалась зима. Мы слышали, как снежные обвалы падали один за другим и завали-

вали гибельный Борендо... Гималайские ворота запирались... Счастье мое, что я успел перейти Борендо четырьмя днями раньше.

Рампор [Рампур], 8 октября 1842 года

В Лагоре я находился на расстоянии 15 переходов от Кашемира; теперь от Рампора осталось только 14. Быть так близко от Кашемира и не сметь туда отправиться! Что делать... Между английским и сикхским правительствами заключено условие, в силу которого никто, идущий из провинции Компании, не может без английского дозволения вступить в Кашемир; а без этого дозволения, которое трудно получить, Наверное, будешь искрошен в куски сикхами. Дело в том, что в Кашемире нет никакой безопасности. Там не уважаются никакие повеления: ни лагорского короля, ни английского правительства.

Сатледж течет перед моими глазами. Противоположный берег, принадлежащий свирепым сикхам, состоит из отвесных утесов, лоскно-черноватых и серебристых. Во всей этой части Гималаев изобилует тальк и встречается, особенно возле Борендо, множество гранита. Я пишу тебе на дороге... Мои носильщики вдруг с ужасом бросаются в сторону: большая змея лежит на дороге, подняв голову: в ней 2 или 3 аршина длины. Мы проходим мимо, потому что индийцы не убивают этих гадов.

Рампор живописно обрамлен утесами. Городская архитектура смахивает на китайскую. Станные резные деревянные украшения покрывают дома темного, серого и дикого ⁹⁸ цвета. Гипсовые крыши, сходящиеся по-китайски в острый клин, придают еще более строгости общему характеру зданий. Пагода, странно украшенная деревянными изваяниями, старая стена ограды из почерневших от времени камней и прочный темно-серый дом без окон, с остроконечной крышей и решетчатыми переходами, скрытый олеандровыми и рододендроновыми ветвями, привлекли мое внимание, и я направил было к ним шаги; но меня остановил сторож, сказав, что этот дом — убежище жен здешнего раджи, который находится теперь в другом сельском приюте.

Я поместился в дарбаре. Дарбар — род навеса с деревянными столбами, возвышающегося над городом. В этом дарбаре раджа во время своего присутствия решает дела страны; однако я предпочел отобедать в своей палатке, куда и были принесены бараний суп, рыба сат-

леджская, утка, вместо хлеба индийская лепешка, называемая чапати, по бутылке рейнвейна и портвейна и несколько бутылок пива. При этом было достаточно сардинок и масла, сохраняемого Франциском с особенным искусством. Со мной обедает капитан армии Индийской компании Жак. Провизии у него вдоволь.

Вечером я крепко заснул. Пробудившись ночью в темной палатке, я никак не мог припомнить, где я нахожусь, но скоро услышал звуки гонга и рога горского брамина. Эти странные звуки, смешанные с шумом реки, напомнили мне, что я нахожусь далеко от тебя. Желтоватый свет начал проникать в мою палатку; жалобный крик павлина возвестил утреннюю зарю.

Я отправил свои пожитки в Готгер, через Датнагор. Палатки были сняты, и я отправился в путь по ровной дороге и не в походном гамаке, а в удобном паланкине, в котором можно поворачиваться как хочешь. Какой-то жалкий, обнаженный акали, печальный представитель грозной пенджабской секты, протягивал ко мне свою иссохшую руку; я подал ему несколько пайс (медная индийская монета), на которые он, вероятно, купит себе опиуму, чтобы поддержать упадающие силы и продолжить хотя немного свое жалкое существование. Несмотря на его бедность, по его осанке видно было, что он гордится принадлежностью к этой страшной секте.

Мы следовали по течению Сатледжа; вся страна была покрыта мелким кустарником. В одном месте из куста вылетел муналь, фазан с голубыми, золотистыми перьями. Мет, начальник носильщиков, выстрелил в него из ружья; но уже было поздно: благородная птица скрылась в «джунгле». Некоторым индусским кастам позволено бить дичь, потому что сам бог Рама жил в лесах и питался фазанами, павлинами и пр.

Вскоре начали показываться крокодилы, эти отвратительные и коварные животные, притворяющиеся мертвыми, чтобы вернее схватить свою добычу. Вот что я узнал о крокодилах. Когда приближается время детенышам вылупливаться из яиц, крокодилы—самец и самка—отправляются в то место, где лежат их яйца, и разбивают их; выскочившие детеныши бросаются в реку, а за ними тотчас отправляются туда же их родители с намерением пожрать своих детей.

Мы находимся в двух переходах от Симлы; я пишу на постели. Кажется, нынче 15 октября. Невзирая на все мои предосторожности, я схватил на Борендо сильный

насморк, да и все почти мои горцы также страдали им. Весьма трудно уберечься от насморка в этих быстрых переходах от жары к холоду. Но теперь я с ним разделался. Большую часть дороги я иду пешком, когда не очень жарко, или еду на муле, которого, «как выше было сказано», я должен был оставить по причине дурной дороги. Пустынное место среди гор, в котором мы теперь находимся, называется Матиана. Завтра или, лучше сказать, нынче я буду в Фагу, другом пустынном месте, а оттуда через магасский лес прибуду в Симлу, в которой думаю пробыть не более 7 или 8 дней, и отправлюсь через Нан в Дели. В Дели думаю представиться Моголу и купить некоторые вещи. Из Дели поеду в Лудиану и Фирозпур, а оттуда по Инду в Бомбей, потом в Гаэту или Париж — словом, к тебе.

В Гималаях я собрал любопытные женские украшения — металлические запястья и наножики древней и весьма странной формы. Это огромные и весьма тяжелые уборы. Покупал я их у женщин, встречавшихся в долинах, платя за них одну или две рупии дорожке настоящей цены. Мои индийские люди служили мне при этом посредниками, и иногда им стоило большого труда уговорить этих красавиц уступить мне их тяжеловесные драгоценности. Они сперва говорили, что мужья или матери будут их за это много бить; но переговоры всегда кончались уступкой. Тогда начиналась новая история — надо было снять эти кольца: женщину клали наземь, и около полдюжины людей клещами, ножами, топорами и другими инструментами, которые всегда носят при себе горцы, начинали снимать с рук и ног тяжелые украшения. Видя их за этой работой, можно было подумать, что присутствуешь при пытке.

Я сохранил эти запястья и наножики в том виде, как они были сняты на моих глазах, и ты, без сомнения, удивишься тонкости рук и ног этих горянок, слывающих, и весьма справедливо, более сильными, чем женщины индийских равнин. Некоторые из горянок были очень недурны и краснели: в нагорьях цвет кожи гораздо белее. Но зато в последней деревне, поблизости Борендо, почти все горянки изуродованы зобами. Зобы весьма часты в Гималаях, так же как и сифилитическая болезнь, которая имеет здесь свой особенный характер и называется черной. Целые поколения бывают поражены этими ужасным ядом. В деревнях часто увидишь одного из несчастных, пораженных этою болезнью; они лежат где-нибудь при

дороге на камне и умоляют о помощи, но — увы! — какая помощь может быть им оказана.

Итак, ты видишь, что на Гималаях живет не очень здоровый народ; но надо сказать, что нечистота тела и одежды гималайцев превосходят всякое вероятие. Жители по большей части хилы и едят только лепешки из дурной муки, а между тем и свойством природы, и бедностью принуждены бывают исправлять тяжелые работы, превышающие их силы. Сверх этого, говорят, для поддержания своих сил они употребляют опиум или какое-нибудь другое вредное возбуждающее. Их религия — самое грубое идолопоклонство. Однажды я видел отвратительного истукана с длинными волосами в бахромчатой юбке, привязанного к чему-то вроде носилок; два часа сряду раскачивали его, бог знает с какой целью, два человека, с которых пот катился ручьем, потому что тяжесть истукана была им не по силам; вокруг стояло множество народа, и все они дули в огромные трубы, колотили в барабаны и медные цимбалы. Это происходило возле одного деревянного сельского храма. Множество женщин, покрытых цветами и грубыми украшениями, должны были плясать в честь идола с серебряною головою. Но я не видел пляски, потому что она должна была начаться ночью, при свете факелов, а я в это время обедаю. Привлеченный шумом, я пробрался сюда по лесу через довольно глубокий овраг. Они еще качали своего идола, когда я полез назад, к своим палаткам, раскинутым в великолепном сосновом лесу и окруженным чудными картинами Гималаев. Капитан Джек ждал меня обедать. Мое намерение было путешествовать одному; но я не мог отказать себе в удовольствии иметь спутником капитана Джека, веселого собеседника и отличного художника.

Я возвратился в Симлу; мое путешествие продолжалось месяц без дня. В этот же вечер я был на балу, который давался по случаю разбития афганцев, освобождения всех пленников, взятия Нанкина⁹⁹ и мира с Китаем. Я похож был на человека, возвращающегося из Вятки к петербургскому двору.

[Ему же]

На дороге между Симлою и Дели, 1 ноября 1842

Наконец я расстался с Симлой и еду по дороге в Дели. Я проеду через Нан, красивое местечко, как меня

уверяют. Там есть независимый раджа. Теперь я спускаюсь с Гималаев, и Нан лежит не скажу в горах, а на холмах Гималаев. Из Нана я поеду в Дели, где займусь делами — моими и твоими, то есть рисунками и оружием. Может быть, мне удастся увидеть Джайпур, находящийся не на большом расстоянии от Дели. Джайпур — резиденция раджи; этот раджа также более или менее независим, город замечателен в архитектурном отношении; он лежит в стране, называемой Раджпутаной, землей раджпутов. Эти раджпуты составляют и касту, и нацию, так же как сикхи и маратхи; их встретишь по всей Индии.

2 и 3 ноября 1842 года

Видел я этот Нан, или лучше сказать, и я теперь нахожусь в нем. Это дрянное местечко, не представляющее ничего любопытного для знатока. Мне неправильно сказано имя этого города: он называется здесь Нэн; англичане, как ты знаешь, большие искусники ставить *a*, где надо *e*, и наоборот.

Меня ввели в загородный дом, куда тотчас же для свидания со мной приехал верхом на красивой лошади раджа в сопровождении целой толпы. Впрочем, в его особе не было ничего величественного; даже он имел вид менее благородный, чем большая часть из тут же стоявших людей, хотя на нем были огромные золотые запястья и жемчужные подвески; в особенности безобразны были его ноги. Вечером я отправился в дарбар (зал для приемов), и раджа показал мне свой дворец, очень красивый, свои французские рисунки, подаренные ему бог знает кем, и тигра, которого он держит у себя на дворе.

Вся эта нижняя часть Гималаев, которую я нынче прохожу в последний раз, — вся эта часть Гималаев: Симла, Миссури, Сабангу и прочие — была наводнена непальцами, жителями столицы Непала. Англичане, придя сюда, побили непальцев, выгнали их из этой страны и восстановили прежних законных раджей. В том числе был и нанский раджа, который поэтому состоит под покровительством англичан и страшно их боится. Говорят, что здесь недавно [...] вспыхнуло возмущение. Нанские поселяне, выведенные из терпения, вооружились пиками и заняли высокую черную гору, вершина которой, видная отсюда, отчасти покрыта снегом.

Там, подобно древним римлянам, не знаю при каком случае (ты, вероятно, знаешь лучше меня), они храбро защищались и не хотели сойти... Эти жители принадлежат к раджпутскому племени; очень терпеливы и покорны, но воинственны. Раджпуты — главная воинственная индийская каста. В английских сипаях находится много раджпутов, и там, как и везде, впрочем, они ценятся очень высоко. Г-н Кларк, под непосредственным покровительством которого состоит нанский раджа, обвиняет раджу в притязательности, грозит сократить его власть и лично хочет приехать, чтобы побороть раджу. Кларк посоветовал мне заехать сюда и дал мне даже письмо к радже, поручив сказать, что он и сам скоро будет. Вследствие этого несчастный раджа дрожит передо мной как осиновый лист, и величает меня не иначе, как «Кудавен» («Божество») и «Хузур» («Величество»). Разумеется, наши сношения не могут быть очень занимательными, и потому я спешу выехать в Амбалу, первый город, лежащий на равнине; там меня дожидается паланкин, в который меня герметически упакуют и таким образом препроводят в Дели. Оказываемые мне знаки уважения заставляют тебя смеяться; но знай, что у здешних индийцев до высшей степени развито чувство уважения. Более всего они любят приветствия, «кланяться», как говорил наш покойный гувернер Буатё. Но если мне попадаетея по дороге прохожий, тотчас же спешит отойти в сторону, снимает башмаки и прикладывает руку ко лбу или складывает обе руки, говоря: «Рам-рам», ежели он индус, и «Селям», ежели магометанин. Впрочем, магометан здесь очень мало. Самый неучтивый из прохожих и тот непременно снимает при встрече башмак.

Амбала

9 горцев принесли меня сюда в паланкине, называемом «джомпон». Я отослал их в горы, отдав им паланкин, который стоит до 130 франков. Прослужив мне только одно лето, он еще довольно нов и составляет для носильщиков выгодный подарок. Сверх того я оставил им всю одежду, которую им сделал, когда брал их к себе на службу (гранатовые сюртуки, красные панталоны и розовые тюрбаны). Я живу в красивом домике, принадлежащем Компании, очень хорошо содержимом, с прислугой и продовольствием — словом, весьма удобным. Это загородный почтовый дом. Сам город нелегко донельзя.

Вчера я ночевал близ Шазандора, тоже сикхского города. Вечером я пошел бродить по городу и приблизился к крепости. Но тут меня окружила толпа длинно-бородых сикхов, которые начали уверять меня, что здесь смотреть нечего, что здесь находятся жены местного раджи и сам раджа, но что принять меня он не может по причине старости. Так как я не знал о существовании этого старика и вовсе не имел в предмете его видеть, то и отправился обратно тем же порядком, т. е. в паланкине. Только до самой моей палатки провожала меня многочисленная толпа сикхов; некоторые из них показались мне довольно оригинальными, и я снял с них рисунки. Сегодня утром сквозь купы деревьев, окружающих мой бивуак, я в последний раз созерцал Гималаи, золотимые лучами восходящего солнца. Гималаи, страшные вблизи, представлялись отсюда двумя белыми линиями, неясно обозначавшимися на розовом небосклоне. Кто бы подумал, что под этими нежными красками скрывается Борендо, ужасный и грозный Борендо! Слава богу, я с ним расстался! Что может сравниться с равнинами? Равнины — царство пленительной красоты, для которой бы хотелось иметь 100 глаз и 100 рук, чтобы все видеть и все срисовать, и формы, и линии, и тени, и цвета...

Все это, по мнению англичан, *overwhelming* — «невыразимо».

Дели, 11 ноября 1842

Уже двое суток, как я здесь. Едва успел кончить письмо, сам не свой от красок Индии, в особенности от равнин, как вступил на несколько дней в песчаную, безводную степь. При приближении к Дели не встретишь ни холма, ни пригорка: всюду степь да гладь, песок да эной. Но при въезде в Дели сейчас видишь, что попал в столицу. До почтового двора я должен был проходить базаром; это было в полдень, третьего дня. Ты не можешь себе представить, какое множество купцов осадило меня, только что я успел вылезть из паланкина. Количество оружия и других вещей, которые мне предлагали, было изумительно. Тут были 4 железных щита, за которые просили от 200 до 250 рупий за штуку; 5 или 6 полных вооружений, до 40 сабель и кинжалов, железный лук, разные вещицы из слоновой кости, детский щит и сабля, различные безделки и картины, мучившие меня более

всего. Хорошенькие картинки меня обольщают, а, пользуясь этим, бестии индийцы осаждают меня в продолжение нескольких дней, запрашивая несбыточные цены.

Я не останусь на почтовом дворе, потому что всегда, куда бы я ни приезжал, тотчас же получаю приглашение жить у какого-нибудь английского джентльмена, статского или военного (вот и теперь получил два приглашения), ну а отказываться долго — невежливо. Единственная невыгода этого гостеприимства, при всевозможных удобствах, состоит в том, что англичане живут всегда так далеко от индийских городов, как только позволяют им это их дела. Англичане питают отвращение к шуму, вони и даже виду этих городов, и думают, что города вмещают в себя всевозможные страшные болезни; наконец, они хотят избежать столкновения с туземцами. В своих парках они рассаживают деревья, походящие немного на европейские и напоминающие родину. Чисто европейских деревьев в Индии нет; растут кой-какие на вершинах Гималаев.

На этот раз я отправился к генералу Гюнтеру, который очень добр, приветлив и даже гуляка, но — увы! — живет в 4 или 5 верстах от Дели и находит, что в этом и состоит главная выгода его жилища. У него хорошенькая вилла, крытая широкой соломенной крышей, окруженная прекрасным садом, который трудно было развести на бесплодной почве, окружающей Дели. [...] Вилла тщательно обставлена чиками¹⁰⁰, или прозрачными ширмами, которые защищают от насекомых, не останавливая движения воздуха, но в ней нет стекол и все двери отворены настежь. Опахала, приделанные к потолку, находятся в беспрестанном движении, а это заставляет постигать всю выгоду пресс-папье, потому что без них письма, картины — все бы улетело, даже накладки, парики и другие искусственные прически. Кроме того, как скоро начинается жаркий дневной ветер, во всех отверстиях дома, с той стороны, откуда дует ветер, ставятся ширмы, сделанные из циновок и сильно намоченные холодной водой. Вот в чем состоит роскошь и истинное гостеприимство индо-английское и англо-индийское. К этому надо прибавить превосходные завтраки и напитки, охлажденные селитрой, посредством какого-то особенного процесса, которого я не берусь объяснить; превосходную постель, не очень мягкую и не очень жесткую, со всех сторон тщательно закрытую от москитов,

и, наконец, множество индийских слуг, ходящих босиком по коврам, так, что их совсем не слышно, но во всякое время, как бы по волшебству, готовых к вашим услугам при зове quau-hau! Притом на почтовом дворе чрезвычайно душно, и эта духота в совокупности с насекомыми делает сон почти невозможным. Таким образом, переселиться к генералу мне было очень приятно...

Вчера вечером, когда я садился за свой обед на станции, ко мне подошел один из многочисленных шатающихся ко мне индусских торговцев и с таинственным видом объявил, что недалеко отсюда меня дожидаются какие-то люди. Я последовал за ним, не понимая, чего он хочет, и он привел меня в дом одного старого португальца, находящегося на службе у Великого Могола. Этот португалец, нечто вроде писаки, живет в бунгало, под стенами королевской крепости. Старик, в европейском костюме и в ночном чепце, сидел за чаем со своей женой-мулаткой и с хорошенькой молоденькой дочкой, у которой каштановые локоны спускались по щекам длинными завитками. При моем входе девушка убежала, закрыв лицо руками, но потом скоро воротилась. Меня приняли очень вежливо, расспросили, кто я таков, и предложили чашку чая, от которой я отказался, и стакан пива, который я выпил с удовольствием. Меня представили дочери, мать было заговорила меня; но я скоро удалился, сказав, что меня ждет обед. На дороге индеец намекнул мне, что у этой девушки есть сестра еще прекраснее и что мне стоит только выбрать из них любую.

Вот в чем дело: продолжая расспрашивать индийца, я узнал, что он предлагал мне выгодный брак с этой робкой мулаткой в завитках.

Удивляюсь, как комиссионеры не могут ничего купить; я, со своей стороны, как ни выйду, всегда что-нибудь приобрету, да еще как: за вещь, стоящую у нас 100 франков, заплачу не более 5. Так, например, однажды, гуляя по Амбале, за 3 рупии я купил или, лучше сказать, чуть не насильно вырвал у одного сикха огромную превосходную пику, стоящую, вероятно в 5 раз более. Сперва он долго не соглашался уступить этой пики, потому что она принадлежала не ему, а его господину, какому-то радже; но окружавшие его на базаре люди тотчас же доказали ему, что он глуп и не смеет обкрадывать своего господина, лишать его барыша, и должен продать пику, которая может потеряться или сломаться.

Пробыв в Дели около 10 дней, я теперь снова нахожусь в нагорном местечке, называемом Амбала. [В Дели] я остановился в бунгало, грязном домике, но близко от города. Отсюда я начал свои похождения, отправившись по большой улице, очень длинной и очень широкой, называемой «Чан-ди-Чок», то есть «Серебряный базар»; и в самом деле, эта улица, лишенная прежнего своего блеска, заключает в себе истинные сокровища. Живописцы, оружейники, ювелиры, портные и прочие осаждали меня. В какие-нибудь 8 часов мне сделали два полных одеяния: одно — мужское из золотой парчи, другое — женское, тоже из золотой и серебряной парчи, очень тонкой. В несколько дней мне выковали оружие, неправильно называемое дамасским¹⁰¹, с золотыми, серебряными и другими насечками. Множество оружия я накупил у менялы Нотмана, индуса, человека деятельного до невероятности, когда дело идет о выбарышничании нескольких рупий.

В моих похождениях я встретился с комендантом крепости Великого Могола, английским капитаном, старым моим знакомым. Он предложил мне сесть в его тележку, и я сел; проходя под высокими стенами Делийского форта (стены из красного мрамора)¹⁰², мы слышали отдаленный звон цимбал, смешивавшийся с какими-то другими звуками. Это было шествие Могола, возвращавшегося во дворец. «Шмыгнемте-ка сюда», — сказал он [комендант], показывая на гигантские ворота, под которыми и слон показался бы не больше мыши, с тяжелыми дверями из желтой меди, покрытыми острыми гвоздями. «Шмыгнемте-ка сюда, на первый двор дворца, и мы увидим всю процессию». Сказано — сделано: мы стали под деревом с широкими цветами.

Шум цимбал и других инструментов быстро увеличивался; но только при наступлении ночи появились могольские, по два в ряд, всадники; они въехали в большие ворота, проезжали двор и через другие ворота углублялись во внутренность этой бесконечной ограды. За всадниками, которых было довольно много, следовали носилки и колесницы, запряженные быками; потом ворвалась во двор толпа музыкантов, извлекая из своих инструментов — труб, цимбал и флейт — всевозможные невероятные звуки. Вдруг яркий свет факелов выказал нам сухого старика, со строгим лицом, вытянувшегося

на носилках под балдахином. Это был Великий Могол. Непосредственно за ним следовали в беспорядке 20 слонов, одни с позолоченными беседками, другие с цимбальщиками, гудевшими во всю мочь. Надо отдать справедливость музыкантам Великого Могола: они недаром получают жалованье; их рвение похоже на беснование.

За слонами, выступавшими мерной и раздумчивой походкой, проехало еще несколько всадников с черными знаменами и пр. Потом все смолкло.

Я не сказал, что Великий Могол, сидя на носилках, держал в своей руке крючковатый конец хукки, которую несли за ним.

При бледном свете, в дыму факелов, Могол походил на черноватую мумию, одетую в мишуру.

Комендант предложил мне поместиться у него в крепости; я принял его предложение с удовольствием. Заняв покои над главным входом во дворец, я стал заботиться о представлении Моголу, и мои заботы увенчались полным успехом. В 6 часов утра Его Величество прислал за мной. Следовало спешить явиться на зов, потому что Могол, дряхлый старец, сидел уже на троне, на котором поддерживало его только действие опиума, могущее продолжаться едва только достаточное для церемониала время.

Мы вошли в анфиладу ворот, прошли по нескольким аллеям и вступили на обширный двор, где возвышался трон Могола, под беломраморным, резным, раззолоченным киоском. Едва завидел я его издали, меня заставили сделать три низких поклона, прокричали мое имя и великолепный титул Могола, владыки вселенной, и тотчас же торопливо потащили меня к подножию трона, обнесенного балюстрадой. Вместо многочисленной свиты несколько старых, скудно одетых служителей с серебряными жезлами окружали его. Два мальчика, вероятно близкие Моголу, сидели или, лучше сказать, лежали на ступенях трона. Могол странно двигал глазами своими, то горящими чудным блеском, то тусклыми, как свинец. Мне казалось, что он дрожал.

Я запасся сорокафранковыми червонцами и по обычаю, приблизившись к трону и поклонясь еще трижды, вручил Моголу три такие монеты, которые он принял, положил близ себя и, по-видимому, остался очень доволен. Тогда, подобно тому, как это делается в опере «Итальянцы в Алжире», сановники отвели меня в другой двор, вероятно гардеробный, где навлекли на меня одежду самую

странную, какую только возможно себе представить, сшитую из золотых и серебряных парчей, несмотря на то что эта одежда оказалась непомерно длинной; поверх нее на меня с трудом напялили еще узкую серебряную куртку и сверх шляпы моей напутали чалму из трех длинных концов легкой серебристой ткани; в заключение налепили звезду.

Облаченного таким образом, меня опять торопливо повели к трону. Во время этого перехода я должен был держать длинные полы мои, которые ташились шлейфом. Герольды снова оглушили меня криком, и снова я должен был кланяться и опять вручил три червонца Моголу, который тогда собственноручно возложил мне на голову блистательную диадему, надел на шею жемчужное ожерелье и пожаловал мне почетную шпагу. За каждый из этих даров я всовывал по червонцу в руку его, так, как в Англии делают с докторами.

Этот старец был Бахадур-шах ¹⁰³, потомок Тамерлана. Сухое, длинное, бледное и черное лицо его, орлиный нос, чрезвычайная худоба тела, впалые щеки, отсутствие зубов и редкая, выкрашенная фиолетовой краской борода — все это вместе представляло самую жалкую наружность. Одежда его была из бархата, подделанного под тигровую кожу, и обложена собольим мехом.

Как скоро только было возможно, я бросился вон в этом смешном одеянии публичных танцовщиц, преследуемый криком герольдов, которые провозглашали величие Могола и мою признательность. Меня остановили при выходе и советовали оставить один или два червонца наследнику престола, шепнув мне, что наследник, к крайнему его сожалению, не мог присутствовать при моей аудиенции, но что я с моей стороны очень кстати могу предложить ему червонца два и это будет [знак внимания] и ему будет очень приятно. Я дал один червонец и прогнал толпу слуг, которые обступили меня с прошениями рупии.

Не полагая слишком высокой ценности этим подаркам павшего Могола, я все-таки не ожидал, что, снимая великолепную диадему, увижу что-то подобное сусальному прянику из самого дряного стекла, так дурно слепленного, что оно разваливалось в руках; я должен был тотчас же отдать кое-как чинить ее на тамошнем рынке. Жемчужное ожерелье было также из стекла, но парча, вероятно, серебряная, потому что в Дели, без сомнения, не проникло еще искусство делать мишуру. Как ни были

ничтожны эти дары, но английский путешественник обязан бы был представить их в пользу Индийской компании. Мне, как иностранцу, дозволено было сберечь их на память. Предлагали даже получить за эти подарки деньги из казны Его Величества, рупий 40; я отказался, потому что мне хочется сберечь на память это тряпье.

В тот же день я узнал страшные подробности о Моголе. Он неограниченный властитель только в своей крепости, похожей на московский Кремль, обнесенной высокими зубчатыми стенами, с мраморными башнями в мавританском вкусе. Остальные его владения принадлежат англичанам, которые выплачивают ему до 4 миллионов ассигнациями в год; при дурной распорядительности и огромном семействе Могола эта сумма слишком незначительна.

{Ему же}

В дороге между Дели и Фирозпуром, 30 ноября 1842

Взобравшись на самый верх моей башни, я был поражен величественной картиной Дели. Мне пришлось в голову снять вид города, но едва успел я разложить бумагу, как на нее опустилась пара резвых попугаев, приютившихся под крышей моей обсерватории. К счастью, они вовремя снялись с места, и я мог продолжать мое намерение и рисунок. Француз сказал бы каламбур: *dessein* [«намерение»] и *dessin* [«рисунок»]. Беспреданно окруженный роем попугаев, я набросал полный, но не вырисованный снимок с города и передал его двум туземным художникам, поручив им снять с него две копии, пополнить недостатки и прислать мне рисунки в Фирозпур. За каждый рисунок, по условию, я должен заплатить по 200 рупий, и то в том случае, если рисунки мне понравятся. Сообщаю тебе эти мелочи для того, чтобы показать снисходительность индийских художников*.

Это письмо я пишу в дороге. Был я в Лудиане; провел там 2 дня, а теперь проезжаю Дхарамкотту, деревушку во владениях Шер Сингха, который выстроил здесь, на полпути от Лудианы к Фирозпуру, небольшой [приют] для англичан, путешественников. Переход от Лудианы к Фирозпуру в почтовом паланкине длится целые сутки и невыносим под знойным небом; поэтому приют,

* Замечу кстати, что рисунков я не получал.

устроенный Шер Сингхом на полпути, невыразимо отраден для усталых путников. Завтра буду в Фирозпуре.

Фирозпур, 5 декабря 1842 года

Фирозпур похож на огромное пыльное море, разливающееся по безграничному, ровному дну, усеянному норами крыс, скорпионов и змей. Длинные вереницы верблюдов выются по этому морю, как тени. Фирозпурская равнина кажется с первого взгляда мертвой пустыней, а между тем она кипит жизнью и с часу на час более и более одушевляется представителями Индии.

Местами на этих равнинах раскинуты обширные лагеря. Говорят, новый губернатор Индии, лорд Эленборо, приказал собрать сюда большую часть войска, возвращающегося из похода в Афганистан. Он намерен праздновать здесь недавние победы и вместе с тем устроить торжественное свидание с пенджабским махараджей Шер Сингхом. Если генерала спрашивают, где он стоит, генерал отвечает: «На северном конце такого-то лагеря; 20 минут ходьбы». Чтобы отыскивать здесь дорогу, нужно запастись компасом. По всем этим сведениям ты можешь заключить, что фирозпурская равнина — самое отвратительное место на земном шаре; но политические соображения и близость сикхов (Лагор отсюда милях в 30) избрали Фирозпур сборным пунктом англо-индийских войск.

Фирозпур, 7 декабря

Меня очень забавляет Франциск возней со своим зверинцем и немецкими песнями. Славный малый Франциск: бережет мои пожитки пуще глаза, старается приобретать по самой сходной цене различные вещицы, которые мне нравятся, и во всем руководствуется моими вкусами. Пишу о Франциске, потому что он напевает теперь самонежнейшую «hopp-sassa» [«гоп-ца-ца»]. Я кое-как зарылся в этой пыли; из моей палатки слушаю песни индийцев, сопровождаемые звуками барабанов. Стол мне готовят под открытым небом.

Фирозпур, 10 декабря

Вот мой план. 1 марта 1843 года я выеду из Бомбея в Египет: написал в Бомбей, чтобы мне оставили место на пароходе. Во всяком случае, буду в Египте к концу марта... Теперь собираюсь пуститься в классическое плавание вниз по Инду.

На Инде, 8 января 1843 года

Плыву в Бомбей; из Фирозпура отчалил дней с 9... Плыву настоящим повелителем крыс, которые кишмя кишат в моей соломенной каюте. Нечего и писать о моем отчаянии и страхе. Скажу короче: природа взяла свое, и я заснул непробудным сном под пляску таких огромных крыс, каких нет и не будет нигде. Хотел было в первом встречном городе обзавестись дюжиной кошек, да города-то не попадают у меня на пути. Между тем прошло 10 дней, и я мало-помалу привык к этому содому, который так пугал меня на первых порах. Притом же я пустился на хитрости: поставил подле постели пребольшей барабан, и, только что крысы поднимут возню, я тотчас же ударяю в него, как Норма. Мои мучительницы прячутся по норкам, а я засыпаю на несколько минут, прикрыв чем-нибудь голову. В крайнем случае, когда возня превышает всякую меру терпения, призывается Франциск и расправляется с ними по-своему: принимает грозно-воинственный вид, начинает стрелять из ружья или пистолета, немилосердно колотит саблей по соломе и приводит крыс в окончательный ужас. Иногда и это средство недействительно; но по крайней мере Франциску всегда удается успокоить мне нервы своими комическими выходками. Поутру я запиваю свой перемежный сон бутылкой содовой воды с несколькими каплями хереса, шампанского или портвейна. Через час подают кофе.

Со мной 3 козы, которые дают превосходное молоко: впрочем, ты до него не охотник. В полдень или в час пополудни мне приносят завтрак: крылышко или ножку холодной курицы и «чапати», превкусные и прездоровые для желудка лепешки. Их пекут в одну минуту и подают прямо с пыла, для желающих с маслом. Масло у меня есть; да впрочем, чего нет у меня, кроме хлеба? Мука, картофель, живность, бараны... все есть! Удивляюсь я этим индийцам: встанут с восходом солнца, разведут огонь, сядут у огня на землю, закурят «трубку мира», и, покамест идут разговоры да тянется однообразное, неправильное пение, один из индийцев вынимает из походного мешка зерна и принимается их молоть между двумя камнями. Смелет муку, плеснет в нее пригоршней воды, свалает лепешки, положит на горячий противень,

перевернет раз-другой — и кушанье готово! Поедят, выпьют воды и снова принимаются за «трубку мира»! Варят в котле срочинское пшено [рис], горошек и бобы; все это, приправленное чесноком, составляет для индийца вместе с вышеупомянутыми чапати вкусную трапезу.

В Инде очень много крокодилов. Стрельба по этим чудовищам составляет любимую забаву Франциска и Федора; Франциск стреляет из длинного ружья с сикхским фитилем, приобретенного в Лагоре, а Федор из плохого английского ружья, которое я купил за 30 рупий; как-то на днях они убили сообща огромного орла. С закатом солнца мы причаливаем к берегу, потому что в потемках того и гляди наткнешься на какую-нибудь песчаную отмель. Причалив, выходим на берег, и мои люди предаются обычным дневным занятиям: опускаются на траву и доят коз, режут баранов, а ежели уж все перебиты, покупают у окрестных поселян. Кроме того, делают запас дров и запас травы для коз.

Я в это время прогуливаюсь по пустыне, а с наступлением ночи отправляюсь под музыку шакалов на свою барку и получаю торжественный прием от крыс. Мне подают обед: бараний суп, жареную курицу и картофельный салат с чесноком — верх кухонного искусства Франциска. Все эти блюда сопровождаются неизбежными чапати и орошаются пивом, вином или содовой водой — по усмотрению. К ужину подается еще смородинная пастила, которой я запасаюсь на Гималаях. Ужин часов в 7, потом курю *чкрут* (туземное название манильских сигар) ¹⁰⁴ или «трубку мира» и затем отхожу ко сну.

Дней через 12 с небольшим я надеюсь быть в Бомбее. Не знаю, решусь ли я предпринять пятнадцатидневную поездку к «погребам Эллары» ¹⁰⁵. Видимо, проведу месяц в гордом спокойствии независимости, раскинув стан в виду индийского города. Вот уже два года, как мы жили в Бомбее с Лево-Веймаром и занимали гебрский дом. О Веймаре, конечно, получил известия из Багдада?

Прошло еще 3 дня, и терпение мое относительно крыс сделалось неистощимым: я покорился судьбе и облекся твердою решимостью. Вчера верстах в двух от берега мы увидели город Боглепор [Бахавалпур]. Этот город находится в Мультанской провинции, дома перемешаны с кучками финиковых пальм, похожих на сицилийские. В Боглепоре я приобрел себе кошку и накопил съестных припасов. Теперь у нас в виду другой город — Сакар-Бакар [Суккур]: мы доплывем к нему дней через 5 или

6. Далее будет Гайдрабад [Хайдарабад], но его обыватели уж чересчур свирепы, и я вряд ли решусь выйти на берег. Франциск — другое дело: тот пойдет со своим фитильным ружьем и двустольным пистолетом, осмотрит все и расскажет мне — что и как. Говорят, в Гайдрабаде еще не вывелись из употребления цирковые зрелища: травли диких зверей, слонов, носорогов, тигров и гиен. Отсюда недалеко должен быть Белуджистан: туземец, у которого я купил кошку, сказывал мне, что он белудж.

Не обращая внимания на ружье Франциска, шакалы гурьбой подходят по вечерам к лодке и начинают концерт. Крокодилов и аллигаторов видим каждый день по десяткам и дюжинам; иногда выплывают на ружейный выстрел, иногда ближе. Чем далее будем мы подвигаться, тем больше будет попадаться крокодилов.

Недавно мне показали на мокром песке следы какого-то хищного зверя, по предположению лодочников — тигра. Очень может быть: высокая прибрежная трава, растущая сплошной стеной, представляет тиграм удобные логовища. Инд — не что иное, как стремительный поток грязи, ежегодно переменяющий русло и опровергающий на своем пути все встречное. Непохожий на мирные реки Европы, подчиняющиеся потребностям человека, Инд, этот неукротимый царь пустыни, этот бич Центральной Азии, топит людей, истребляет растительность, сносит деревни и дает приют одним чудовищным крокодилам да подчищает степь шакалов и тигров.

Прощай; пора запечатывать письмо. Сакар-Бакар раскинут в пальмовом лесу и похож на Константинополь в уменьшенном виде. Здесь есть кое-какие пароходы.

На Инде, перед Гайдрабадом, столицей Синда, январь

С тех пор как мы отчалили от Фирозпура, прошло 20 дней; я в это время ни с кем не виделся, а происшествия шли вперед. Ступив сегодня утром на берег, я увидел, что дом резидента, полковника Утрема, пуст и находится в жалком состоянии. Окрестности были мертвенны, как все побережье Инда. Мимо меня прошел туземец и не поклонился. Заметив на нем европейский жилет и рассудив, что индийский изувер жилета носить не станет, я подошел к прохожему и спросил у него, можно ли войти в Гайдрабад, видневшийся вдали. Оказалось, что этот туземец говорит по-английски и был у резидента писцом. Сообщенные им сведения были не слишком благоприят-

ны. Шайка белуджей недавно напала на резиденцию, несмотря на запрещение эмиров. Полковник Утрем удалился. Генерал Чарлз Нэпир приближается к Гайдрабаду во главе сорокатысячного войска; в окрестностях города его поджидают 18 тысяч белуджей. Эмиры не теряют надежды устроить дело миролюбиво. (Эмиров трое; они близкие родственники и царствуют над Синдом вторым¹⁰⁶.) Гайдрабад милях в 5 от берега; можно было достать верховых лошадей и отправиться в город, тем более что отставший писец предсказывал мне удовольствие, которое я доставлю эмирам своим посещением. Тут же я узнал, что некогда Гайдрабад был на самом берегу, но Инд переменял русло несколько лет тому назад. В сопровождении Франсиска, вооружившегося карманным пистолетом, и отставного писца я отправился в столицу этой страшной страны. Мы двигались по глинистой, излопавшейся почве... Город велик и хорошо укреплен; но все здания слеplены из глины и словно подернуты сероватой дымкою: печальный вид...

Навстречу нам попадались обыватели, синдийцы и белуджи; иные ехали на слонах и конях, иные шли пешком. Все были вооружены. У всех бороды были выкрашены красной краской, у всех был грозный вид. Впрочем, они мне кланялись. Проехав длинные, малолюдные базары и купив там несколько раскрашенных деревянных коробочек, я подъехал к крепости, обнесенной зубчатыми стенами и громадными башнями. Белуджистанские воины скрестили оружие и спрашивали у меня, имею ли я позволение на свободный пропуск. Мой проводник повел было переговоры, но я тотчас же положил им конец: мне пришла в голову мысль, что эмиры могут задержать меня заложником как англичанина или как человека, покровительствуемого англичанами. А там кто знает, что ожидает меня? Словом, я не вошел в крепость, несмотря на предложение моего проводника отправиться переговорщиком к гостеприимным эмирам. Я воротился к берегу по тем же базарам, по тем же пустыням и теперь сижу в моей каюте... Жаль, что не видал эмиров*.

* 8 дней спустя завязалась кровавая схватка перед воротами Гайдрабада. Англичане победили, но беззащитные английские поселенцы в Синде все были перерезаны туземцами. В числе прочих погибли больной английский генерал, плывший, подобно мне, по Инду, и английский комиссионер, доставивший мне перевозную барку в одном из устьев Инда — Гара-Бари. Его жена и дети также были жертвами свирепости туземцев... Меня спас бог!

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

[Князю Петру Салтыкову]

Гренада, 3 ноября

[...] Сегодня я осматривал Альгамбру¹⁰⁷. Судя по рассказам, я ожидал большего: Альгамбра — жалкий алебастровый слепок с волшебных индийских дворцов, не только с тех дворцов, которые по мановению Великих Моголов возникли в окрестностях Дели, но даже с дворцов Лагора, порубежного города Могольской Империи. Все, что в Индии изваяно из камня, мрамора, порфира и лазури, в Альгамбре слеplено из алебастра, и притом в уменьшенных размерах. Прошу после этого верить на слово путешественникам. Впрочем, Альгамбра со своими померанцевыми рощами, цветами, виноградными лозами и легкой архитектурой — все-таки прекрасное место. Виноградом я обедался.

Я видел в Персии дворцы, подобные альгамбрскому, но они богаче, чище отделаны и величественнее. В Каире тоже есть здания лучше альгамбрских, только выстроены в более простом вкусе: в Каире арабское зодчество сохранилось еще в своей первобытной чистоте. В Индии то же самое зодчество, но уже гораздо роскошнее в своих подробностях, гораздо узорнее. [...]

[Ему же]

Каир, 22 декабря 1844 года

Стоит прекрасная погода; окрестности покрыты густой зеленью, как у нас в июне; под тенью акаций и сикомор можно проехать верст 5 по гладкой дороге в карете или верхом на осле и добраться до Чубры, вице-кр-

ролевского сада, наполненного розами, ананасами, помегранцевыми и лимонными деревьями.

Днем приходится прятаться от солнца, а ночью не снимать пальто. На два часа пути отсюда находятся большие пирамиды; их видно из моего окна, они поднимаются над первым планом картины, образуемым темной лужайкой Эзбекиа (главное гулянье, на котором выстроены турецкие кофейни); картина прорезывается голубою лентою Нила. С другой стороны Каира тянется печальная, сухая пустыня, усеянная гробницами Мамелюков и более древними и вместе с тем красивыми памятниками: мавзолеями халифов с легкими, тщательно отделанными минаретами. Далее виднеется лес, странное явление в пустыне. С третьей стороны зеленеют обработанные поля, разделенные и размежеванные живыми плетнями кактусов и тенистыми аллеями акаций. Отсюда же виден священный сикомор, под которым, по туземному преданию, отдыхала Пречистая Богоматерь; виден также обелиск, и это место называется Гелиополис. По четвертой стороне идут аллеи различных деревьев и обломки древних стен до самого Нила; при конце находится подземная часовня, в которой, по преданию, долгое время обитало Святое Семейство. Прилежащие кварталы населены коптами. Собственно Каир, то есть новый город,—темный и самый странный лабиринт, в котором толпятся выходцы Аравии, Абиссинии, Голубого и Белого Нила и всех оазисов пустыни. Улицы очень узки и извилисты; дома, выстроенные в старом арабском вкусе и покрытые арабесками, до того высоки, что едва пропускают дневной свет на улицы, где вечно господствуют таинственные сумерки, одевающие полусветом странные городские толпы. Тут увидишь и желтокожих коптов, всех в черном, и бедуинов в каких-то порыжевших от солнца накидках, и арабов из Мекки, напоминающих мумий в желтых и красных чалмах, и черных нубийцев с правильными чертами лица, в белых и синих одеждах, и эфиопских невольников с бронзовым цветом кожи, со странной прической, совершенно похожей на прическу древних царей, изображенных на фресках Верхнего Египта.

Ото всей толпы резко отличаются суровые варварички с беспокойным и мутным взглядом, ведущие за собой на рынок невольниц, несчастных девушек, украденных из родительского дома: абиссинянок, галлаток и негритянок. Серые лохмотья едва прикрывают их стройные, кра-

сивые тела; взгляд их так глубок и так печален, что трудно дать о нем понятие европейцам. Бедняжки прошли горячие пустыни до Асуана или Сиута, а оттуда приплыли в Каир по Нилу. Половина из них обыкновенно умирает в дороге от усталости и лишений; а мужская половина этого людского стада выдерживает жестокую операцию, которая губит две трети и набивает непомерную цену на остальную треть. Операции совершаются обыкновенно в прибрежных селениях, в окрестностях Сиута или Гергеса. Целые сотни несчастных восьмилетних мальчиков бросаются в яму, где их увечат и зарывают по пояс в землю до тех пор, пока не заживет рана. Вся эта уличная толпа пронизывается длинной вереницей верблюдов, идущих с товарами из внутренней Африки и Аравии. Несколько чиновников вице-короля на прекрасных арабских конях давят кого ни попало; несколько уродливых евнухов, за которыми верхом на ослах следуют женщины, продираются сквозь толпу.

Женщины, с ног до головы закутанные в черные или белые покрывала, кажутся какими-то призраками; иногда перед ними вместо евнухов едет не белом муле, овьюченном красным чепраком, иман¹⁰³ с белой бородой, в зеленой чалме и в белой, шитой золотом одежде, которая называется «махла» или «абаи». Эта процессия значит, что святой муж ведет свой гарем в баню. Я кое-как пробиваюсь в этой давке на осле; передо мной бежит, очищая мне дорогу, шестилетний арабчонок с палкой в руке и кричит во все горло на встречных и поперечных. Вырвавшись из тесноты, я въезжаю в пустые улицы, проезжаю мимо огромных мечетей, сложенных из резного камня в первые века магометанства, и достигаю наконец темного пальмового леса. Пальмы все покрыты финиками, которые спускаются красноватыми, прозрачными гроздьями. Отпускаю осла погулять, а сам сажусь на траву, под тень широкого дерева, на берегу ручья. Старый садовник приносит мне несколько пригоршней фиников; другой садовник приносит мне пучок роз и жасминов; третий приносит глиняную бутылку свежей померанцевой воды, я все это принимаю и закуриваю трубку.

[Ему же]

Канди, Цейлон, 10 марта 1845 года

Я совсем было приготовился отправиться в Бомбей и потому не смел отлучиться из Коломбо; но так как все

на свете стали уверять меня, что прежде месяца или 6 недель не подойдет ни одного парохода и что мне можно погулять по высотам Цейлона и быть уведомленным вовремя о приходе парохода, я поверил на слово и, подгоняемый страшной коломбской жарой, отправился на гору Ниура-Эмгия [Нуvara Эллия]. Только успел я на нес взобраться, как к Коломбо пристал пароход и в ту же минуту отправился в Бомбей: мне осталось только пожелать ему с вершины моей горы счастливого пути ¹⁰⁹.

Чтобы как-нибудь размыкать мое горе, я тотчас же спустился вниз, прибыл в Канди и застал все английское общество наготове отправиться верст за 50, в леса Карнигала [Карунегала], на ловлю слонов. Англичане подманили и меня: сел я на лошадь и после утомительных переездов и многодневного проживания в наскоро устроенных шалашах, посреди невыносимой духоты тропического леса, сплошного, как стена, увидал наконец или правильнее сказать услышал стадо диких слонов, окруженное и гонимое целой тысячью сингалов.

Вооруженные факелами и копьями, сингалы гнали слонов к нарочно устроенной для этого загородке, подле которой для меня и англичан повесили на толстом-пре-толстом дереве что-то вроде клетки. Шелест листьев, треск ветвей и победные крики сингалов возвестили мне решительную минуту. На другой день утром я опять забрался в мою бамбуковую клетку и увидал штук 40 слонов, загнанных в загороду и сбившихся в кучу; в числе старых, огромных слонов были 3 маленьких слоненка, которые жались к слонихам. Самые отважные из сингалов въехали в загороду, по-туземному *крааль*, на четырех одомашненных слонах, и начали пугать диких слонов грозными криками. Им удалось отбить от стада одного слона, накинуть на ногу аркан и привязать к толстому дереву. Тут и началась потеха: бедняк делал невозможные и пресмешные усилия и ревел во все горло; его сотоварищи приблизились было к нему с намерением освободить, но сингалы и ручные слоны отразили их нападение: одни — криками и копьями, другие — клыками. Связанного пленника потащили с торжеством, и всю дорожку 4 домашних слона подгоняли его хоботами и клыками.

Наконец, духота этого влажного леса начала мне надоедать, и я отправился в Канди. Полагаю, что пройдет довольно времени, пока переловят и перевяжут остальных. Впрочем, если бы у меня было довольно досуга и

терпения, я бы еще немножко пробыл в краале, потому что эта слоновая охота очень занимательна. Притом еще одна беда: на низменных частях Цейлона, покрытых мощной растительностью, постоянно свирепствует лихорадка, тем более что в гуще лесов спертый воздух всегда наполнен вредными испарениями от гниющих деревьев. Крааль — квадратное пространство в четверть версты, обнесенное крепким частоколом из черного и других деревьев. Как только загнали диких слонов, весь крааль был окружен копьями, факелами и огромными кострами: иначе слоны выворотили бы весь частокол. Но едва собирались они делать нападение, как тотчас же обращались в постыдное бегство, запуганные огнем, страшными криками и длинными белыми копьями.

Я прибыл в Канди и попал как раз на религиозное торжество: из-под золотых колпаков и парчовых покровов вынимали и показывали сиамским бонзам святыню буддизма — зуб самого Будды, черный, полусгнивший и крючковатый¹¹⁰. Лорд Э., с которым я стоял подле самого жертвенника пагоды, хотел было рассмотреть поближе священный зуб и протянул руку к золотой коробочке, в которой находилась эта святыня, однако сингальские и сиамские бонзы пришли в неопиcуемый ужас. Буддисты очень снисходительны, но поступок лорда Э. был уже из рук вон. Бонзы тотчас же схватили коробочку и уместили ее на священный цветок лотоса, вылитый из золота: таким образом можно было и видеть зуб, и поклоняться ему.

Завтра я отправляюсь в Коломбо на берег моря и поймаю на лету первый корабль, отплывающий в Бомбей. Пароход я пропустил и должен поплатиться за это несносным двадцатидневным переездом, а на пароходе я доехал бы дней в 6. Недавно с Франциском был сильный удар, вероятно приключившийся от страшной духоты, от сангвинического сложения, а более всего от недостатка движения. Впрочем, в Коломбо всякое движение позволительно только ночью, а Франциску, должно быть, не хотелось бегать по ночам, и вот он чуть было не умер, но, к счастью, ему вовремя успели пустить кровь, накормили несколькими порциями какого-то вновь изобретенного масла, называемого «*cruten*», и поставили на ноги. Дай бог, чтобы он этим отделался.

Я приехал сюда в дилижансе и сделал 100 верст в несколько часов. Мне сказали, что дня через 3 отправится отсюда в Бомбей корабль и в дороге пробудет дней 20. Делать было нечего, и я утешился тем, что корабль идет из Новой Голландии, страны довольно холодной, и, стало быть, в нем не так много кокроаков*.

12 марта

Навел справки, и оказалось, что—к крайнему моему горю—корабль не отходит в Бомбей. Теперь я просто сел на мель и, как говорят французы, *le bec dans l'eau* [«томлюсь долгим ожиданием»].

31 марта

Благодаря моим распоряжениям, хотя и необходимым, я все еще от тебя не имею никакого известия. За то есть одна утешительная новость: сегодня наконец отходит маленький пароход в Бомбей. Не ожидал я этого счастья и решился было сесть на какой-то плохой корабль, который, по словам самого капитана, проплывет целый месяц и обладает значительным количеством кокроаков. Мой маленький пароход пробудет в дороге не более 8 дней, по прошествии которых я, без сомнения, получу твои письма и деньги.

[Ему же]

Гайдрабад [Хайдарабад], столица Низама, 2 июля 1845

Вчера я ходил с полковником Макдональдом осматривать потаенные сады Низама. При входе нам отдали честь ряд молодых солдат в красных мундирах, под звуки барабанов и флейт. Необычайная молодость и нежные лица солдат обратили на себя мое внимание. Вообрази же мое удивление, когда я узнал, что это — женщины: набран целый полк амазонок и этому полку исключительно предоставлено охранение гарема раджи.

* Я жестоко ошибся: в дороге этот корабль пробыл целых 60 дней, а кокроаков на нем были миллионы.

С удвоенным любопытством оглядел я этот взвод орлеанских девственниц. На них были красные кивера с золотыми галунами и с зеленым султаном; из-под киверов виднелись чудные черные косы, свернутые в пучок, и желтоватые правильные личики, несколько приплюснутые и обличавшие монгольское племя. Стройный их стан рисовался под красным мундиром, перекрещенный на груди белой портупеей; панталоны на девушках-солдатах были зеленые, а на голых их ножках были надеты шитые туфли, которые они обыкновенно скидывают в комнатах. Вооружены они были ружьями со штыками. Если бы не косы и заметно развитая грудь, их всякий принял бы за очень молодых солдат.

Я выпросил у первого низамского министра позволение срисовать этих амазонок, и министр был так обязателен, что пригнал их с дюжины две на один из многочисленных дворов своего обширного дворца. Там они сначала исполнили кругом фонтана несколько маневров, а потом я срисовал их наскоро, но очень верно: даже лица вышли похожи. Министр простер свою любезность до того, что повелел предстать пред мои светлые очи всем мусульманским и индийским плясуньям, всем наемным солдатам-арабам и позволил мне срисовать этот народ, сколько было душе угодно. Живу я в великолепном дворце резидента, генерала Фразера.

[Ему же]

*Визагапатам [Вишакхапатнам],
на Коромандельском берегу, 21 июля 1845*

Признайся, что Индия тебе страшно надоела. Целые годы я только и болтаю с тобой об одной Индии, сам сыт ею по горло и не знаю, как выбраться отсюда поскорее. Чтобы доехать до Бомбея и осмотреть проеханные страны, мне нужно полгода, а из Бомбея я приеду в Париж, за всеми остановками месяца через 3. Прибавь еще к этому 3—4 недели, которые я пробуду в Бомбее и, может быть, в Гоа. Затем у меня не останется никаких сожалений об Индии, исключая неудавшейся поездки в Кашмир. Видишь ли, я слишком стар для этой поездки и не решусь на нее даже и тогда, если каким-нибудь чудом устранятся все неперсодолимые препятствия, как-то:

тхаги, разбойники, невольничество и голод. Что эти препятствия не мнимые, я в этом вполне уверен.

Впрочем, главная причина, почему мне Индия так опротивела, это беспрестанная официальность. Приедешь на станцию и, вместо того чтобы надеть халат и лечь спать, изволь заниматься туалетом и отправляться в дамское общество. Я только и отдыхаю, телесно и душевно, в паланкине: телесно, потому что в паланкине удобно лежать, а тряска почти незаметна; душевно, потому что я развлекаю докучные мысли приятными чтениями и дорожными видами. Однако в настоящую минуту дорога не очень развлекательна... Дня через 3 я увижу Джагарнат [Джаганнатха], этот знаменитый храм, воспетый *Bernardin de Saint-Pierre* в «Индийской хижине» ^{III}.

*Куттак [Катака], город между Джагарнатом
и Калькуттой, 26 июля*

Какая страшная скука! Представь себе: носильщики, вместо того, чтобы отнести меня в Джагарнат, принесли меня другой дорогой сюда, верст 60 севернее. Никак не могу понять, каким образом произошла эта ошибка. Дело было ночное. Теперь я принужден возвращаться назад, чтобы побывать в Джагарнате, а не посмотреть на него жалко!

Джагарнат, правильное Джаганат [Пури], 29 июля

Я здесь уже три дня и успел срисовать с натуры и храм, и главного жреца; остается срисовать парию *Bernardin de Saint-Pierre*.

В храм не допускается ни одно нечистое существо; позволяется ходить кругом: довольно и этого. Джагарнат — прескверная пагода, но зато существует около 600 лет. Индийцы отдают ей предпочтение, потому что в ней обитает безымянный дух, и обитает уже несколько веков.

Великий жрец Чатиссани-Джог-Наик большой охотник до попугаев и колибри; клеткам у него несть числа, и он с удовольствием показывает своих пернатых пленников. У этого высокого и толстого брамина, должно быть, слоновая болезнь; но эта болезнь его не слишком беспокоит, и, несмотря на тучность ног и прочих членов, он двигается легко и всходит даже со своими клетками и любимой черной обезьяной на кровлю и террасы свое-

го дома. Дом его против храма. Грязный индийский городок, в котором находится Джагарнат, называется Пури. Кстати сказать, по-французски *pourri* [«гнилой»], потому что весь окрестный воздух заражен миазмами. Впрочем, иначе и быть не может в таком месте, куда сходится все отребье индийского населения. Здешний раджа (находящийся отчасти под надзором англичан) ненавидит европейцев. Это — высокий худой и сгорбленный старик, черный, как уголь, одетый с ног до головы в белые ткани. На лбу у него проведены 3 широкие черты белого и желтого цвета. Невдалеке от его мрачного и убогого дворца находится огромный пруд; посреди пруда выстроен храм, из которого при солнечном закате вылетают потрясающие звуки медных труб, гонгов и тамтамов. В пруде роятся крокодилы.

Пури построен на самом берегу моря; волны омывают уединенный домик, в котором я поселился у одного из находящихся здесь англичан, м-ра Шора. Этому бедному молодому человеку, исправляющему должность судьи, не более 24 лет; здоровье у него слабое; он разлучен со всеми родными и должен провести еще целых 20 лет в суде и расправе с индийцами. В Пури он находится с небольшим 4 года. Лучшая его надежда — возможность отпроситься лет через 6 в стпуск, повидаться с родными в Англии и отправиться в Пури, чтобы доживать урочные года в ожидании пенсии в 800 или 1000 фунтов стерлингов. Теперь он получает 700 фунтов стерлингов, но этот оклад увеличится; притом Шор живет расчетливо. Море страшно шумит под моими окнами; сильный и холодный ветер завывает; волны бешено бьются в песок; меня разбирает охота выкупаться в море, да вот беда: акулы!

Впрочем, я каждое утро и вечер обливаюсь несколькими ведрами холодной и пресной воды. Здешний душливый климат приучил меня к холодной или, сказать правильнее, некипяченой воде; совершенно холодной воды не найдешь в этом жарком поясе.

На берегу пруда находится индийская хижина, что-то вроде часовни, населенной крысами, при которых живет привратник, обязанный их кормить. Не знаю, писал ли я тебе, что около Гайдрабада я видел старую Голконду¹¹²; крепость и кладбище, усеянное огромными мавзолеями, похожими на пагоды, кажутся вымершим городом. Я не въезжал на кладбище, чтобы не нарушить спокойствия его обитателей: летучих мышей, волков и гиен. Верстах в 100 оттуда я проезжал мимо голкондских ко-

пей; эти алмазные копи уже давно оставлены за скудностью в алмазах и за трудностью разработки. Последние строчки я пишу в Куттаке, куда меня принесли; Джагарнат я оставил вчера вечером...

Балассор, 5 августа

Я медленно продвигаюсь к Калькутте, по дождю и грязи, бесконечными болотами, в которых царствуют лягушки. Иногда, если за беспорядком недостает на дороге носильщиков, меня опускают наземь в моем паланкине, и большую часть ночи провожу я в ожидании. Вдруг одинокая лягушка начинает кричать под самым ухом, и, право, подчас не хуже козла: так здоровы у них здесь голоса. Невольно бросает в дрожь! Тогда я бужу Франсуа, который тоже лежит в своем паланкине, и приказываю ему шуметь. Случается, что в этом проходит целая ночь, то есть если привал есть только условленное место сдачи для носильщиков и негде укрыться. Утром или раньше носильщики отыскиваются так или иначе, как почтовые лошади; минует затруднение, и минутное отчаяние забывается. Забываются и лягушки, которых голоса покрываются голосами носильщиков: последние непрерывно поют однообразный речитатив, впрочем довольно приятный и склоняющий ко сну.

Балассор — станция, где есть для путешественников очень изрядный домик, с постелью, купальней, кухней, 5—6 слугами-индийцами и всем необходимым для удобного помещения. Поэтому я остановился в Балассоре на сутки и более, с тем, чтобы переодеться и отдохнуть от скуки путешествия под дождем. В этой части Индии, где я теперь, такие домики встречаются приблизительно через каждые 80 верст, и я решился останавливаться в них каждый день и проводить все ночи. Местами, неподалеку от этих станций, есть английские чиновники, военные и гражданские; они живут в прекрасных загородных домах, лежащих друг от друга в большем или меньшем расстоянии. Когда они узнают о приезде на станцию путешественника, то спешат пригласить его остановиться у них или по крайней мере отобедать, позавтракать и т. п., а нередко предлагают ему припасы на дорогу. Я большей частью отказываюсь, предпочитая одиночество, в особенности когда станция хороша. Другое дело — обед; на этот предмет я более падок; не для чего быть вечно медведем, а иногда общество развлекает.

Так, вчера некто, доктор Д., подъехавший верхом к моей станции, рассказал мне, что в Балассоре расположен отряд сипаев под начальством английского капитана и есть 2—3 гражданских чиновника для пошлинного сбора и т. д., капитан над портом и целое управление парусных судов для сообщения с Калькуттой в видах соляной торговли Балассора; все это в подобном виде было здесь некогда у голландцев и у датчан.

В Индии очень часто и не подозреваешь близости живых людей: до того дома низки, разбросаны и закрыты лесами.

Итак, вечером, приглашенный на европейский обед, я легко достал носильщиков, потому что в населении нет недостатка, но все оно прячется в бог знает каких хижинах. По обыкновению меня принесли к доктору в паланкине, при свете факела. В заключение довольно продолжительного перехода по лесу я увидел наконец огни между деревьями и вошел в чрезвычайно красивый дом, где уже был приготовлен стол, роскошно убранный. В гостиной было 6 человек, мужчин и женщин, очень нарядных: близость Калькутты здесь уже заметна. Одна из дам была молода и хороша собой; другая — тоже молода и очень недурна; третья — крайне порядочна, но уже не первой молодости. Первая и родилась и получила образование в Индии. Индия дает развязность, *desinvoltura*, резко противоположную природной английской чопорности.

Эта дама пела нам простые английские песни, без аккомпанемента и без всякой методы, но так просто и с таким решительным отсутствием аффектации, что пение ее было и трогательно и приятно. Мистер Г., один из гостей и капитан сипаев, имеет обязанностью по возможности противодействовать приношению человеческих жертв. В продолжение полутора лет своих разъездов по околотку он спас 40 человек и косвенно, с помощью своего влияния, избавил от смерти еще до 100. Один из жертвоприносителей, схваченный им и теперь поневоле вынужденный помогать ему в открытии других, рассказывал ему страшные вещи об этих жертвах. Есть люди, делающие себе ремесло из того, чтобы воровать детей: они тайно продают их жертвоприносителям, которые, заплатив за них, пребывают в счастливой вере, что кровь, ими проливаемая, падает не на них, а на продавших. Долго, иногда многие годы, эти дети, хотя и тайные пленники, пользуются всеми правами собственных

детей покупателя, и это продолжается до тех пор, пока семейству последнего не грозит какое-либо несчастье. Но лишь только оказывается что-нибудь подобное, решают, что пришло время принести жертву духу зла, который, по их убеждению, падок до человеческого мяса. [...]

[Ему же]

Калькутта, 21 августа 1845

Меня превосходно принял здешний губернатор сэр Генри Хардинг¹¹³, человек донельзя учтивый и исполненный внимания ко мне. Он скоро отправляется осматривать Пенджаб и оставляет на свое место сэра Герберта Маддока в должности вице-губернатора; в качестве дармоеда, toad-eater а, как говорится по-английски, я уж поместился в его доме, среди прелестного парка, где славно едят и курят лучшую на всем свете хукку.

Воздух освежен дождями, которых время уже пришло; небо покрыто. За всем этим неблагоприятно было бы отменить действие экрана, привешенного к потолку, и несмотря на то, что и окна и двери открыты, потому что иначе сделалась бы обильная испарина и нужно бы было тотчас купаться и еще менять белье. Ты понимаешь, что в таком климате не купаться по крайней мере два раза в день — нельзя. Однако один англичанин уверял меня, что купаться неблагоприятно, что он вместо купания заставляет тереть себя, как лошадь, волосатыми перчатками и что это средство достаточно заменяет купание. Зная, до какой степени англичане любят воду, я не совсем поверил ему. Как бы то ни было, он имел любезность подарить мне пару таких перчаток.

Я несколько дней провел за городом, у генерал-губернатора, верстах в 20 отсюда. Это место называется Баракпор [Барракупур]. Парк хорош и расположен по берегу Ганга. Покои замка очень велики. Бездна прислуги особенного сословия — индусов касты, называемой бера¹¹⁴, назначена к экранам или опахалам, висящим на всех потолках. Управляющий, которому поручен надзор за ними, отвечает за то, чтобы опахала не оставались: они должны действовать день и ночь, приводимые в движение слугами, сменяющимися через час и беспрестанно дергающими веревки. Над каждой по-

стелью такие же экраны; их называют *панкха*; они не только чрезвычайно освежают воздух и избавляют от испарины, но с помощью ветра, ими производимого, отгоняют и насекомых. Нередко постель и панкха покрываются обширной сеткой для большей предосторожности от насекомых. Важность опавших этих в Калькутте можно сравнить с важностью печей для Петербурга.

Сэр Герберт Маддок собирается дать бал и получил уже из Лондона пропасть хрустальных люстр, которые теперь прикрепляют к потолку танцевального зала: он хочет, чтобы этот зал был одним *blaze of light* [«сиянием света»], то есть солнце среди темного индийского парка, ее окружающего. Но затруднение в том, что нужно сделать много необходимых вырезов в огромном экране, пересекающем потолок во всю его длину, и в других второстепенных; иначе нельзя совместить люстры с этой утварью, столь необходимой, а в танцевальном зале в особенности, и хозяин боится, чтобы вырезки, которые сделают для люстр, не ослабили чересчур освежающее действие панкха. Сэр Герберт Маддок любит, чтоб все у него было хорошо; его французские блюда в самом деле очень хороши, и, кроме него, в целой Индии ни у кого нет подобных. Я говорю о французских блюдах.

Намедни был маскарад у госпожи Мортон, где был и я. Я не люблю засиживаться долго за полночь и потому пробыл недолго. Вечер был очень люден и оживлен, танцевали польку и мазурку.

[Ему же]

Аллахабад, 17 октября 1845

Я только что оставил Бенарес [Варанаси], где провел около 10 дней. Индия не имеет для меня прежнего очарования, хотя и был я в Бенаресе во время самых главных праздников года и все представления и религиозные процессии чрезвычайно занимательны. В этих сценах индийской мифологии действовали люди всех полов и лет, выкрашенные и одетые богами, богинями и другими силами небесными и подземными. Тут был на носилках Кришна, выкрашенный с головы до ног в яхонтово-голубую краску, обвешанный запястьями, ожерельями, в страшном венке и огромных серьгах, ну точь-в-точь

так, как рисуют и вырезают это божество — опирающимся на индийских молочниц и играющим на кларнете; был тут и Рама, весь розовый и вооруженный щитом и прямой саблей, которой он показывал вид, что сражается, принимая притом воинственные и чрезвычайно забавные позы, и окруженный людьми, выкрашенными и одетыми обезьянами, с длинными хвостами и острокопечными мордами, которые, следуя за шествием, тоже сражались в такт. Потом являлась великолепная и блестящая колесница, и в ней трое хорошеньких детей, выкрашенных в желтое и увенчанных наподобие богов, чрезмерно украшенных поддельными камнями, вооруженных луками и стрелами и сидевших недвижно, не хуже любой статуи. Говорят — увы! — что бедных этих детей приносят в жертву вскоре затем и часто нет никакой возможности ни доказать, ни открыть это; но что не бывало примера, чтобы они не исчезли до конца года, вслед за торжеством, в котором участвовали. Надеюсь, что это одна из тех сказок, которыми так часто угощают путешественников.

К одному из лучших зрелищ этих процессий я отношу праздник богини Кали, богини смерти и разрушения. Ее представляла женщина, выкрашенная в синюю, почти черную краску, с распущенными волосами и стоящая на носилках; она топтала ногами мужчину, выкрашенного в белое и розовое, которого голова была спрятана между тряпьем, замаранным красной краской, так что все это было похоже на человека, которому бы отрубили голову.

В одной руке она держала за волосы картонную голову; другой махала мечом и опускала его над умершим. Рот ее был в красных пятнах. Был еще маленький ребенок, желтый: он сидел на носилках, поджав ноги, и представлял старичка, что-то вроде брамина, плешивого и с бородой совершенно белой. Вечером при свете факелов показывались, между прочим, войны великанов, картонных уродов, вышиной с дом, из-под которых видна была беготня маленьких ножек. Эти ночные сцены происходили по соседству загородного дома раджи бенаресского, ибо есть еще и по сие время бенаресский раджа, толстый, черный юноша, улыбающийся, жующий бетель и разъезжающий на слоне. Я сам разъезжал на слоне среди толпы зрителей и действовавших лиц. Но уже в городе, увлеченный потоком одной из этих процессий; на которые бросают массы цветов со всех крыш, окон и

балконов, ломящихся под бесчисленную толпою,—в городе я нечувствительно вмешался в процессию с моей белой шляпой и, только услышав смех зрителей, а наконец, целого Бенареса, заметил мое положение: можно было подумать, что мне хотелось играть роль в этой сцене.

[Ему же]

Станция Арул, 24 октября 1845

В Аллахабаде отправлялся я в один сад смотреть несколько больших мавританских зданий, надгробных памятников Великого Могола Джахангира¹¹⁵, его супруги, дочери и других. Я снял с них рисунки. В силу общей привычки у меня за неимением другого экипажа были наняты поденные носильщики, всего 6 человек, которым я платил не более 3 франков: это цена для иностранцев; туземцы платят еще дешевле. Носильщики очень услужливы, знают местность и хорошо понимают не знающих их языка. Они же привели или принесли меня в одно подземелье. В Аллахабаде спускаешься с факелом в черный лабиринт и находишь направо и налево бездну каменных лингамов и статуй полулюдей, полуслонов. Эти лингамы вымазаны маслом, украшены цветами и усыпаны мукой или хлебным зерном. Каков же был мой ужас, когда при мрачном свете факела я увидел, что по лингамам ползают огромные кокроаки (особый род тараканов), привлеченные сюда маслом и жиром!

Бивар, другая станция, 25 октября

Из Аллахабада в Агру переезд мой устроен и заплачен наперед, по обычаю страны. Ночью я еду в паланкине, днем останавливаюсь, чтобы избежать солнечного жара; но эта предосторожность почти уже не нужна, потому что с каждым днем становится все холоднее, и я отложу ее вскоре вовсе, почему и буду продвигаться поспешнее.

Здесь расположен теперь полк английских улан, идущий в Пенджаб¹¹⁶: количество слонов, верблюдов, телег, волов, палаток, огней и людей неисчислимо. В одной из палаток, которую ставят рядом с занимаемым мною дак-бунгалом, то есть почтовым домом, есть прехорошенькая английская дама; ставят около моего жилища и

другие палатки, так что я буду «окружен». Кажется, полк пробудет здесь более одного дня. Что до меня, я выступаю вечером, как делаю всегда.

Агра, 28 октября

Я приехал вчера, как предвидел, в 2 часа утра. Дак-бунгало очень покоем, так что я, хотя и с благодарностью, отказываюсь от приглашений генерал-губернатора, который теперь здесь, и губернатора Агры, весьма любезно предлагающих мне первый — палатку в своем лагере, второй — помещение в своем доме, расположенном среди парка. Однако я препорядочно рискую, потому что, если б приехал еще кто-нибудь, я должен уступить место новоприезжему, по положению. Здесь можно пользоваться станцией не более суток, потому что Агра — одно из самых проезжих мест, а вероятность войны с сикхами порождает большое движение к северу. Потому всякий проезжающий имеет право тебя выгнать; но первое: почтовый дом состоит из двух помещений, совершенно раздельных (правда, есть у меня сосед, занимающий другую половину, но я надеюсь, что он скоро уберется); второе: я крепко надеюсь на связи и на отношения большей части путешественников-англичан, штатских и военных, с жителями Агры, отношения, которые заставят их скорее пристать у знакомых, нежели на станции.

Наняв кабриолет, я, между прочим, отправился вчера осмотреть дворец Великого Могола; он пуст и огорожен стенами великолепного укрепления — род кремля; в этих воздушных мраморных павильонах я был удивлен, встретив генерал-губернатора с его адъютантами и другими лицами, снимающего дагерротипы, которыми он занимается соп атоге [«с любовью»].

Агра в отношении к мавританской архитектуре одна из замечательнейших и, может быть, одна из диковиннейших местностей всего земного шара. Из других мест, виденных мною, к этому подходят только Дели и Каир. Здесь, в Агре, бездна памятников из самого лучшего мрамора; каждый в своем роде, единственный, каждый — самого строгого стиля, украшен сложными деталями, чрезвычайно гармонирующими между собой и нисколько не нарушающими девственной чистоты архитектурных линий. Почва плоска и безобразна, пыли очень много; но там и сям есть очаровательные сады, где кричат попугаи и журчит вода. Кроме того, перед тобой бесплодные

равнины, усеянные палатками, населенные слонами и верблюдами, людьми, стряпающими на воздухе, женщинами, которые носят воду,—все это покрыто пылью, или базары длинные, узкие и набитые народом, окаймленные домами с мавританскими балконами. На этих базарах расположены разные индийские съестные припасы, игрушки, хукка, табак и одежды, блестящие, но грубой работы.

Генерал-губернатор предложил мне съездить с ним сегодня вечером в одну из окрестностей, где есть французский женский монастырь. Странное явление в Индии. Располагаю съездить.

Агра, 29 октября

Довольно грустно смотреть на бедных французских монашек; они большей частью из Лиона. Есть у них, однако, хорошенький садик для прогулок, а иногда они ходят к Гималаю, где тоже устроено у них прибежище для отдыха после истомления от зноя. Сухой и холодный воздух теперешний придает мне бодрости, и я делаю прогулки до 6 верст. Сейчас получил я из Дели письмо от моего комиссионера Натмаля: пишет, что у него набралось много вещей для меня, и я решаюсь ехать.

Еще Агра, 4 ноября

Проезд генерал-губернатора сделал то, что все носильщики теперь заняты, и я должен был пробыть здесь все это время. Наконец дак мой заказан к завтрашнему вечеру. За неимением лучшего занимаюсь рисованием здешней архитектуры, что идет довольно худо и не совсем развлекательно. Прямые и параллельные линии без конца, десятки колонн, похожих одна на другую, десятки куполов, один как другой, и бог знает сколько аркад, окон дверей и т. д. Но это не совсем бесполезно.

Долпур [Дхолпур], 6 ноября

Наконец, после бог знает каких усилий, я добился как милости и заплатив порядочную сумму возможности выехать в Гвалиор [Гвалияр]; но вот я на третьей станции застрял со вчерашнего вечера, в месте, истинно ужасном; а уже полдень. Ты еще более будешь смеяться надо мной, что я опять охотой пошел в эту каторгу. Так,

граф Ф. говорит, что весь Восток не стоит и часового путешествия. Но который, ты этого не говоришь? Я получил в Агре письмо твое из Парижа, перед отъездом твоим в Петербург. Последнему я очень рад. Дай бог, чтобы я как-нибудь выбрался из этой стороны и поскорее увиделся с тобой!

Агра, 10 ноября

Среди пустыни есть крепость на скале, у подножия которой город, населенный почти пятьюдесятью тысячами маратхов. Это — Гвалиор. Я приехал туда 10-го числа, на ночь, и резидент, мистер Шекспир, послал вскоре предупредить махараджу, что русский путешественник нарочно приехал издалека, чтобы посмотреть на него и на его столицу. Вследствие этого явилось 2 слона, за мной и за английским резидентом, который живет довольно далеко от города. Мы проезжали по улицам, узким балконами, на которых была тьма народу. Приехав на двор дворца, мы слезли и, предводимые прислугой раджи, вошли один за другим по узкой лестнице до двери, где толпились вооруженные люди, танцовщицы и музыканты. В это время началась музыка и пляска, а мы продолжали идти, кланяясь направо и налево, между двух рядов маратхских воинов, стоявших в длину залы, длинной, низкой и в конце которой сидел на троне махараджа. Он — мальчик 10 лет, весь облепленный жемчугом и бриллиантами, держащий в одной руке кинжал гвалиорский, а в другой — шпагу индогерманского вида. Он черен, как все индийцы, но очень хорош собой, очень грациозен и важен. Каждую минуту молодой слуга, стоящий позади него, совал ему в руку свежие листья бетеля, которые ребенок сейчас же клал в рот.

Меня посадили возле него, и он спросил у меня, как я себя чувствую. Я отвечал на это, что не болен. В свою очередь, я спросил у него о здоровье, и как я получил ответ удовлетворительный, то разговор об этом прекратился. Затем положили передо мной дорогие ткани, жемчуг и небольшие бриллианты. Я отказался от этих богатых подарков, выразив мою признательность; но когда предложили мне полное маратхское вооружение, я подумал о тебе и, поспешно положив на него руку, велел отнести домой. Его отправят в Индору [Индаур], где я возьму его и вышлю к тебе. Начался потом шумный фейерверк, и весь город был иллюминирован плошками.

У молодого гвалиорского раджи есть очарователь-

ная четырнадцатилетняя кузина; по обычаю всех индийских женщин высшего сословия, она живет затворницей. Непосредственно за хрустальным тронем, на котором сидел махараджа,—креслом, в которое вделаны зеркала, она была спрятана зеленой занавесью с небольшим отверстием, закрытым сеткой и к которому княжна, незримо для присутствующих, вольна была приложить свое ушко или прекрасный ротик.

Я сел на пол у самой дырочки и услышал тоненький голосок, который спрашивал у меня, как я себя чувствую (*сааб атиша хаи*)? Ответив, что я чувствую себя недурно (*хараб неи*), я сейчас же, с тем присутствием духа, которое дает привычка к придворной жизни, оборотил вопрос и, со своей стороны, осведомился о ее здоровье. Очаровательная княжна, с быстротой на ответы, прирожденной первобытным племенам Индии, не колеблясь ответила мне, что чувствует себя очень хорошо. Окончив беседу нашу к взаимному удовольствию нашему и общему всех присутствующих, я опять подошел к махарадже и изъявил ему желание удалиться. «Коли так,—сказал он мне,—я украшу вас гирляндами цветов и надушу эссенциями». Вслед за этим он обвешал меня гирляндами жасминов, и в то же время меня всего облили розовыми и сандаловыми эссенциями и маслом, а руки набивали бетелем и позолоченными гвоздичками.

Затем мы опять прошли рядами гвалиорских воинов и влезли на слонов, чтобы вернуться к дому капитана Шекспира, по иллюминированным улицам Гвалиора, на которых теснилась толпа и раздавалась шумная маратхская музыка.

Этот великолепный прием наводит меня на мысль, что меня, при этом дворе, приняли за какого-нибудь европейского раджу. Одной из причин этого было, я думаю, чрезвычайно любезное письмо генерал-губернатора, сэра Г. Хардинга, предупредившего молодого раджу о моем приезде.

[Ему же]

Дели, 14 ноября

Вчера, средь ночи, приехал я на станцию Дели, страшный сарай. Задолго до света пошел я по пустым еще улицам бродить в пальто, потому что ночью уже холодно, и я отправился к большой мечети, величественному зданию из красного и белого мрамора, на которое

я поднялся по широкой наружной лестнице, *como quello della Santa-Trinita a Roma, piazza di Spagna*, [«как то здание Санта-Тринита в Риме на площади Испании»], а затем на один из ее стройных минаретов, откуда я любовался на могольскую столицу, еще закутанную в таинственные серые сумерки утра. Великий Могол спал в своем мраморном дворце, окруженном садами, дворами, разнообразными киосками, красивыми мечетями и грудой хижин, образующих пыльные и незатейливые улицы; все это замкнуто в великолепное зубчатое укрепление из камня цвета красного мрамора и которого высокие стены и мавританские башни образуют просторный четверугольник на плоской почве побережья реки Джамны.

Когда я проходил большой улицей, *Regent-Street* Дели, называемой Чанди-Чок, меня узнали некоторые купцы; воротившись домой, я нашел уже шатавшегося вокруг моей квартиры любимого моего менялу, Натмалья, закутанного всего в красную ткань: он объявил мне, что он в трауре, что он сходит сожжет своего отца и сейчас же вернется. Между тем появилась другая компания купцов, которая наполнила мою маленькую комнату щитами, саблями, топорами и кинжалами; я купил всего на 300 рупий. Уже к вечеру воротился Натмаль совершенно сжегши покойника и бросив прах в священный поток Джамны. Вещи, которые принес он и показывал дрожащей от жадности рукой, куплены мною за 750 рупий, это — камак или лук из фунатской стали с золотыми насечками, такой же щит, несколько кинжалов, вооружение и т. д.

Холера, к несчастью уже производит кое-какие опустошения. В настоящее время, говорят, она косит не более 20 жертв с населения, такого, как в Риме. Но это много для поры года, когда обыкновенно прекращаются и поветрия, и болезни.

Генерал-губернатор едет сегодня на границу Пенджаба, подающую английскому правительству повод к кое-каким беспокойствам. Он не перестал быть чрезвычайно внимательным ко мне, что показалось мне особенно приятным после неопределенного приема, сделанного мне его предместником.

Дели, 22 ноября

Я съездил в Мирут [Мератх], лежащий верстах в 60 отсюда, и только что вернулся в Дели, но уже велел, что-

бы послезавтра все было готово к отъезду. Я оставляю Дели не совсем без сожаления. В день моего прибытия в Мирут, [...] один из английских военных пунктов, умер от холеры один английский улан; я узнал это от полковника, у которого останавливался. Эпидемия была очень сильна в Мируте, но теперь слабеет. Полк европейских улан пострадал менее других, а все-таки потерял 20 человек в месяц. Другие европейские полки теряли людей сотнями в такое же пространство времени, а туземцы умирали тысячами. Настоящее время года на нынешний раз очень неблагоприятно. Болезнь приписывают недостатку в дождях; теперь встречаются только частные случаи.

*На первой станции от Джайпура в Раджпутане,
4 декабря*

Вот я уж и далеко от Дели. В день моего отъезда мне принесли продавать целую кучу разных оружий, довольно любопытных, но дорогих, и я не сошелся в цене. Я надеялся, что к вечеру мне принесут их опять, но пришлось пуститься в дорогу без этого, и не без сожаления.

Уже почти на выезде из Дели, в конце длинной улицы базара, людной и шумной, один из менял догнал мой паланкин с новыми предложениями. Я принял их и согласился подождать за городскими воротами с моими паланкинами и всем кагором, то есть по-русски, пожалуй, кагалом (кагором называют совокупность носильщиков; их было у меня 40). Вскоре при свете факелов разложили передо мной оружие; деньги были отсчитаны — препорядочная сумма! — вещи поспешно уложены, а все мои носильщики и Франц получили от менял щедрые магарычи в силу обычая, весьма утвердившегося в Индии.

После этой покупки я с моими носильщиками одними на всю дорогу, отправился в Джайпур, лежащий в 300 верстах от Дели; переход этот я сделал в 5 суток, полагая по 60 верст в ночь; дорога — страшный песок и пустыня; день проводил я в гадком караван-сараяе. Вообрази, какого труда стоит подобное путешествие несчастным носильщикам. С меня взяли они 200 рупий, кроме того, я давал им по 2 рупии в ночь «на водку». Джайпур — красивый город в прекрасном мавританском стиле, он лежит в пустыне и имеет до 200 тысяч жителей. Я ви-

дел в большом пруде крокодилов, которых приманивают кишками животных и на которых ездят верхом. Эти крокодилы не так длинны, как в Ганге и Инде. Самые большие — 10 футов; в тех реках есть и по 20, и по 25!

Верстах в 8 от Джайпура — Амбер, старый город, имеющий укрепление в скалах и напоминающий Гренаду и Альгамбру, за исключением ее обширных прудов и таинственных и темных садов... Я вошел в языческий храм, где приготавливали к приношению жертву: это была коза. Шесть лет тому назад жертва была бы человеческая. Привели жертву и поставили перед идолом; брамин плеснул ей на голову воды и бросил желтых цветов, бормоча молитвы; потом ребенок и другой, взрослый человек потащили ее на местечко, усыпанное песком, где сразу отхватили ей голову ножом, с виду похожим на бритву и который держали двумя руками. Голову и первую кровь собрали в медный таз и поставили перед идолом, которого задернули занавесом. Идол помещается в чем-то похожем на святилище, в глубине четверугольного двора. Когда был задернут занавес, шею животного опустили в нарочно вырытую яму, чтобы дать стечь остальной крови. Мы вышли и позавтракали в приятном саду, украшенном павильоном из красного мрамора.

Молодой махараджа Джайпура, тринадцатилетний ребенок очень некрасивой наружности, принял нас, сидя на троне. Спросив о моем здоровье, о том, где Россия и сколько времени нужно, чтобы доехать туда из Джайпура, махараджа приказал своему учителю английского языка спросить у него несколько слов из этого языка, которому он учится из угождения резиденту. Потом он встал с трона, пошел в зал для стрельбы, взял лук, стрелы и показал нам свое искусство в стрельбе. В правой стене были небольшие отверстия, через которые можно было переговариваться с его матерью; возле них стоял евнух. Она сказала мне, что желала бы, чтобы я приехал во дворец на целый день, отобедал и посмотрел на бой слонов. Игрушки махараджи — деревянные слоны и лошади, соответствующие его росту; они стоят в тронном зале. После этого мы вошли на веранду, выходящую на довольно большой двор и где были поставлены бархатные сидалища; явилась сначала маленькая каретка в самом индийском вкусе, запряженная четверкой газелей; она раз объехала круг на наших глазах. Потом влетел носорог, за которым бежало два человека с палками для управления им, как буйволом.

Броч [Бхаруч] (по-английски *Broache*),
23 января 1846

Завтра думаю быть в Сурате, откуда на пароходе поеду в Бомбей. С некоторого времени я живу не иначе как в палатках, а иногда и без палаток, под одними деревьями, и сплю в моем паланкине. Индийцы самые страшные сектанты, каких только можно представить себе; они способны сломать дом, если ночевал в нем человек, не принадлежащий к их касте. Дело в том, что они никого не впустят в свое жилище, разве это какой-нибудь заброшенный сарай. Но и эти места обыкновенно грязные, потому что хотя индийцы, без сомнения, и купаются никак не менее двух раз в день, но все вокруг них чрезвычайно неопрятно: улицы, базары и дома такие же в отношении к чистоте, как в Векио-Наполи, или в Чивита Векие [Чивитавеккья], этой несносной трущобе.

Сурат, 21 января

Я приехал сюда только сегодня утром и видел еще немного. Город наиболее населен гебрами, поклонниками огня, которых в Индии зовут парсами. Они держатся религии Зороастра и толпой выселились в Сурат и Бомбей, во время введения в Персии магометанства. Черты их напоминают грузин. Наряд их своеобразен и совершенно однообразен — один и тот же для всех. Странная шапка, легкая и стоячая, сделанная из сероватого ситца, лоснящаяся, как клеенка, подклеенная и на вате, всегда одна и та же, без малейших изменений, и для богача, и для бедного. Сама одежда просто из кисей, довольно длинна, без талии или, вернее, с талией под мышками; панталоны, из такой же материи, ни широки, ни узки. Жрецы их носят бороды, белые шапки вместо серых и черные туфли. Они молятся во время восхождения и захождения солнца и имеют небольшие храмы священного огня. Никогда гебр, или парс, не зажжет тебе трубки или сигары: они считают это за профанацию огня. Не знаю, как они готовят кушанье, но мне случалось жить у них, и ни в чем с этой стороны не было недостатка. Если не ошибаюсь, им воспрещено только на предметы не необходимые употреблять огонь, а в особенности гасить его, потому что пожары гасят. Они очень

промышленны, торговы и богаты. Самый страшный миллионер их в Бомбее: Джамшедджи Джиджибой¹¹⁷.

Рисунок, который посылаю тебе, представляет маратхского раджу, независимого и богатого, который постоянно живет в Бароде [Вадодара], откуда я приехал. Цифра его дохода — предмет удивления англичан; эта цифра — один миллион фунтов стерлингов. Но он скуп и живет грязно, как обыкновенно индийцы, что менее удивительно, потому что они хоть и моются по несколько раз в день, но часто бывает, что в грязи, в каком-нибудь скверном пруде, полном лягушек, зеленом и подернутом мхом и плесенью, которого воду вдобавок они пьют, несчастные, или же в болоте, населенном крокодилами, которых они и не думают обегать, хотя частенько бывают съеданы ими. Вчера, покуда я с англичанином ехал на лодке к острову, на котором растет величайшее в Индии дерево, товарищ мой выстрелил по одному из этих животных и промахнулся, как это бывает большей частью.

Раджа, о котором идет речь, по имени Гаиквар¹¹⁸, намерен, в самый жар, непременно хотел меня посадить в свою охотничью колесницу, запряженную белыми горбатыми волами, безмерно быстрыми и красивыми, — бок о бок с леопардом, очень кротким и пускаемым по равнинам на оленей, лосей и диких коз. Я отговорился, потому что он, в сущности, был не очень любезен и не стоил подобной жертвы. Зато вечером он пригласил меня на представление, которое давала труппа актеров, принадлежащих к его двору, и разыгрывающая фарсы, как в Сан-Карлино. На них чисто национальная печать: они полны комизма и естественности.

В одном из этих фарсов один из актеров обратил мальчишку в скрипку или что-то похожее на гитару. Вот как он это сделал. В один миг опрокинул его в положение инструмента, сорвал с него кисейную чалму, распустил ее с головы до ног в виде струн, настроил за уши и зачал пилить и наигрывать, довершая очарование диковинным подражением звукам инструмента своим голосом. В то же время сосед его невозмутимо-серьезно бил в барабан по голове и спине другого мальчишки, который стоял на четвереньках.

[Ему же]

Сурат, 1 февраля 1846

Я уже решил ехать в Бомбей на парусном судне, когда прибыл пароход. Так как здоровье мое поправи-

лось, я принялся за прежнюю диету и сырую воду, от которой, по случаю легкой дизентерии, должен был выдержаться на несколько дней. Сурат — страшная большая деревня; только гебры, или поклонники огня, делают ее сносною, подобно белорусским евреям, доставляя европейцу все нужное. Я получил несколько приглашений от англичан переселиться к ним: от судей, сборщиков податей, их помощников и капитанов полков, здесь расположенных. Нельзя пожаловаться на негостеприимство; я все-таки предпочитаю остаться на общественной станции для путешественников, конечно лишенной комфорта и похожей на лазарет или пустую гауптвахту, но где я по крайней мере свободен, *tu own master* [«сам себе господин»].

Меня здесь изрядно обокрали, потому что двери и окна худо закрыты и воры входят так же свободно, как ветер, которому всегда бываешь рад. Но я уже познакомился с суратским полицмейстером, очень любезным гебром, который приставил к моей квартире двух солдат, и с тех пор меня не обкрадывают. Вещи, украденные как бы по какому-то волшебству из-под носу у меня и у Франца, следующие: серебряные приборы, сюртук джаконовский черного сукна, довольно новый, который был и очень приличен, и очень полезен, и бутылка самого редкого вина.

Есть в Сурате индийские купцы, банианы, как их называют, которые ведут торговлю опиумом и имеют по меньшей мере 40 тысяч франков ежемесячного дохода. Любопытны свадьбы детей. Кроме того, что последние в этих случаях покрыты драгоценностями и с большим торжеством проходят по Сурату, личики их сплошь закрыты бездной крошечных блесток, золотых, серебряных и разноцветных, которые лепят им на лоб, вокруг глаз, на щеки и подбородок в виде маленьких и весьма сложных арабесков.

Это очень похоже на тонкую татуировку, блестящую и красивую, как мозаика, хотя маленькие существа, украшенные этим способом, напоминают гораздо менее людей, нежели идолов, искусно отделанных.

9 дней блуждал я по лесу Пария-джангль, между Бародой и Суратом, где ел я вещи самые нездоровые и пил постоянно дурную воду. От этого и сделалась у меня дизентерия, которую в Сурате вылечили мне лауданумом, ипекакуаной и голубыми пилюлями из каломеля в небольшом количестве, до трех гран последнего, и части-

цы клещевинного, или касторового, масла при пятидневной диете, то есть саго на воде и сахарной воды.

Бомбей, 9 февраля

Я писал для тебя в Сурате рисунки и продолжал их здесь. Это занятие наполняет длинные, однообразные часы. Пароход мой едет в Суэц 1 марта, и я располагаю воспользоваться этим временем, чтобы побывать в Гоа.

Из Египта я намерен через Вену и Лондон ехать в Петербург. В последнем письме моем я говорил о радже маратхском Бароды, Гаикваре, у которого я был. Он суеверен и боится волшебников и колдунов. Намедни бродяга-пустынник, или факир, пришел в Бароду и, остановившись перед его дворцом, принялся с дикими криками требовать пристанища. Раджа выслал своего камергера звать его обедать, но нищий взбесился, дерзко сказал, что для такого лица, как он, не грешно бы было и обеспокоиться самому радже, и оставил Бароду, произнося проклятия. Раджа до того испугался, что сейчас же послал вослед ему депутацию с 5 тысячами рупий. Какому-то глупому индусу, неизвестно почему срывающему за лекаря и состоящему при его особе, раджа платит безумную сумму — 15 тысяч рупий в месяц. Эти нелепости почти невероятны; но люди, говорившие мне об этом, основательно знают это дело, и сомневаться не должно. Англичане слишком сильны в арифметике и не ошибутся в счетах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гебры — приверженцы зороастризма. В Индии их называют также «парсами». (*Здесь и далее примеч. ред.*)

² Cockroach — «таракан» (англ.).

³ 20° по Реомюру и 60° по Фаренгейту соответствуют 25° по Цельсию.

⁴ Мехмет Али, или Мухаммед Али, — правитель Египта в 1805—1849 гг.

⁵ Кэмпбелл Колин — английский генерал, впоследствии командующий английской армией, подавлявший восстание сипаев (индийских солдат) и крестьян в 1857 г.

⁶ Ибрагим Паша (по одним данным, 1786 г., по другим — 1789—1848 гг.) — сын Мухаммеда Али, полководец и государственный деятель; в 1816—1841 гг. — командующий египетской армией; принимал участие в борьбе Египта за независимость против Османской империи.

⁷ Карнак Джеймс — губернатор Бомбея.

⁸ *Roberts Emma. Views in India, China and on the Shores of the Red Sea. L., 1835.*

⁹ Англичане гордились тем, что установили в Индии *patronizing government* («опекающее правительство») и будто бы не вмешивались во внутреннюю жизнь индийских религиозных и кастовых общин.

¹⁰ 27° и 37° по Реомюру соответствуют 34° и 41° по Цельсию.

¹¹ Сенанкур Этьен (1770—1846) — французский писатель.

¹² Здесь автор под малабарами подразумевает жителей Южной Индии, прежде всего тамилы.

¹³ Маврами называют ланкийских мусульман, потомков смешанных браков арабов с сингалками.

¹⁴ Ганеш — один из индуских богов с головой слона. Интересно наблюдение автора о том, что индуские и буддийские храмы располагались рядом.

¹⁵ Помело — фрукт семейства цитрусовых.

¹⁶ Королевство Канди было завоевано и присоединено к британским владениям в 1815 г.

¹⁷ Согласно переписи 1881 г., на Цейлоне жило 2760 тыс. человек.

¹⁸ Корнак — погонщик слонов.

¹⁹ По преданию, в Рамешвараме Рама, герой эпической поэмы «Рамаяна», после успешного завершения похода на Ланку, где он освободил из плена свою жену Ситу, поклонялся линге, символу бога Шивы. Храм строился с XII по XVIII в. и известен самой длинной среди индийских храмов галереей, опоясывающей храм со всех четырех сторон.

²⁰ Город Путтуччери с округой принадлежал в то время Франции. Присоединен к Индии в 1954 г.

²¹ Хайдар Али (1761—1782) и Типу Султан (1782—1799), правители княжества Майсур, вели упорные войны с англичанами за сохранение независимости; их семьи попали в плен после падения столицы Майсура г. Шрирангапаттинама (Серингапатама) в 1799 г.

²² Правитель Канди Шри Викрама Раджасингхе был пленен в 1815 г.

²³ Храм Джаганнатха в Пури (Орисса) — один из самых знаменитых вишнуитских храмов.

²⁴ Обряд сати — сожжение вдовы на погребальном костре мужа — был запрещен англичанами в 1829 г., но в вассальных княжествах практиковался и позднее. Нелегально сати иногда происходит и сейчас.

²⁵ Элфинстон — губернатор Мадраса в 1837—1842 гг.

²⁶ Наиболее древний из сохранившихся в Канчипураме храмов относится к началу VIII в.

²⁷ Князем Танджавура считался Шиваджи II (1824—1855), представитель династии, родственной Шиваджи, основателю Маратхского государства.

²⁸ Здесь речь, по-видимому, идет о хвостах яков.

²⁹ Тамильский язык неродствен санскриту и отличается от «малабарского наречия», т. е. языка малаялам.

³⁰ Имеется в виду Тирумала Наяка (1627—1659). Его дворец в Мадурани действительно обнаруживает черты влияния европейской архитектуры.

³¹ В скобках даны неправильно переведенные буквально в русском издании слова «коллектор» как «сборщик», «дистрикт» как «провинция». Коллектором назывался администратор с широкими функциями, а термин «провинция» в Индии закрепился за более обширными административными единицами, объединяющими несколько десятков дистриктов.

³² Бог Кришна (или «Черный») изображается человеком с черной кожей, часто синего цвета, иногда в виде ребенка. Согласно легенде, его родители вынуждены были бросить новорожденного и его воспитала семья пастуха.

³³ В эпической поэме «Рамаяна» Раме помогала армия обезьян во главе с царем Сугривой и советником Хануманом.

³⁴ Раджа, по-видимому, предлагал показать танец катхакали, сюжетом которого служат похождения героя эпической поэмы «Рамаяна» Рамы.

³⁵ Князь *N. D.* — Долгоруков Николай Андреевич (1792—1847), генерал от кавалерии, принимавший участие в Отечественной войне 1812 г., а также в персидской кампании 1827 г. После убийства А. С. Грибоедова был послом в Персии. Муж М. Д. Салтыковой (ум. в 1829 г.).

³⁶ Раджа Майсура был отстранен от управления в 1831 г.; княжество в 1881 г. возвращено династии Водеяров.

³⁷ Меркара — столица княжества Кург, аннексированного англичанами в 1834 г.

³⁸ Здесь имеется в виду праздник Дурга-пуджа, после окончания которого глиняные изображения богини Дурги бросают в реку.

³⁹ Нотч — один из видов классического индийского танца.

⁴⁰ Дварканатх Тагор (1794—1846) — просветитель и религиозный реформатор, в 1833—1843 гг. — руководитель религиозно-реформа-

торского общества «Брахмо Самадж», дед знаменитого поэта Рабиндраната Тагора.

⁴¹ К. Вольней (1757—1820) — французский писатель и востоковед, автор «Развалин или размышлений о смене империй».

⁴² Чандранагар — в то время владения Франции.

⁴³ Богиня Сарасвати — покровительница наук и искусств.

⁴⁴ В этом представлении изображалась богиня Дурга, убивающая демона Махисасуру.

⁴⁵ В 1806 г. в Белоре произошло восстание сипайских войск.

⁴⁶ Корморан — «баклан» (от франц. — *cormoran*).

⁴⁷ Дженту — «индусы». Так автор называет индуса высокой касты; возможно, он имеет в виду брахмана.

⁴⁸ Автор описывает ступу в Сарнатхе около Варанаси. Считалось, что внутри холма захоронены мощи Будды. Буддисты проводили обрядовые церемонии и процессии вокруг ступы.

⁴⁹ В то время шла первая англо-афганская война (1838—1842), в ходе которой англичане захватили Кабул, но оказались отрезанными там восстанием афганских племен. Англичане несли большие потери, вынуждены были оставить Кабул, и на обратном пути армия была почти полностью уничтожена.

⁵⁰ Это письмо адресовано Елизавете Павловне Салтыковой (урожденной Строгановой, 1802—1863), жене И. Дм. Салтыкова (1796—1832).

⁵¹ Автор имеет в виду героев эпической поэмы «Рамаяна»; на этот раз он толкует ее очень вольно.

⁵² См. с. 53—54 настоящего издания.

⁵³ Гондвана — «Страна гондов» — область в Центральной Индии, охватывающая области современных штатов Бихар, Орисса и Мадхья-Прадеш; населена в основном племенами.

⁵⁴ Здесь автор описывает индийские браслеты.

⁵⁵ Дроматер — одnogорбый верблюд.

⁵⁶ Махаут — погонщик слонов.

⁵⁷ Хукка — кальян или трубка для курения табака.

⁵⁸ Видимо, это письмо адресовано тому же П. Салтыкову.

⁵⁹ Лакхнау был в это время столицей вассального княжества (навабства) Ауд; в 1856 г. оно было аннексировано англичанами.

⁶⁰ Тхаги — религиозная секта, прославившаяся ритуальными убийствами. Тхагами часто называли и разбойников.

⁶¹ Резидент — представитель английского правительства при дворе вассального князя в Индии.

⁶² Гургери — от малайск. гери - гери — «глиняный маленький горшочек»; употребляется для хранения провизии и для курения табака.

⁶³ Автор имеет в виду, что навабы были шиитами, приверженцами одного из двух основных толков ислама.

⁶⁴ Мухарам — первый месяц мусульманского лунного календаря; у шиитов первые десять дней — траур по «великомученикам» Хасану и Хусейну, сыновьям основателя секты Али.

⁶⁵ Автор описывает Тадж-Махал, гробницу, в которой помещены прах могольского императора Шах Джахана (1628—1658) и его жены Мир-ун-нисы, имевшей титулы Нур-Махал («Свет дворца») и Нур-Джахан («Свет мира»).

⁶⁶ Ипекакуана — лекарственное растение южноамериканского происхождения, корни которого применяются при лечении простудных заболеваний и расстройства желудка.

⁶⁷ Здесь автор говорит о садовом декораторе А. Ле Нотре (1613—1700).

⁶⁸ Т. Т. Меткаф — комиссар провинции Дели в 1838—1844 гг.

⁶⁹ Лал Кила, или Красный форт, — в настоящее время музей.

⁷⁰ Аурангзеб (1658—1707) — император из династии Великих Моголов.

⁷¹ Тавернье, Жан Батист (1605—1689) — французский путешественник, посетил Индию в 1638—1643, 1651—1655, 1657—1662, 1664—1668 гг.

⁷² Автор повторяет имевшую в то время хождение среди англичан версию о происхождении индо-мусульманской (могольской) школы архитектуры.

⁷³ Бернье, Франсуа (1625—1688) — французский врач, живший в Индии, в основном при дворе Моголов, в 1658—1667 гг.

⁷⁴ Надир-шах захватил Дели в 1739 г., в результате восстания понес большие потери, в ответ на это устроил резню, в которой погибло около 20 тыс. человек.

⁷⁵ Пешва Мадхао Рао I (1761—1772). Маратхи в очередной раз захватили Дели в 1771 г.

⁷⁶ Автор имеет в виду шаха Алама II (1759—1806), действительно ослепленного, но не маратхами, а рохиллами — князьями афганского происхождения, правившими в то время Рохиладхандом — территориями к северу от Ганга, к западу от Ауда; с 1805 г. попал в полную зависимость от англичан.

⁷⁷ Кутб-Минар — минарет высотой 73 м, построен в 1232 г.

⁷⁸ Вторая английская экспедиция в Афганистан в апреле—мае 1842 г. захватила Джалалабад и Кандагар, в сентябре — Кабул, однако после этого англичане отошли в свои владения; Афганистан сохранил независимость.

⁷⁹ В Кашмире в то время вышла из повиновения лахорскому радже сикхская армия; наместник провинции Миан Сингх был убит; Кашмир с того времени стал независимым от Лахора княжеством.

⁸⁰ Научно не подтвержденная, но популярная и живучая легенда о еврейском происхождении кашмирцев.

⁸¹ Д р у и д ы — жрецы у древних кельтов.

⁸² «Сикх» — значит «ученик» (*панджаб.*).

⁸³ Н а м е т — шатер, большая палатка.

⁸⁴ Ранджит Сингх (1799—1839) — основатель сикхского государства Пенджаб. Шер Сингх правил в 1842—1843 гг.

⁸⁵ А к а л и — «бессмертные»; секта в сикхизме, выступавшая за возвращение к первоначальной чистоте учения. Основана Говиндом Сингхом (1666—1708).

⁸⁶ Нао Нихал Сингх, внук Ранджит Сингха, царствовал один день после смерти своего отца Кхарак Сингха в ноябре 1840 г.

⁸⁷ Алмаз, получивший название Кохинор, добыт в копиях Голконды (Центральная Индия), подарен храму Джаганнатха в Пури (Орисса), захвачен могольскими войсками и вделан в корону Великих Моголов. В 1739 г. эту корону в Дели захватил Надир-шах, но на обратном пути через Пенджаб она была отбита сикхами, и Кохинор перешел во владение сикхских махараджей. После аннексии Пенджаба в 1849 г. камень попал к англичанам, был подарен Ост-Индской компанией королеве и вделан в британскую корону. С тех пор пошла поговорка: «Индия — крупнейший алмаз в короне Британской империи».

⁸⁸ М о х у р — золотая монета; официальное название основной золотой монеты Британской Индии.

⁸⁹ Известно, что в Индии стальные, отточенные по краям кольца («чакры») надевают на головные уборы члены военизированной организации ордена *акали — ниханги*.

⁹⁰ Аллар, Жан Франсуа (1785—1839) — офицер наполеоновской армии, адъютант маршала Брюна; после 1815 г. служил в армиях Египта, Персии; с 1820 г. — главнокомандующий армией Ранджит Сингха; в 1835 г. во Франции закупил оружие и был назначен официальным поверенным в делах Франции при дворе Ранджит Сингха; скончался в Пешаваре.

⁹¹ В сентябре 1843 г. в Пенджабе власть оказалась в руках военных. На престол был возведен шестилетний сын Ранджит Сингха — Далип Сингх.

⁹² Гурдвар (Хардвар) — место, где Ганг, стекая с гор, выходит на равнину; одно из наиболее священных мест индуизма, куда обычно совершается паломничество. По поверьям, купание здесь способствует очищению от грехов.

⁹³ Дхаулагери (Даулагери) — одна из вершин Гималаев, высота 8221 м.

⁹⁴ До 1858 г. Индия находилась под управлением Ост-Индской компании, которую контролировало английское правительство. Армия и чиновничество делились на служащих Компании и королевских.

⁹⁵ Д ж о м п о н — паланкин в виде складного переносного кресла на деревянных брусках.

⁹⁶ Лорд Элленборо — генерал-губернатор Британской Индии в 1842—1844 гг.

⁹⁷ Ф. И. Бруннов (1797—1875) — русский дипломат, посланник и посол в Лондоне с 1840 по 1875 г.

⁹⁸ Под «диким» цветом здесь подразумевается серо-голубой, пепельный.

⁹⁹ Англичане праздновали «успешное» окончание войны с Афганистаном — вторичный захват Кабула и освобождение пленных англичан (хотя война в целом была ими проиграна), а также победу в первой опиумной войне с Китаем. 29 августа у стен Нанкина был подписан первый англо-китайский неравноправный договор.

¹⁰⁰ Ч и к а — экран из тонких бамбуковых планок, скрепленных шпагатом, вставляемый в окна или двери.

¹⁰¹ В Индии ковали булатную сталь, иногда ее называли дамасской.

¹⁰² Стены Красного форта в Дели выложены красным песчаником.

¹⁰³ Бахадур-шах II (1837—1858) — последний представитель династии Великих Моголов.

¹⁰⁴ Ч к р у т — сигара с отрезанными концами.

¹⁰⁵ Эллора — местечко около Аурангабада, знаменитое пещерными храмами — буддийскими, индусскими и джайнскими; высечены в I—IX вв. н. э.

¹⁰⁶ Синд считался единым государством во главе с династией Тальпуров. Три ветви династии правили со столицами в Хайдар-абаде, Хайрпуре и Мирпуре. Один из трех эмиров считался старшим. Автор проезжал по Синду в переломный момент его истории. Англичане уже решили аннексировать эту страну, и нападение белуджей на резиденцию в Хайдарабаде послужило желанным поводом для объявления войны. В феврале 1843 г. Ч. Дж. Нэпир (1782—1853) разбил войска эмиров при Миан, в марте — при Даро, в августе Синд был присоединен к английским владениям, а эмиры сосланы.

¹⁰⁷ Альгамбра — дворцовый комплекс XIII—XIV вв. на окраине Гренады в Испании.

¹⁰⁸ Здесь, видимо, описка: и м а н вместо и м а м — «святой, священнослужитель».

¹⁰⁹ Нуvara Эллиа — высокогорный курорт в центральном районе Шри Ланки, и, автор, конечно, не мог видеть оттуда парохода, отправляющегося в Бомбей.

¹¹⁰ Зуб Будды — буддийская святыня на Шри Ланке. Для нее выстроен специальный храм в Коломбо. Зуб Будды фигурирует во многих буддийских ритуалах.

¹¹¹ Бернарден де Сент Пьер (1737—1814) — французский писатель. Герои его книги «*La chaumière indienne*» (1790 г.), в русском переводе названной «Путешествия ученых в разных частях света для изыскания истины, обретенной ими в индейской хижине у доброго пария» (М., 1905), посетили браминов храма Джаганнатха, но не нашли ответа на свои вопросы, лишь парий (неприкасаемый) открыл им истину.

¹¹² Голконда — крепость, столица независимого султаната в 1518—1687 гг.

¹¹³ Г. Хардинг — генерал-губернатор Британской Индии в 1844—1848 гг.

¹¹⁴ Автор принимает за индийское слово исковерканное английское *bearer* — «официант».

¹¹⁵ Джахангир (1605—1627) — падишах династии Великих Моголов.

¹¹⁶ Англичане начали в то время подготовку к войне с Пенджабом, разразившуюся в декабре 1845 г.

¹¹⁷ Джиджибхой Джамшедджи Тата (1783—1859) — основатель династии миллионеров и впоследствии монополистов Тата.

¹¹⁸ Га е к в а р — титул правителя княжества Вадодара.

СОДЕРЖАНИЕ

Алаев Л. Б. Предисловие	3
Первое путешествие	9
Второе путешествие	144
Примечания	170

Алексей Дмитриевич Салтыков

ПИСЬМА ОБ ИНДИИ

*Утверждено к печати редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор Э. О. Секар. Младшие редакторы Г. А. Аристова, Н. Н. Соколова. Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор З. С. Теплякова. Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 15309

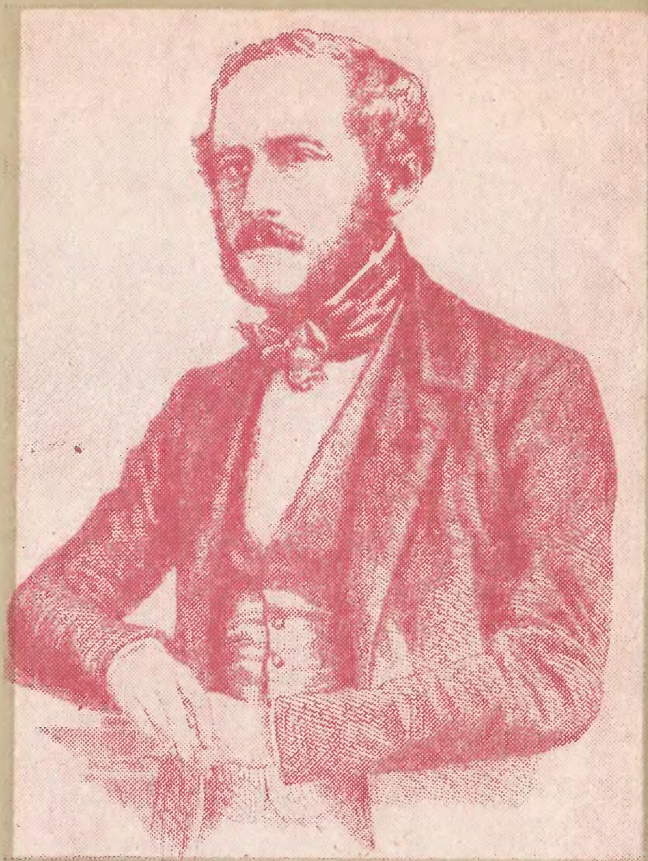
Сдано в набор 19.03.85. Подписано к печати 27.08.85. А-03912. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Иллюстрации отпечатаны на бумаге люксоарт. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,24+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 10,4. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5742. Зак. № 288. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-1-3, Открытое шоссе, 28

ИСПРАВЛЕНИЕ

на странице 67 строку 8 сверху следует читать
Почта в Европу отходит только раз в месяц, а мне

...Хорошо ли, худо ли, но все-таки утешаю себя мыслью, что если мне суждено срисовать эти чудеса природы, я должен приступить к своим занятиям как можно добросовестнее. Иначе я был бы презренным в твоих глазах и в моих собственных. И вот я вооружился карандашом, и приходит иногда в голову, что мои наброски недостойны окружающей меня величественной природы; все же я поставлен в исключительное положение: другого рисовщика здесь нет, и карандаш мой окрыляется...